



**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва



ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

ТОМ 9 • №4 • 2023 ГОД

Подписной индекс 80309

ISSN 2542-047X Print

ISSN 2782-2990 Online

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 9 • № 4 • 2023 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год 2023, Т. 9, № 4

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
ул. Академика Павлова, 1.
Тел.: +7(846) 3379963, 3379936
E-mail: Jjournal@inbox.ru
www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-68026 от 13 декабря 2016 г.

Подписной индекс в объединенном интернет-каталоге

«Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 25.12.2023. Дата выхода в свет 30.12.2023

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 14,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 70 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU**.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

А. Х. Абашидзе, д-р юрид. наук, проф. (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, РФ)

А. И. Абдуллин, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, РФ)

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, доц. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара, РФ)

С. В. Липень, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юлин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)



Subscription Index 80309

ISSN 2542-047X Print

ISSN 2782-2990 Online

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

JURIDICHESKIY VESTNIK

SAMARSKOGO UNIVERSITETA

Vol. 9 • № 4 • 2023

JURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: **LIBRARY.RU RINTS LAN CROSSREF KIBERLENINKA**

*The Journal is included by the HAC in the List of leading scientific editions, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from 30.11.2017*

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year 2023, V. 9, no. 4

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
- 5.1.2. Public Law (State Law) sciences
- 5.1.3. Private law (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal Sciences
- 5.1.5. International legal sciences

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media

III № ФЦ № 77-68026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue of Internet 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media III № ФЦ 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 25.12.2023.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 14,5.

Circulation 200 copies (first printing – 70 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. Kh. Abashidze, Dr. of Law, professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, RF)

A. I. Abdullin, Dr. of Law sciences, professor (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

A. V. Ivanchin, Dr. of Law, associate professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)

S. V. Lipen, Dr. of Law, associate professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Никищенкова М. А. Региональное правотворчество: проблема разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов 7

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Василевич Д. Г. Теоретико-прикладные проблемы экстракорпорального оплодотворения по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь 13

Юн Л. В. Актуальные вопросы противодействия коррупционным проявлениям в экологической сфере 19

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Богустов А. А. Цифровой образ (цифровая копия личности) в системе объектов гражданских прав: опыт модельного законодательства 25

Попова Н. И. Проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе 32

Рузанова В. Д. Гармонизация законодательства об охране здоровья и законодательства о персональных данных как основа для развития персонализированной медицины 38

Ткачева Н. Н. Сроки в гражданском судопроизводстве как гарантия защиты прав и интересов в исковом производстве 46

Туманова Л. В. Лишение родительских прав: исковое производство или применение меры семейно-правовой ответственности 53

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Белоносков В. О. Доказательства и доказывание по УПК Франции 62

Корнакова С. В., Осипова М. А. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств 74

Мяханова А. Н., Гунзынов Ж. П., Синьков Д. В. Некоторые проблемы ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, по уголовному законодательству России и Китая: сравнительно-правовой анализ 81

Нуркаева Т. Н. Вопрос о совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка по-прежнему актуален 90

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Безверхов А. Г., Беляев И. Ю. Социально-правовая природа наркопреступлений в современном международном и российском праве 95

Трибуна молодого ученого

Корпеев А. Г. Классификация преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), по уголовному законодательству Российской Федерации и Туркменистана 102

Шабашов Е. А. Юридическое согласование: ценностно-правовой аспект 108

Требования к оформлению статей 114

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Nikishchenkova M. A.** Regional law-making: the problem of distinguishing the subjects of jurisdiction of the Russian Federation and its subjects 7

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

- Vasilevich D. G.** Theoretical and applied problems of in vitro fertilization under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus 13
Yun L. V. Topical issues of combating corruption environmental offenses 19

PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

- Bogustov A. A.** Digital image (digital copy of a person) in the system of objects of civil laws: experience of model legislation 25
Popova N. I. Problems of legal regulation of examination in civil proceedings 32
Ruzanova V. D. Harmonization of health protection legislation and personal data legislation as a basis for the development of personalized medicine 38
Tkacheva N. N. Terms in civil proceedings as a guarantee of protection of rights and interests in the claim proceedings 46
Tumanova L. V. Termination of parental rights: litigation or application of family legal liability 53

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

- Belonosov V. O.** Evidence and proof under the French criminal procedure 62
Kornakova S. V., Osipova M. A. Use of special knowledge in the investigation of crimes committed by employees of collection agencies 74
Myakhanova A. N., Gunzynov Zh. P., Sinkov D. V. Some problems of liability for the legalization (laundering) of funds or other property obtained by criminal means under the criminal legislation of Russia and China: comparative legal analysis 81
Nurkaeva T. N. Question of improving the legislative structure of the composition of the murder of a newborn child by a mother is still relevant 90

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

- Bezverkhov A. G., Belyaev I. Yu.** Socio-legal nature of drug-related crimes in modern international and Russian law 95

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Korpeev A. G.** Classification of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies) under the criminal legislation of the Russian Federation and Turkmenistan 102
Shabashov E. A. Legal coordination: value and legal aspect 108

- Requirements to the design of articles* 114

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-7-12



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления: 04.08.2023
рецензирования: 06.09.2023
принятия: 15.11.2023

**Региональное правотворчество: проблема разграничения предметов
ведения Российской Федерации и ее субъектов**

М. А. Никищенкова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nikishchenkova.ma@ssau.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов, конституционные и договорные основания определения предметов исключительного и совместного ведения, анализируются обоснованность и эффективность использования остаточного принципа определения предмета исключительного ведения субъектов Федерации. Автор обобщает и проводит систематизацию (учет) законодательной практики Самарской области в период с 1998 г. по настоящее время, выделяет основные направления законодательного регулирования с учетом специфики и потребностей данного региона. В представленной статье определяются основные тенденции регионального правотворчества, выражающиеся в высокой правотворческой активности высших должностных лиц субъектов Федерации; дублированности положений федерального законодательства; формировании практики законодательного регулирования, относящегося к ведению подзаконного нормотворчества, а также практики «опережающего» регионального правотворчества. Вместе с тем автор приходит к выводу, что сложившаяся практика регионального правотворчества может выступить основанием для определения предмета ведения субъектов Федерации и обеспечить наиболее эффективное управление в пределах компетенции органов власти субъекта Федерации с целью удовлетворения региональных потребностей, при условии соблюдения требований единства целей, задач, принципов правотворческой деятельности в масштабе всей страны, единства приемов, способов и средств юридической правотворческой техники как на федеральном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: система права; субъекты правотворческой деятельности; региональное правотворчество; предметы ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Цитирование. Никищенкова М. А. Региональное правотворчество: проблема разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 7–12. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-7-12>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Никищенкова М. А., 2023

Мария Александровна Никищенкова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 04.08.2023
Revised: 06.09.2023
Accepted: 15.11.2023

**Regional law-making: the problem of distinguishing the subjects of jurisdiction
of the Russian Federation and its subjects**

M. A. Nikishchenkova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: nikishchenkova.ma@ssau.ru

Abstract: The article deals with the problem of distinguishing the subjects of jurisdiction of the Russian Federation and its subjects, the constitutional and contractual grounds for determining the subjects of exclusive and joint jurisdiction, analyzes

the validity and effectiveness of the residual principle of determining the subject of exclusive jurisdiction of the subjects of the Federation. The author summarizes and systematizes (records) the legislative practice of the Samara region in the period since 1998. Currently, it highlights the main directions of legislative regulation, taking into account the specifics and needs of this region. The presented article defines the main trends of regional law-making, expressed in the high law-making activity of senior officials of the subjects of the federation; duplication of the provisions of federal legislation; the formation of the practice of legislative regulation related to the conduct of subordinate rule-making, as well as the practice of «advanced» regional law-making. At the same time, the author comes to the conclusion that the established practice of regional law-making can serve as a basis for determining the subject matter of the subjects of the federation and ensure the most effective management within the competence of the authorities of the subject of the federation in order to meet regional needs, subject to compliance with the requirements of unity of goals, objectives, principles of law-making activity throughout the country, unity of techniques, methods and means of legal law-making techniques both at the federal and regional levels.

Key words: legal system; subjects of law-making activity; regional law-making; subjects of jurisdiction of the Russian Federation and its subjects.

Citation. Nikishchenkova M. A. *Regional'noe pravotvorchestvo: problema razgranicheniya predmetov vedeniya Rossiiskoi Federatsii i ee sub'ektov* [Regional law-making: the problem of distinguishing the subjects of jurisdiction of the Russian Federation and its subjects]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 7–12. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-7-12> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Nikishchenkova M. A., 2023

Mariia A. Nikishchenkova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Единство системы права Российской Федерации и множественность субъектов правотворческой деятельности традиционно сохраняют центральное место в определении системы законодательства федеративного государства и юридической силы нормативных правовых актов, принимаемых на региональном уровне.

Региональное правотворчество как вид правотворческой деятельности достаточно давно используется в юридической литературе. Одним из наиболее полных представляется определение, предложенное Я. В. Гайворонской, в соответствии с которым региональное правотворчество представляет собой «профессиональную деятельность уполномоченных органов государственной власти субъекта Федерации, направленную на разработку норм права и дальнейшее издание (принятие, изменение, отмену) нормативных правовых актов в пределах компетенции органов власти субъекта Федерации с целью удовлетворения региональных потребностей в урегулировании общественных отношений» [3, с. 120]. Акцентирование внимания на целевом назначении правового регулирования на региональном уровне как регулирования, направленном на удовлетворение региональных потребностей, подчеркивает необходимость конкретизации круга вопросов, составляющих предмет ведения субъектов Федерации.

Конституционное закрепление правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации послужило основанием формирования предмета регионального правотворчества, но оставило дискуссионное поле о круге вопросов, относящихся к исключительному ведению субъектов Федерации. Ст. 71 и ст. 72 Конституции Российской Федерации закрепляют вопросы, относящиеся к ведению Российской Федерации и к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В то же время ст. 73 Конституции Российской Федерации определяет предмет ведения субъектов Российской Федерации по остаточному принципу,

закрепляя, что вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти. Также ч. 3 ст. 11 Конституции Российской Федерации закрепляет порядок разграничения предметов ведения на основании Конституции Российской Федерации, федеральных и иных договоров о разграничении предметов ведения и полномочий.

Однако федеративные договоры идут по пути определения полномочий исключительного ведения субъектов Федерации по принципу, закрепленному в Конституции Российской Федерации. Ст. 3 Федеративного договора от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» от 31.03.1992)¹, подписанного 6 краями, 49 областями Российской Федерации, городами Москвой и

¹ Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» от 31.03.1992) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120323.

Санкт-Петербургом, закрепляет правило, согласно которому «все полномочия государственной власти, не отнесенные согласно статьям I и II настоящего Договора к ведению федеральных органов государственной власти Российской Федерации и к совместному ведению федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, осуществляются органами государственной власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга самостоятельно в соответствии с Конституцией Российской Федерации». Нормативное определение предмета ведения республик в составе Российской Федерации как круга вопросов, выходящих за полномочия, переданные (отнесенные) в ведение федеральных органов государственной власти Российской Федерации, закреплено и в ст. 3 Федеративного договора от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору»)², подписанного 18 республиками Российской Федерации.

Бланкетный характер диспозиций анализируемых норм порождает недостаточную определенность по вопросам исключительного федерального ведения и совместного федерального ведения, но прежде всего – ведения субъектов Федерации и вызывает многочисленные научно-практические дискуссии [1–10]. Отсутствие перечня вопросов (даже открытого), относящегося к предмету исключительного ведения субъектов Федерации, ставит вопросы об объеме правового регулирования и возможности проявления инициативы со стороны субъектов Федерации, о существовании «опережающего» регионального правотворчества в исключительных ситуациях, его оправданности и месте в единой правовой системе Российской Федерации. Вместе с тем отсутствие конституционного закрепления перечня вопросов, составляющих предмет исключительного ведения субъектов Федерации, затрудняет обеспечение необходимого качества и эффективности законодательных и подзаконных актов субъектов Российской Федерации.

Открытость и высокая дискуссионность вопроса о разграничении полномочий в некоторой степени компенсируется признанием единства принципов правовой политики, включающих и принципы правотворческой деятельности: законность, научность, профессионализм, гласность, демократизм и др. Вместе с тем недостаточность

законодательного определения предметной области регионального правотворчества приводит к стремлению сформулировать специальные принципы правотворческой деятельности субъектов Федерации: принцип дифференциации правотворческих полномочий; принцип согласованности и непротиворечивости нормативных актов субъекта РФ и федерального законодательства; принцип верховенства Конституции Российской Федерации и федерального законодательства в региональном правотворчестве; принцип единства системы правовых актов в Российской Федерации. Вместе с тем данный подход не снимает проблемы определения роли и места регионального правотворчества в единой системе права Российской Федерации. Это касается не только законодательной деятельности на уровне регионов, но и всего правотворческого процесса, включая подзаконную нормотворческую деятельность федеральных органов исполнительной власти субъектов Федерации. Как показала недавняя практика правового регулирования в условиях формирования новых «подвижных» сфер общественных отношений³, повышение качества нормотворческой деятельности органов власти субъектов Федерации возможно при условии введения законодательного закрепления прав и обязанностей субъектов правотворческой и подзаконной нормотворческой деятельности; ограничения предмета правового регулирования и определения единого понятийного аппарата; определения единых методов правового регулирования, используемых субъектами Федерации в рамках нормотворческой деятельности.

К сожалению, сложившаяся практика регионального правотворчества показывает, что недостатки правотворческой юридической техники на уровне субъектов Федерации зачастую приводят к дублированию положений федерального законодательства, а неопределенность предмета правового регулирования субъекта Федерации формирует практику законодательного регулирования вопросов, которые могут быть определены в рамках подзаконного нормотворчества. Так, например, в Самарской области 27.06.2023 принят Закон Самарской области № 44-ГД «О внесении изменения в статью 2.1 Закона Самарской области «О памятных датах и праздничных днях Самарской области»⁴, установивший празднование «Дня баяна – 25 августа». В этой связи определение круга вопросов, относящихся к исключительному ведению субъектов Федерации, позволило бы не только избежать проблем дублированности норматив-

² Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору») // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120324.

³ Речь идет о региональной правотворческой деятельности в сфере противодействия росту социально опасных заболеваний, в том числе в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

⁴ Закон Самарской области № 44-ГД «О внесении изменения в статью 2.1 Закона Самарской области «О памятных датах и праздничных днях Самарской области». URL: <https://sam-pravo.ru/zakon/2023/06/29/n-44-gd>.

ных положений федерального законодательства, но и сформировать более эффективную практику законодательного и подзаконного нормативного регулирования общественных отношений с целью удовлетворения региональных потребностей.

На уровне субъектов Федерации законодательство регулируется конституциями или уставами и законами субъектов Российской Федерации. В Самарской области действуют Закон Самарской области от 07.07.2000 № 28-ГД «О нормативных правовых актах Самарской области»⁵ и Закон Самарской области от 10.05.1995 № 3-ГД «О порядке опубликования и вступления в силу законов Самарской области и иных нормативных правовых актов, принятых органами законодательной и исполнительной власти Самарской области»⁶, определяющие понятие нормативного правового акта Самарской области, устанавливающие систему нормативных правовых актов Самарской области, определяющие виды нормативных правовых актов Самарской области, регулирующие вопросы, связанные с принятием и действием нормативных правовых актов Самарской области, а также определяющие способы их учета и систематизации. Но, к сожалению, конкретизация предмета ведения регионального правотворчества также остается в поле правового пробела. Однако даже в условиях определения вопросов исключительного ведения субъектов Федерации по остаточному принципу необходимо отметить высокую активность регионального законодательного процесса. Самарская губернская дума за период с 1998 года приняла более 2500 законов Самарской области⁷ (подавляющее большинство которых (79 %) было связано с внесением изменений и поправок в ранее принятое законодательство Самарской области). Анализ действующего законодательства Самарской области показал, что предметную область законодательного регулирования данного субъекта Федерации составляют следующие вопросы: Законодательство о конституционном строе; Референдум. Выборы. Избирательная система; Местное самоуправление; Законодательство об основах государственного управления; Государственная служба в Российской Федерации; Административные правонарушения и административная ответственность; Жилищно-коммунальное хозяйство; Законодательство о труде и занятости населения; Законодательство

⁵ Закон Самарской области от 07.07.2000 № 28-ГД «О нормативных правовых актах Самарской области». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc itself=&infostr=x07q8+z17flg7vLu4fDg5uDI8vH/IO3II0Ig7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&backlink=1&nd=156010815&page=1&rdk=14#10>.

⁶ Закон Самарской области от 10.05.1995 № 3-ГД «О порядке опубликования и вступления в силу законов Самарской области и иных нормативных правовых актов, принятых органами законодательной и исполнительной власти Самарской области». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=156023902&backlink=1&nd=156019664>.

⁷ Законы Самарской области. URL: http://pravo.samregion.ru/?s=&category_name=zakony.

о социальном обеспечении; Законодательство о финансах; Промышленность; Строительство; Транспорт; Законодательство об охране окружающей природной среды; Использование и охрана земель; Использование и охрана природных ресурсов; Законодательство об образовании, науке, культуре; Законодательство о здравоохранении, физической культуре, спорте и туризме; Законодательство о безопасности и охране правопорядка; Правосудие; Прокуратура. Органы юстиции. Адвокатура. Нотариат; Международные отношения. Международное право и другие. Всего 30 основных направлений правового регулирования, учитывающих специфику региональных потребностей.

Представленная диаграмма наглядно демонстрирует пропорциональное распределение категорий принимаемого регионального законодательства, где очевидное лидирующее значение принадлежит 6 направлениям, суммарно составляющим 78 % общего числа принятых законов Самарской области за рассматриваемый период. Речь идет о таких направлениях, как: 010.000.000 Законодательство о конституционном строе; 080.000.000 Законодательство о финансах; 070.000.000 Законодательство о социальном обеспечении; 020.000.000 Законодательство об основах государственного управления; 090.000.000 Законодательство о хозяйственной деятельности; 010.150.000 Местное самоуправление.

Современное региональное правотворчество находится в достаточно активной фазе, что позволяет выделить определенные тенденции его развития. Во-первых, региональное правотворчество характеризует высокая правотворческая активность высших должностных лиц субъектов Федерации. Так, в период с 01.01.2023 по 10.10.2023 было принято более 150 постановлений губернатора Самарской области⁸. Это обусловлено в первую очередь особой ролью глав субъектов в правоприменительном процессе и ответственностью в обеспечении интересов региона. В этом смысле подзаконное региональное правотворчество во многом является определяющим в региональном законодательном процессе. Во-вторых, региональное законодательство претерпевает внесение многочисленных поправок и изменений. Самарская губернская дума только за последние 5 лет приняла более 500 поправок, а с января 2023 года по настоящее время – 53. Можно предположить, что подобная законодательная активность обусловлена необходимостью приведения регионального законодательства в соответствие с активно изменяющимся федеральным законодательством, а также развитием региональных отношений, специфика которых должна быть отражена на уровне нормативных правовых актов субъектов Федерации. В-третьих, правотворческая юридическая техника регионального уровня постоянно совершенствуется. Вместе с тем субъекты правотвор-

⁸ Постановления губернатора Самарской области. URL: http://pravo.samregion.ru/?s=&category_name=postanovleniya-gubernatora.

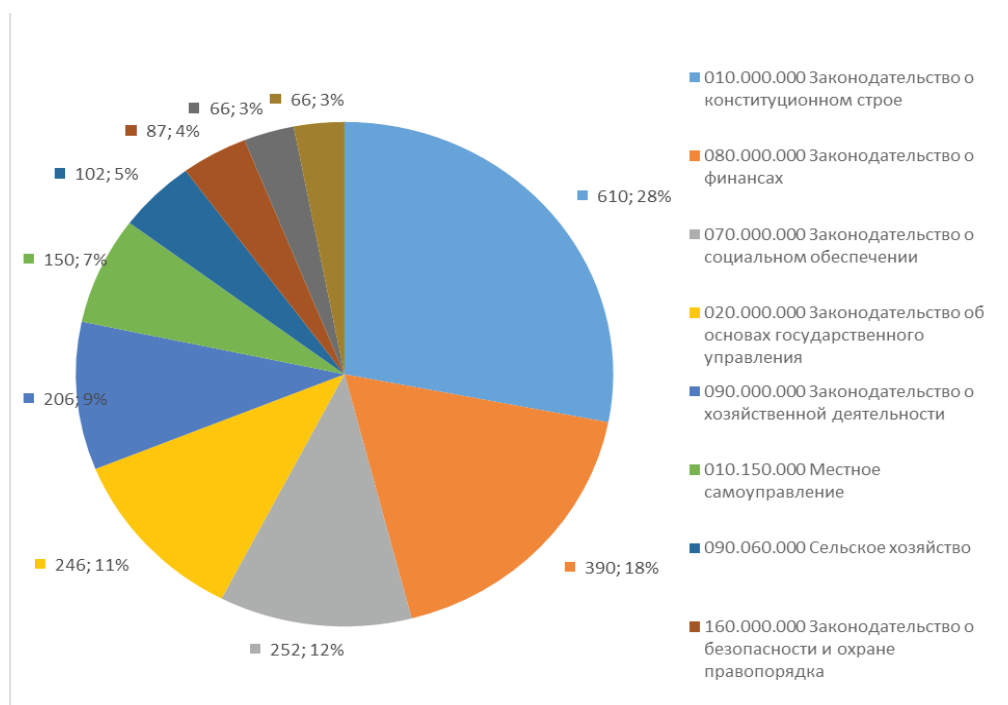


Рисунок – Законы Самарской области в 1998–2023 годах
Figure – Laws of the Samara region in 1998–2023

чества регионального уровня в тексте нормативных правовых актов не всегда устанавливают цели и задачи правового регулирования, используют унифицированные правовые дефиниции, соблюдают правила структурирования нормативного правового акта, закрепляют механизмы обеспечения реализации правовых положений регионального законодательства. Полагаем, что совершенствование нормативных правовых актов субъектов Федерации может быть связано с повышением открытости законодательного процесса, разработкой рекомендаций правотворческой юридической техники, установлением оснований и порядка проведения экспертизы нормативных правовых актов. Например, Закон Самарской области от 07.07.2000 № 28-ГД «О нормативных правовых актах Самарской области»⁹ закрепляет в ст. 5.1 требование обязательной экспертизы нормативных правовых актов Самарской

⁹ Закон Самарской области от 07.07.2000 № 28-ГД «О нормативных правовых актах Самарской области». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infosttr=x07q8+zl7fIg7vLu4fDg5uDI8vH/I03II0Ig7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&backlink=1&nd=156010815&page=1&rdk=14#10.

области, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Представляется, что анализ сложившейся практики регионального правотворчества может выступить основанием для определения предмета ведения субъектов Федерации и обеспечить наиболее эффективное управление в пределах компетенции органов власти субъекта Федерации с целью удовлетворения региональных потребностей. Федеративное государственное устройство Российской Федерации предполагает формирование единой системы права, в рамках которой региональное правотворчество выступает продолжением федерального права, учитывающего в своем содержании специфику и особенности субъектов Федерации. Единство системы права включает в себя как единство целей, задач, принципов правотворческой деятельности в масштабе всей страны, так и единство приемов, способов и средств юридической правотворческой техники как на федеральном, так и на региональном уровне.

Библиографический список

1. Алфимцев В. Н. В поисках исключительной компетенции субъектов Российской Федерации в сфере национальной политики // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 27–34. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.77.4.027-034>.
2. Ветров Д. М. Остаточная компетенция субъектов РФ при договорном разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и субъектов РФ // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. № 2 (2). С. 36–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ostatochnaya-kompetentsiya-subektov-rf-pri-dogovornom-razgranichenii-predmetov-vedeniya-i-polnomochiy-mezhdu-organami-gosudarstvennoy/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25584560>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vnwnvj>.
3. Гайворонская Я. В. Региональное правотворчество: понятие, принципы, правовое регулирование // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. Т. 17, № 2. С. 120–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-pravotvorchestvo-ponyatie-printsipy-pravovoe-regulirovanie/viewer>.
4. Зайналов К. Ш. К вопросу об опережающем правовом регулировании по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов // Современное право. 2012. № 4. С. 26–29. URL: <https://www.>

- sovremennoepravo.ru/m/articles/view/К-вопросу-об-опережающем-правовом-регулировании-по-предметам-совместного-ведения-Российской-Федерации-и-ее-субъектов?ysclid=lo177sx9rg50028610.
5. Куракин А. В., Карпухин Д. В. Правовой механизм реализации принципов разграничения полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в актах Конституционного Суда РФ // Современное право. 2020. № 4. С. 14–19. DOI: <https://doi.org/10.25799/N1.2020.57.48.005>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zlmjce>.
6. Куракин А. В., Карпухин Д. В., Попова Н. Ф. Принципы разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектами // Административное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 19–35. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0595.2018.11.28228>.
7. Люльев Д. В. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ // Российская юстиция. 2007. № 1. С. 61–63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9467731>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hzetez>.
8. Миронов В. П. Договорное разграничение предметов ведения и полномочий органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъекта РФ // Правоохранительные органы: теория и практика. 2005. № 3. С. 25–38.
9. Нарутто С. В. Конституционное разграничение компетенции между Федерацией и ее субъектами: история и современность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 79–95. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-3-79-95>.
10. Салмина С. Г. К вопросу правового регулирования предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов // Вестник Югорского государственного университета. 2009. № 4 (15). С. 74–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-pravovogo-regulirovaniya-predmetov-vedeniya-rossiyskoy-federatsii-i-ee-subektov/viewer>.

References

1. Alfimtsev V. N. *V poiskakh isključitel'noi kompetentsii sub"ektov Rossijskoi Federatsii v sfere natsional'noi politiki* [In Search for the Exclusive Jurisdiction of the Constituent Entities of the Russian Federation in the Sphere of the National Policy]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2017, no. 4 (77), pp. 27–34. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.77.4.027-034> [in Russian].
2. Vetrov D. M. *Ostatocchnaya kompetentsiya sub"ektov RF pri dogovornom razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochii mezhdru organami gosudarstvennoi vlasti i sub"ektov RF* [Residual competence of the subjects of the Russian Federation in the contractual delimitation of subjects of competence and powers between public authorities and subjects of the Russian Federation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2001, no. 2 (2), pp. 36–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ostatochnaya-kompetentsiya-subektov-rf-pri-dogovornom-razgranichenii-predmetov-vedeniya-i-polnomochiy-mezhdru-organami-gosudarstvennoy/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25584560>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vnwvvnv> [in Russian].
3. Gaivoronskaya Ya. V. *Regional'noe pravotvorchestvo: ponyatie, printsipy, pravovoe regulirovanie* [Regional lawmaking: concepts, principles, legal regulation]. *Aziatsko-tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo* [PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law], 2015, vol. 17, no. 2, pp. 120–137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-pravotvorchestvo-ponyatie-printsipy-pravovoe-regulirovanie/viewer> [in Russian].
4. Zainalov K. Sh. *K voprosu ob operezhayushchem pravovom regulirovanii po predmetam sovmnestnogo vedeniya Rossijskoi Federatsii i ee sub"ektov* [Opinion on the anticipatory law-making in the sphere of joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects]. *Sovremennoe pravo*, 2012, no. 4, pp. 26–29. Available at: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/К-вопросу-об-опережающем-правовом-регулировании-по-предметам-совместного-ведения-Российской-Федерации-и-ее-субъектов?ysclid=lo177sx9rg50028610> [in Russian].
5. Kurakin A. V., Karpukhin D. V. *Pravovoi mekhanizm realizatsii printsipov razgranicheniya polnomochii po predmetam sovmnestnogo vedeniya Rossijskoi Federatsii i sub"ektov Rossijskoi Federatsii v aktakh Konstitutsionnogo Suda RF* [The legal mechanism for the implementation of the principles of differentiation powers of joint jurisdiction Russian Federation and subjects of Russian Federation in acts of Constitutional Court of Russian Federation]. *Sovremennoe pravo*, 2020, no. 4, pp. 14–19. DOI: <https://doi.org/10.25799/N1.2020.57.48.005>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zlmjce> [in Russian].
6. Kurakin A. V., Karpukhin D. V., Popova N. F. *Printsipy razgranicheniya predmetov vedeniya i polnomochii mezhdru organami gosudarstvennoi vlasti Rossijskoi Federatsii i ee sub"ektami* [Principles of differentiation of subjects of competence and powers between state authorities of the Russian Federation and its subjects]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and Municipal Law], 2018, no. 11, pp. 19–35. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0595.2018.11.28228> [in Russian].
7. Lyulyev D. V. *Razgranichenie predmetov vedeniya i polnomochii mezhdru organami gosudarstvennoi vlasti RF i organami gosudarstvennoi vlasti sub"ektov RF* [Differentiation of subjects of competence and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the subjects of the Russian Federation]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2007, no. 1, pp. 61–63. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9467731>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hzetez> [in Russian].
8. Mironov V. P. *Dogovornoe razgranichenie predmetov vedeniya i polnomochii organov gosudarstvennoi vlasti RF i organov gosudarstvennoi vlasti sub"ekta RF* [Contractual differentiation of subjects of competence and powers of state authorities of the Russian Federation and state authorities of the subject of the Russian Federation]. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika*, 2005, no. 3, pp. 25–38 [in Russian].
9. Narutto S. V. *Konstitutsionnoe razgranichenie kompetentsii mezhdru federatsiei i ee sub"ektami: istoriya i sovremennost'* [Constitutional delimitation of competence between the Federation and its subjects: history and modernity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2018, no. 3, pp. 79–95. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-3-79-95> [in Russian].
10. Salmina S. G. *K voprosu pravovogo regulirovaniya predmetov vedeniya Rossijskoi Federatsii i ee sub"ektov* [To the question of legal regulation of the objects of authority of the Russian Federation and its subjects]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Yugra State University Bulletin], 2009, no. 4 (15), pp. 74–79. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-pravovogo-regulirovaniya-predmetov-vedeniya-rossiyskoy-federatsii-i-ee-subektov/viewer> [in Russian].

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-13-18



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

Дата поступления: 06.08.2023
рецензирования: 09.09.2023
принятия: 15.11.2023

**Теоретико-прикладные проблемы экстракорпорального оплодотворения
по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь**

Д. Г. Василевич

Международный университет «МИТСО», г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: fevralzzz@mail.ru; gregory5581@yandex.by

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы реализации одного из репродуктивных прав – применения экстракорпорального оплодотворения. Право иметь детей является одним из фундаментальных конституционных прав. Подчеркивается, что использование ЭКО является вынужденной мерой для супругов (семейных пар), поскольку по медицинским показаниям не представляется возможным зачатие детей естественным путем. Все более преобладающей становится точка зрения, что ЭКО как результат достижений биомедицины является общественным благом; хотя и в меньшей степени, но звучат голоса о том, что наличие детей является своего рода долгом перед обществом. Общеизвестным является подход, согласно которому ЭКО нельзя использовать для выбора пола ребенка, его каких-либо физических характеристик. Это подчеркивает ценность общего блага, а не приоритет выбора отдельного субъекта. Умышленный выбор пола будущего ребенка – путь к пагубной гендерной диспропорции. В контексте морального статуса человеческого эмбриона признано, что растить эмбрион более 14 дней и затем разрушать этически неприемлемо. Обращается внимание на возникающие на практике споры относительно возможного применения ЭКО, в том числе после расторжения брака. Вносятся предложения по совершенствованию гражданского и иного законодательства и правоприменительной практики. В частности, предусмотреть, что наследниками по завещанию и закону могут быть в том числе граждане, зачатые в соответствии с соглашением между женщиной и мужчиной об использовании его биоматериала для экстракорпорального оплодотворения в течение шести месяцев после его смерти и родившиеся живыми после открытия наследства. Бесплатное хранение половых клеток должно быть обеспечено сотрудникам правоохранительных органов, профессиональным военнослужащим и военнослужащим, выполняющим долг в «горячих точках», сотрудникам Министерства по чрезвычайным ситуациям и т. п. при условии, что у них пока нет детей. В иных случаях их хранение может осуществляться за плату.

Ключевые слова: соматические права; право иметь детей; репродуктивные права; репродуктивные технологии; бесплодие; экстракорпоральное оплодотворение; выбор донора; права человеческого эмбриона.

Цитирование. Василевич Д. Г. Теоретико-прикладные проблемы экстракорпорального оплодотворения по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 13–18. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-13-18>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Василевич Д. Г., 2023

Дмитрий Григорьевич Василевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Международный университет «МИТСО», 220099, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Казинца, 21, корп. 3.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.08.2023
Revised: 09.09.2023
Accepted: 15.11.2023

**Theoretical and applied problems of in vitro fertilization under the legislation
of the Russian Federation and the Republic of Belarus**

D. G. Vasilevich

International University «MITSO», Minsk, Republic of Belarus
E-mail: fevralzzz@mail.ru; gregory5581@yandex.by

Abstract: The article deals with the issues of realization of one of the reproductive rights – the use of in vitro fertilization. The right to have children is one of the fundamental constitutional rights. It is emphasized that the use of IVF is a forced measure for spouses (married couples), since it is not possible to conceive children naturally due to medical indications. The point of view that IVF as a result of biomedical advances is becoming more and more predominant; although to a lesser extent, there are voices that have children is a kind of duty to society. It is generally accepted that IVF should not be used to choose the sex of a child, or any of its physical characteristics. This emphasizes the value of the common good, rather than the priority of an individual subject's choice. The deliberate choice of the sex of an unborn child is a pathway to pernicious gender imbalance. In the context of the moral status of the human embryo, it is recognized that raising an embryo for more than 14 days and then destroying it is ethically unacceptable. Attention is drawn to the disputes arising in practice concerning the possible use of IVF, including after the dissolution of a marriage. Proposals are made to improve civil and other legislation and law enforcement practice. In particular, to provide that heirs under the will and the law may include citizens conceived in accordance with an agreement between a woman and a man to use his biomaterial for in vitro fertilization within six months after his death and born alive after the opening of the inheritance. Free storage of gametes must be provided to law enforcement officers, professional servicemen and servicemen performing duty in «hot spots», employees of the Ministry of Emergency Situations, etc., provided that they do not yet have children. In other cases, they can be kept for a fee.

Key words: somatic rights; right to have children; reproductive rights; reproductive technology; infertility; in vitro fertilization; donor choice; human embryo rights.

Citation. Vasilevich D. G. *Teoretiko-prikladnye problemy ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Belarus'* [Theoretical and applied problems of in vitro fertilization under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 13–18. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-13-18> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Vasilevich D. G., 2023

Dmitry G. Vasilevich – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of International Law, International University «MITSO», unit 3, 21, Kazintsa Street, Minsk, 220099, Republic of Belarus.

Одним из важнейших конституционных прав человека является право иметь детей. Здесь дело не только в частном (личном) интересе (праве на деторождение), но и государственном: современные государства с учетом перспектив своего развития принимают комплекс мер, направленных на обеспечение своей демографической безопасности. Даже в чисто формальном аспекте можно отметить, что наличие народа – это неотъемлемый признак государства. Государство с большей численностью населения, особенно когда в его структуре больше детей и молодежи, имеет большие перспективы для развития.

Важным средством обретения возможности иметь детей является экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО). Впервые ребенок был рожден благодаря ЭКО в 1978 году в Великобритании. В последующем девочка, рожденная в 1978 году «из пробирки», став взрослой, родила естественным путем в 2004 году ребенка. То есть это не повлияло на детородную функцию женщины, хотя некоторые опасения по поводу развития таких людей высказываются, о чем будет сказано ниже.

Заметим, что изучение методов вспомогательных репродуктивных технологий началось не в XX веке, как часто полагают, а в XIX веке. Исследователи упоминают доктора Walter Heare, профессора Кембриджского университета, сообщившего об удачных экспериментах по переносу эмбрионов от одного животного другому с последующим рождением жизнеспособного потомства [1].

Апробированная методика зачатия детей посредством такой вспомогательной репродуктивной технологии в дальнейшем получила распространение, положила начало для бурного развития

«эпохи ЭКО», так как, к сожалению, многие супружеские пары не могут иметь детей.

Насколько важна эта технология для человечества, можно судить по тому, что за отработанную и реализованную технологию искусственного оплодотворения in vitro британец Роберт Джеффри Эдвардс в 2010 году стал лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине.

Под влиянием ускорения ритма научных исследований в области геномной инженерии, трансплантологии, биомедицины высказываются мнения о том, что физическая «природа» человека не остается чем-то неизменным. Как замечает П. А. Гаджикурбанова, технологические достижения наполняют новым содержанием тезис о том, что «человек есть собственный проект», может быть поняты вполне буквально [2, с. 164].

Сохраняются споры о моральном аспекте в сфере ЭКО. Все более преобладающей становится точка зрения, что ЭКО как результат достижений биомедицины является общественным благом; хотя и в меньшей степени, но звучат голоса о том, что наличие детей является своего рода долгом перед обществом, проводится контрагитация по поводу «движения» чайдлфри (семья без детей). Поддерживаем идею активного противостояния пропаганде такого образа жизни.

В Российской Федерации бесплодием страдает каждая шестая женщина фертильного возраста, аналогичная ситуация сложилась и в Республике Беларусь. Эти цифры находятся в рамках тех средних величин, характерных для других государств, которые называет Всемирная организация здравоохранения. Более того, отмечается, что частота бесплодия в браке, достигающая 15 %, не характеризуется тенденцией к снижению [3, с. 3]. Однако

некоторые исследователи называют еще большую цифру бесплодных браков – от 8 и до 29 % [4, с. 3].

По данным некоторых исследователей, к 2018 году в Российской Федерации насчитывалось около 5,5 миллиона семей, в которых не было детей. Согласимся, что это причиняет моральную травму супругам, близким родственникам [5, с. 9].

Среди причин бесплодия обычно называют состояние здоровья женщин. В качестве основных факторов бесплодия называют наличие у женщин эндокринной патологии – около 40 %, смешанный фактор бесплодия составляет 35 % [6, с. 24]. Хотя надо признать, что невозможность зачать ребенка часто обусловлена безразличным отношением и мужчин к своему здоровью. ЭКО предоставляет парам шанс преодолеть бесплодие.

Как справедливо замечено, бесплодный брак имеет не только медицинские, но и социальные, а также общегосударственные проблемы [3, с. 3].

В Российской Федерации и Республике Беларусь действуют специальные акты, регулирующие отношения в рассматриваемой области. Среди них назовем Закон РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению, утвержденный приказом Министерства здравоохранения от 31 июля 2020 г. № 803н. В упомянутом Законе РФ решены ключевые вопросы осуществления вспомогательных репродуктивных технологий, а все детальные вопросы – в названном Порядке. В Республике Беларусь, помимо Закона «О здравоохранении», который также упоминает возможность применения названных технологий, действует Закон «О вспомогательных репродуктивных технологиях». В ст. 6 данного Закона указаны лица, которые могут воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями (ВРТ). При этом экстракорпоральное оплодотворение и искусственная инсеминация не применяются в отношении пациентки, достигшей 50 лет.

Актами российского и белорусского законодательства определены перечни медицинских показаний и противопоказаний для осуществления ЭКО: такой перечень утвержден приказом Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. №803н и постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 декабря 2012 г. № 124.

Экстракорпоральное оплодотворение в Российской Федерации относится к услугам,падающим под обязательное медицинское страхование. Белорусским законодательством предусмотрена возможность получения кредита на льготных условиях для оплаты экстракорпорального оплодотворения, однако одна попытка ЭКО предоставляется бесплатно исключительно супружеским парам при наличии ряда условий, в том числе наличие возраста супруги не старше 40 лет.

Российские специалисты в области медицины на основе проведенных исследований указывают

на возраст как один из существенных факторов, влияющих на успешность ЭКО [7, с. 88]. Они ставят под сомнение целесообразность государственной поддержки программ ЭКО для пациенток старше 38 лет, обращая при этом внимание на необходимость дополнительного тщательного изучения этого вывода с медицинской и экономической точек зрения [7, с. 90].

Такого рода ограничения нельзя рассматривать как дискриминацию по возрасту (эйджизм), так как здесь законодатель ориентируется на естественные (возрастные) факторы.

Конечно, ЭКО – это не панацея от бесплодия, но оно дает шанс обрести ребенка. По результатам проведенных специалистами в области медицины исследований эффективность экстракорпорального оплодотворения в естественном цикле составляет 15 % из всех женщин [3, с. 6].

Бесплодность в браке часто является причиной расставания супругов, она не способствует росту населения, появлению нового поколения.

В контексте зафиксированного в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь принципа добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство логичным выглядит закрепление права пациента при применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) на выбор донора. Неотъемлемым условием для ЭКО является наличие письменного заявления пациентки (если пациентка состоит в браке, – также письменного согласия ее супруга). Полагаем, что отсутствие согласия супруга является непреодолимым препятствием для ЭКО.

Потенциальные пары, претендующие на ЭКО, должны быть проинформированы о динамике заболеваний или отклонений в здоровье детей, родившихся в результате данной вспомогательной технологии. Такого рода исследования имеются, но все же их недостаточно, не всегда они оптимистические, как можно было представить. Например, проводились обследование новорожденных, изучение историй родов и медицинских карт детей, рожденных посредством ЭКО в г. Астрахани в 2018–2020 гг. Выявлено, что большинство таких детей были недоношенными, имели низкую массу тела, задержку развития, у некоторых имелись структурные изменения головного мозга, аномалии развития сердца. То есть эти дети имеют особенности развития, требующие постоянного и всестороннего медицинского наблюдения [8].

ЭКО имеет и некоторые негативные последствия для матерей, воспользовавшихся этой услугой. Они чаще тех матерей, которые родили естественным способом, отличаются тревожностью и импульсивностью, излишней опекой своих детей, тревожным отношением к посторонним, что обуславливает необходимость их психологической коррекции [9, с. 69].

Владение полной информацией, по справедливому замечанию П. А. Гаджикурбановой, приобретает не только нравственную основу, но и имеет важное значение для оценки отдаленных послед-

ствий, чтобы исключить неприемлемые изменения сущности и облика человека [2, с. 166–167].

В процессе правоприменения возникают вопросы относительно права супругов решать судьбу эмбрионов. Общеизвестным является подход, согласно которому ЭКО нельзя использовать для выбора пола ребенка, его каких-либо физических характеристик. Это подчеркивает ценность общего блага, а не приоритет выбора отдельного субъекта. Объясняется это тем, что умышленный выбор пола будущего ребенка – путь к пагубной гендерной диспропорции. При регулировании отношений по поводу ЭКО необходим баланс частных и публичных интересов [10, с. 113]. «Евгенические аборт» допустимы лишь по медицинским показаниям, когда речь идет об аномалиях плода.

Особенно все это актуально, когда супруги расторгли брак, но ранее согласовали процедуру ЭКО. Например, Московский городской суд рассматривал спор между супругами и медицинской организацией относительно юридической силы соглашения между супругами о сохранении эмбрионов при расторжении брака. Суд исходил из факта информированного согласия супругов, подтвердив права и обязанности всех сторон в отношении эмбрионов и при расторжении брака [11]. Иной пример. Эмбрион был заморожен, но до смерти супруга не был имплантирован женщине. В таком случае все зависит от соглашения сторон. Что касается возможного наследования детей, родившихся в результате ЭКО после смерти супруга, то здесь в законодательстве имеется, на наш взгляд, пробел. В соответствии со статьей 1116 ГК РФ к наследованию, в частности, могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также **зачатые при жизни наследодателя** и родившиеся живыми после открытия наследства.

Аналогичная норма содержится и в ГК Республики Беларусь. Согласно ст. 1037 ГК Республики Беларусь наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства.

Наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня открытия наследства (ст. 1154 ГК РФ и ст. 1071 ГК Республики Беларусь).

Полагаем, что операция ЭКО должна быть осуществлена не позднее шестимесячного срока со дня открытия наследства. Только это должно давать безусловное право в перспективе на возможное наследование имущества таким ребенком.

Новые возможности, касающиеся искусственного зачатия ребенка, влекут ряд иных вопросов, в частности, относительно «лишних» эмбрионов, можно ли их использовать для проведения опытов, кому принадлежит право принимать решение об этом. В контексте морального статуса человеческого эмбриона признано, что растить эмбрион более 14 дней и затем разрушать этически неприемлемо. Этому критерию придерживаются многие

государственные и международные организации, он воспринят в литературе по биоэтике [12, с. 111; 13, с. 145].

Согласно ст. 55 Закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» граждане имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов за счет личных средств и иных средств, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Полагаем, что бесплатное хранение половых клеток лиц должно быть обеспечено сотрудникам правоохранительных органов, профессиональным военнослужащим и военнослужащим, выполняющим долг в «горячих точках», сотрудникам Министерства по чрезвычайным ситуациям и т. п. при условии, что у них пока нет детей. В остальных случаях может быть предусмотрено платное хранение биоматериала. Указанные лица могут распорядиться своими половыми клетками на случай возможной гибели. Наличие такого прижизненного завещания позволит исключить споры между членами семьи, родственниками, а также между ними и медицинскими учреждениями.

В российской литературе утверждается, что пока человеческие эмбрионы не перенесены в организм матери, они находятся в совместной собственности родителей [14, с. 242]. Однако для такого вывода нет оснований, поскольку многое зависит именно от содержания соглашения с участием супругов, хотя зарубежная судебная практика на этот счет противоречива.

Продуктивной является идея об уточнении законодательства с учетом новых реалий порядка использования половых клеток после расторжения брака, смерти супруга или признания его недееспособным, а также иного лица, согласившегося на ЭКО. Согласно Закону Республики Беларусь «О репродуктивных вспомогательных технологиях» в случае расторжения брака, признания его недействительным использование бывшими супругами неостребованных в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий половых клеток друг друга запрещается (ст. 18). Однако в данном случае законодателю можно было бы закрепить возможность решения данного вопроса по усмотрению самих супругов путем выражения ими своей воли в соответствующем договоре. Указанным Законом запрещается также использование неостребованных в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий половых клеток пациента, умершего или объявленного в судебном порядке умершим. Считаем, что в таком случае целесообразно решать данный вопрос в завещании. В связи с этим в законодательстве предлагаем предусмотреть, что в случае прекращения брачных отношений использование бывшими супругами неостребованных половых клеток не допускается, если иное не было предусмотрено договором между супругами или завещанием.

С целью устранения данного пробела и учета складывающейся тенденции более широкого ис-

пользования соматических прав (прав, связанных с распоряжением собственным телом) в ГК РФ и ГК Республики Беларусь предлагается предусмотреть, что наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при

жизни наследодателя либо зачатые в соответствии с соглашением между женщиной и мужчиной об использовании его биоматериала для экстракорпорального оплодотворения в течение шести месяцев после его смерти и родившиеся живыми после открытия наследства.

Библиографический список

1. Витязева И. И., Бармина И. И., Мельниченко Г. А. Исторические вехи развития методов вспомогательных репродуктивных технологий, основанных на оплодотворении *in vitro* // Вестник репродуктивного здоровья. 2011. № 1. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.14341/brh201115-14>. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20268081>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbnrrt>.
2. Гаджикурбанова П. А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль. Выпуск 4. Москва: Российская Академия Наук. Институт философии. 2003. С. 161–178. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em4/10.pdf?ysclid=lonzfhhfgjq829079566>.
3. Касьянова Г. В. Экстракорпоральное оплодотворение в естественном цикле: возможности и преимущества: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.01.01 / Г. В. Касьянова; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Москва, 2019. 25 с. URL: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Dissert/2019/kasjanova_gv/a_kasjanova_gv.pdf.
4. Лихачева В. В. Экстракорпоральное оплодотворение: иммунологические характеристики различных форм бесплодия и их влияние на исходы лечения: автореф. дис. ... докт. мед. наук: 14.01.01 / В. В. Лихачева; Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Москва, 2020. 45 с. Available at: <https://moniiag.ru/wp-content/uploads/2018/03/AVTOREFERAT-LIHACHEVOJ-V.V..pdf>.
5. Есина Е. В. Оптимизация клинико-иммунологических подходов при ведении женщин с бесплодием, включенных в программу ЭКО: дис. ... канд. мед. наук: 14.01.01 / Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет). Москва, 2018. 161 с. URL: <https://www.sechenov.ru/upload/medialibrary/765/Dissertatsiya-Esina-E.V..pdf?ysclid=lonzmlg72463610831>.
6. Неверова Е. Н., Николаева Е. В. Экстракорпоральное оплодотворение – эффективный метод лечения бесплодия // Оренбургский медицинский вестник, 2015. Т. III, № 1 (9). С. 23–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23216290>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tobcgh>.
7. Рудакова Е. Б., Замаховская Л. Ю., Стрижова Т. В., Трубникова О. Б., Тагаринова Л. В. Исходы экстракорпорального оплодотворения как мультифакторная проблема клинической репродуктологии // Медицинский совет. 2015. № 9. С. 84–90. DOI: <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2015-9-84-91>.
8. Проватар Н. П., Кузьмин В. Н., Каширская Е. И., Пименова Н. Р. Анализ состояния здоровья детей, рожденных после экстракорпорального оплодотворения // Лечащий врач. 2022. № 5–6 (25). С. 54–56. DOI: <http://doi.org/10.51793/OS.2022.25.6.009>.
9. Кочерова О. Ю., Пыхтина Л. А., Гаджимурадова Н. Д., Филькина О. М., Малышкина А. И. Психологические особенности матерей детей, зачатых с помощью экстракорпорального оплодотворения // Клиническая и специальная психология. 2016. Том 5, № 3. С. 69–77. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2016050305>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wxgkad>.
10. Саввина О. В. Дискурс о моральной оправданности и регулировании медицинских биотехнологий (на примере экстракорпорального оплодотворения) // Этическая мысль. 2019. Т. 19, № 1. С. 104–117. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2019-19-1-104-117>.
11. Хмарская М. Е. Правовое регулирование суррогатного материнства // Актуальные проблемы частного права: всерос. науч. интернет-конф., 4–29 марта 2013 г. URL: <http://conf.omua.ru/content/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva> (дата доступа: 08.06.2023).
12. Гнатик Е. Н. Генетическая инженерия человека: вызовы, проблемы, риски. Москва, 2009. 240 с. URL: <https://klex.ru/1r3e>.
13. Кэмпбелл А., Джиллетт Г., Джонс Г. Медицинская этика: учебное пособие / пер. с англ., под ред. Ю. М. Лопухина, Б. Г. Юдина. Москва: ГЕОТАР-Медиа, 2010. 394 с.
14. Внукова В. А., Жернаков Е. В. Международно-правовое регулирование репродуктивных прав человека // Молодой ученый. 2017. № 49 (183). С. 240–242. URL: <https://moluch.ru/archive/183/47001/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30729351>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zwlsfd>.

References

1. Vityazeva I. I., Barmina I. I., Melnichenko G. A. *Istoricheskie vekhi razvitiya metodov vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii, osnovannykh na oplodotvorenii in vitro* [Historical stages of development of the assisted reproductive technologies based on fertilization in vitro]. *Vestnik reproduktivnogo zdorov'ya* [Bulletin of Reproductive Health], 2011, no. 1, pp. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.14341/brh201115-14>. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20268081>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbnrrt> [in Russian].
2. Khajikurbanova P. A. *Strakh i otvetstvennost': etika tekhnologicheskoi tsivilizatsii Gansa Ionasa* [Fear and responsibility: ethics of technological civilization of Hans Jonas]. In: *Eticheskaya mysl'. Vypusk 4* [Ethical thought. Issue 4]. Moscow: Rossiiskaya Akademiya Nauk. Institut filosofii, 2003, pp. 161–178. Available at: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em4/10.pdf?ysclid=lonzfhfgjq829079566> [in Russian].
3. Kasyanova G. V. *Ekstrakorporal'noe oplodotvorenienie v estestvennom tsikle: vozmozhnosti i preimushchestva: avtoref. dis. ... kand. medits. nauk: 14.01.01* [Extracorporal fertilization in the natural cycle: possibilities and advantages: author's abstract of Candidate's of Medical Sciences thesis: 14.01.01]. Moscow, 2019, 25 p. Available at: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Disser/2019/kasjanova_gv/a_kasjanova_gv.pdf [in Russian].
4. Likhacheva V. V. *Ekstrakorporal'noe oplodotvorenienie: immunologicheskie kharakteristiki razlichnykh form besplodiya i ikh vliyanie na iskhody lecheniya: avtoref. dic. ... dokt. medits. nauk: 14.01.01* [In vitro fertilization: immunological characteristics of different forms of infertility and their impact on treatment outcomes: author's abstract of Candidate's of Medical Sciences thesis: 14.01.01]. Moscow, 2020, 45 p. Available at: <https://moniiag.ru/wp-content/uploads/2018/03/AVTOREFERAT-LIHACHEVOJ-V.V..pdf> [in Russian].
5. Esina E. V. *Optimizatsiya kliniko-immunologicheskikh podkhodov pri vedenii zhenshchin s besplodiem, vklyuchennykh v programmu EKO: dis. ... kand. medits. nauk: 14.01.01* [Optimization of clinical and immunological approaches in the management of women with infertility included in the IVF program: Candidate's of Medical Sciences thesis: 14.01.01]. Moscow, 2018, 161 p. Available at: <https://www.sechenov.ru/upload/medialibrary/765/Dissertatsiya-Esina-E.V..pdf?ysclid=lonzgm1g72463610831> [in Russian].
6. Neverova E. N., Nikolaeva E. V. *Estrakorporal'noe oplodotvorenienie – effektivnyi metod lecheniya besplodiya* [In vitro fertilization – as an effective method of infertility treatment]. *Orenburgskii meditsinskii vestnik* [Orenburg Medical Herald], 2015, vol. III, no. 1 (9), pp. 23–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23216290>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tobegh> [in Russian].
7. Rudakova E. B., Zamakhovskaya L. Y., Strizhova T. V., Trubnikova O. B., Tatarinova L. V. *Iskhody ekstrakorporal'nogo oplodotvorenieniya kak mul'tifaktornaya problema klinicheskoi reproduktivnoi tekhnologii* [Outcomes of in vitro fertilization as a multifactorial clinical problem of reproductive medicine]. *Meditsinskiy sovet* [Medical Council], 2015, no. 9, pp. 84–91. DOI: <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2015-9-84-91>. [in Russian].
8. Provatar N. P., Kuzmin V. N., Kashirskaya E. I., Pimenova N. R. *Analiz sostoyaniya zdorov'ya detei, rozhdennykh posle ekstrakorporal'nogo oplodotvorenieniya* [Analysis of the health status of children born after in vitro fertilization]. *Lechaschi Vrach*, 2022, no. 5-6 (25), pp. 54–56. DOI: <http://doi.org/10.51793/OS.2022.25.6.009> [in Russian].
9. Kocherova O. Ju., Pykhtina L. A., Gadzimuradova N. D., Filkina O. M., Malyshkina A. I. *Psikhologicheskie osobennosti materei detei, zachatykh s pomoshch'yu ekstrakorporal'nogo oplodotvorenieniya* [Psychological Characteristics of Mothers of Children Conceived With Use of In Vitro Fertilization]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education], vol. 5, no. 3, pp. 69–77. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2016050305>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wxgkad> [in Russian].
10. Savvina O. V. *Diskurs o moral'noi opravdannosti i regulirovanii meditsinskikh biotekhnologii (na primere ekstrakorporal'nogo oplodotvorenieniya)* [Discourse on moral permissibility and regulation of medical biotechnology (example of in vitro fertilization and assisted reproductive technologies)]. *Eticheskaya Mysl'* [Ethical Thought], 2019, vol. 19, no. 1, pp. 104–117. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2019-19-1-104-117> [in Russian].
11. Khmarskaya M. E. *Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva* [Legal regulation of surrogacy]. In: *Aktual'nye problemy chastnogo prava: vseros. nauch. internet-konf., 4–29 marta 2013 g.* [Topical issues of private law: all-Russian scientific Internet-conference, March 4–29, 2013]. Available at: <http://conf.omua.ru/content/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva> (accessed 08.06.2023) [in Russian].
12. Gnatik E. N. *Geneticheskaya inzheneriya cheloveka: vyzovy, problemy, riski* [Human genetic engineering: challenges, problems, risks]. Moscow, 2009, 240 p. Available at: <https://klex.ru/1r3e> [in Russian].
13. Campbell A., Gillet G., Jones G. *Meditsinskaya etika: uchebnoe posobie / per. s angl., pod red. Yu. M. Lopukhina, B. G. Yudina* [Medical Ethics: textbook; translation from English, Lopukhin Yu. M., Yudin B. G. (Eds.)]. Moscow: GEOTAR-Media, 2010, 394 p. [in Russian].
14. Vnukova V. A., Zhernakov E. V. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie reproduktivnykh prav cheloveka* [International legal regulation of reproductive human rights]. *Molodoi uchenyi*, 2017, no. 49 (183), pp. 240–242. Available at: <https://moluch.ru/archive/183/47001/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30729351>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zwlfsd> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-19-24

**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 342, 349

Дата поступления: 07.08.2023

рецензирования: 06.09.2023

принятия: 15.11.2023

**Актуальные вопросы противодействия коррупционным проявлениям
в экологической сфере****Л. В. Юн**

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Российская Федерация

E-mail: yun.lara@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам противодействия экологическим правонарушениям. Общественно опасные деяния, коррелирующие с коррупционными правонарушениями в сфере экологии, совершаемые, в частности, должностными лицами, которые наделены дополнительными обязанностями по сохранению природных ресурсов, свидетельствуют о низком уровне их экологической культуры, правосознания, а также способствуют негативной оценке в социуме в результате осуществляемой ими профессиональной деятельности. Автор останавливает свое внимание на том, что коррупционные риски, возникающие в ходе совершения экологических правонарушений, неблагоприятным образом влияют на эффективность работы должностных лиц в сфере экологии. Зачастую совершение экологического правонарушения вытекает из наличия семейных или иных факторов, впоследствии влекущих за собой юридическую ответственность должностного лица. Помимо коррупционной составляющей есть и иные проблемы, которые также могут иметь взаимодействие с получением материальной или иной выгоды, исполняя должностные полномочия.

Цель данной статьи – обзор экологических правонарушений для выявления актуальных проблем в обозначенной сфере исследования. Среди особо актуальных вопросов, связанных с противодействием коррупции, находится непредоставление достоверных сведений о близком родстве/свойстве, вследствие чего возникает конфликт интересов между участниками экологических правоотношений. Решение обозначенных проблем позволит минимизировать экологические правонарушения.

Ключевые слова: экологические правонарушения; коррупция; должностное лицо; экология; природные ресурсы; юридическая ответственность.

Цитирование. Юн Л. В. Актуальные вопросы противодействия коррупционным проявлениям в экологической сфере // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 19–24. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-19-24>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Юн Л. В., 2023

Лариса Владимировна Юн – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Российская Федерация, г. Казань, 2-я Азинская, 7А.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 07.08.2023

Revised: 06.09.2023

Accepted: 15.11.2023

Topical issues of combating corruption environmental offenses**L. V. Yun**

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation

E-mail: yun.lara@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to topical issues of combating environmental offenses. Socially dangerous acts, correlated with corruption offenses in the field of ecology, committed in particular by officials who are endowed with additional responsibilities for the conservation of natural resources, indicate a low level of their environmental culture, legal awareness, and also contribute to a negative assessment in society as a result of their professional activities. The author focuses on the fact that corruption risks arising in the course of committing environmental offenses adversely affect the efficiency of officials in the field of ecology. Often, the commission of an environmental offense stems from the presence of family or other factors, subsequently entailing the legal liability of an official. In addition to the corruption component, there are other problems that may also interact with obtaining material or other benefits while exercising official powers. The purpose of this article is to review environmental offenses in order to identify current problems in the designated area of research. Among the most topical issues related to combating corruption is the failure to provide reliable information about close kinship / property, as a result of which a conflict of interest arises between participants in environmental legal relations. Solving the identified problems will minimize environmental violations.

Key words: environmental offenses; corruption; official; ecology; natural resources; legal liability.

Citation. Yun L. V. *Aktual'nye voprosy protivodeistviya korrupsionnym proyavleniyam v ekologicheskoi sfere* [Topical issues of combating corruption environmental offenses]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 19–24. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-19-24> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Yun L. V., 2023

Larisa V. Yun – associate professor of the Department of State and Legal Disciplines, Kazan Branch of the Russian State University of Justice, 7A, 2nd Azinskaya Street, Kazan, 420088, Russian Federation.

В современных правовых демократических государствах ведущими учеными в сфере конституционного права, правоприменителями, практическими работниками существенное внимание уделяется вопросам изучения экологических правонарушений, а также противодействию коррупции, связанной с ними.

Экологический кризис, возникший на рубеже XX и XXI столетий, позволяет говорить об актуальных проблемах, появившихся в сфере экологических правонарушений. В современный период развития и функционирования государств он оказывает влияние в том числе и на права человека и гражданина, проявляется в совершении правонарушений экологических правонарушений, произошедших экологических катастрофах, стихийных бедствиях, землетрясениях, наводнениях и иных природных катаклизмах, наносит ежегодно колоссальный ущерб конституционным правам граждан, их здоровью и имуществу.

В один миг современные экологические проблемы, влияющие на реализацию экологических прав граждан всех государств мира, решить не представляется возможным. Однако при помощи долгосрочных проектов, программ и концепций в сфере экологии, создаваемых государствами, эффективных мер прокурорского реагирования урегулировать ряд наиболее существенных проблем, непосредственно связанных с современным состоянием окружающей среды (чистый воздух, качественная питьевая вода, уровень электроэнергии и др.), влияющих на нынешнее и будущее поколения, возможно. В данном исследовании остановим внимание на анализе актуальных вопросов противодействия правонарушениям в сфере экологии и попытаемся обозначить пути их решения, в т. ч. и в части противодействия коррупции в данной сфере.

В нормах Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» закреплена норма о том, что: «...Профессиональная деятельность органов публичной власти, организаций, физических лиц, институтов гражданского общества по профилактике коррупции, выявлению, пресечению и раскрытию коррупционных правонарушений представляет собой противодействие коррупции...» [1]

«...Одним из таких субъектов, реализующих непосредственно функции по противодействию коррупции, выступают органы Прокуратуры России. Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры в рамках закрепленных за ними полномочий координируют деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, таможенных

органов России и иных правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализуют другие полномочия в сфере противодействия коррупции, установленные нормами федеральных законов. Реализация функции координации способствует всеобъемлющей осведомленности об антикоррупционной деятельности правоохранительной системы в целом и собственном активном участии в процессе противодействия коррупции, что побуждает прокуратуру использовать весь предоставленный законом арсенал функций и полномочий. Функцию координации выполняют специально образованные для этих целей управление в структуре Генеральной прокуратуры России и соответствующие подразделения в региональных прокуратурах...» [2, с. 159]

Т. И. Абдреев отмечает, что: «...В сфере экологии противодействие коррупции представляет собой одну из составных частей обеспечения национальной безопасности, в связи с тем, что экологические катастрофы могут носить не только локальный, но и глобальный характер угроз, свидетельствуя о необратимых изменениях среды обитания человека...» [3]

На основании Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» заместителям Генерального прокурора Российской Федерации, начальникам главных управлений и управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным и иным специализированным прокурорам, прокурорам городов и районов, другим приравненным к ним прокурорам, прокурору комплекса «Байконур» был отдан приказ по осуществлению надзора за исполнением законодательства в экологической сфере, считающимся одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры, и осуществлять его комплексно, гласно, с максимальным использованием возможностей институтов гражданского общества [4].

Важнейшей задачей надзорной деятельности прокуратуры принято считать реализацию установленной статьей 42 Конституции Российской Федерации [5] права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Как отмечается, «...Практика прокурорского надзора должна постоянно анализироваться и совершенствоваться с учетом насущных госу-

дарственных задач, изменения законодательства и сложной экологической ситуации в стране и в мире. Прокурорам следует системно прорабатывать широкий спектр вопросов, влияющих на экологическую безопасность: нарушения лесного, водного законодательства, промышленной безопасности, загрязнение почвы, атмосферного воздуха. Опыт надзорной деятельности подтверждает, что на эффективность обеспечения законности в сфере природопользования и экологической безопасности существенно влияет качество актов прокурорского реагирования...» [6, с. 308, 309]

Одним из глобальных вызовов экологической безопасности является неэффективное использование средств, выделяемых из бюджета России не на устанавливаемые государством цели и задачи, – так закреплено в Указе Президента России «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.04.2017 № 176 [7].

«...На стыке XX и XXI столетий сформировалась цепочка взаимосвязанных правовых понятий: ...экологическое государство, экологизация права и правового сознания...», [8] – справедливо отмечают ведущие российские ученые И. А. Умнова-Конюхова и М. А. Вакула.

Необходимо подчеркнуть, что экологизация норм права и правового сознания будет наилучшим образом способствовать развитию «экологического государства», в котором будут минимизированы риски, в т. ч. и коррупционные, возникающие в ходе совершения экологических правонарушений. Субъекты права будут осведомлены о степени опасности и последствиях данного вида правонарушений, органы публичной власти могут создать механизм защиты экологических прав граждан путем привлечения к юридической ответственности юридических и физических лиц, должностных лиц, в случае наличия личной заинтересованности и получения выгоды в ходе совершения экологических правонарушений.

Коррупция, в особенности в сфере экологии, может являться негативным фактором для достижения поставленных целей и задач, обозначенных государством. Совершаемые коррупционные правонарушения, в том числе и в сфере экологии, негативным образом воздействуют на окружающую среду, не позволяя минимизировать экологические правонарушения.

Коррупционные правонарушения снижают уровень правовой культуры, правового сознания и правового воспитания как должностных лиц, так и других субъектов права, стремящихся урегулировать спорные вопросы, касающиеся осуществления их профессиональной деятельности незаконным путем. Отсутствие четкого понимания всех непредсказуемых действий, которые могут произойти вследствие коррупционных правонарушений, влечет за собой более масштабные правовые риски. Установление причинно-следственной связи между коррупционным правонарушением

и неблагоприятными действиями, влияющими на окружающую среду, будет являться одним из факторов для привлечения к установленной законом юридической ответственности.

В связи с вышеизложенным приведем пример из судебной практики [9]. М.В. обратился в Иркутский областной суд с иском к министерству природных ресурсов и экологии Иркутской области, так как был не согласен с тем, что он был уволен со своей должности с предыдущего места работы. Просил взыскать компенсацию за вынужденный прогул со своего работодателя.

После рассмотрения материалов дела было установлено, что истец был главным государственным инспектором в области охраны окружающей среды, уволен в связи с утратой доверия, в связи с тем, что не предпринял меры по разрешению правового спора, одной из сторон которого он являлся.

Гражданин М.В. считает увольнение незаконным по причине того, что коррупционных правонарушений он не совершал, при трудоустройстве уведомил работодателя о том, что его сын работает в ЗАО «Д», осуществляющем деятельность по добыче гранита, но при этом коммерческих интересов в данной компании не имеет.

Истцом в ходе судебных заседаний были представлены доказательства о том, что он в надлежащий законом срок уведомил о возникновении конфликта интересов, однако его устное уведомление было проигнорировано соответствующей комиссией. Помимо этого, при трудоустройстве он указал все необходимые и достоверные сведения о месте работы его сына. Отмечает, что комиссией не доказан факт создания негативных последствий, конфликта интересов или же полученной выгоды как самим истцом, так и его сыном, которую они могли получить в результате сложившейся ситуации.

В другом судебном заседании по иску прокуратуры о признании деятельности ЗАО «Д» незаконной М. В. принимал участие в качестве представителя от министерства. Истец отмечает, что сформированная для проверки деятельности вышеуказанной организации комиссия не основывалась на требованиях действующего российского законодательства, а председатель не уведомила других членов комиссии о наличии заинтересованности у М. В. в данном деле.

Позднее в судебном заседании по иску Западно-Байкальской межрайонной прокуратуры к ЗАО «Д» о прекращении деятельности по проведению горно-подготовительных работ по добыче гранита на южном участке месторождения до устранения нарушения законодательства М. В. также принимал участие в качестве представителя от министерства, однако в судебном процессе конфликта интересов не возникло.

В суде первой инстанции в удовлетворении исковых требований М. В. было отказано, после чего он вынужден был обратиться в судебную коллегию по гражданским делам Иркутского областного суда. В ходе рассмотрения дела истец пояснил,

что он предпринял меры по уведомлению нанимателя о возможности конфликта интересов при трудоустройстве. В ходе рассмотрения дела по иску Западно-Байкальской прокуратуры к ЗАО «Д» конфликта интересов не возникло, считает, что ответчик ввел его в заблуждение, сообщив о том, что письменно уведомлять его не надо.

Судебная коллегия по гражданским делам Иркутского областного суда, рассмотрев материалы дела, отметила, что государственный гражданский служащий должен был уведомить представителя нанимателя о возникновении конфликта интересов. Несмотря на все приведенные доводы невиновности, ни при трудоустройстве, ни после рассмотрения дела по иску органов прокуратуры Иркутской области истец не уведомил представителя нанимателя о возможности возникновения конфликта.

По итогам рассмотрения дела судебная коллегия по гражданским делам Иркутского областного суда пришла к выводу о том, что суд первой инстанции верно определил правоотношения, возникшие между сторонами по настоящему делу, в связи с чем решение суда первой инстанции оставлено без изменения, апелляционная жалоба – без удовлетворения.

Система противодействия коррупции свидетельствует о четко выстроенном механизме защиты экологических прав граждан, выполнении закрепленных норм, находящихся свое формальное отражение в действующем российском законодательстве. Путем введения дополнительных полномочий можно будет минимизировать возникновение конфликта интересов между близкими родственниками и должностными лицами в сфере экологии.

Помимо коррупционной составляющей, которая может быть фактором совершения экологических правонарушений, к существенным проблемам можно отнести использование неэкологических материалов при осуществлении хозяйственной или иной предпринимательской деятельности, повторное хранение экологических отходов в связи с невозможностью полной их переработки.

Использование неэкологических материалов в ходе осуществления хозяйственной деятельности может привести к тому, что природным ресурсам (вода, земля, почва, атмосферный воздух) будет нанесен значительный ущерб, связанный с оседанием в них негативных частиц, которые при последующем взаимодействии с этими ресурсами могут оказать крайне неблагоприятное воздействие на здоровье человека.

Возникает еще одна проблема, связанная с тем, что на практике, к большому сожалению, не всегда возможно утилизировать все содержащиеся на предприятии отходы. Повторное хранение уже ранее образованных отходов наносит колоссальный ущерб не только природным ресурсам, но и самой организации, где они располагаются, а также уве-

личению риска превышения лимитов по содержанию отходов. В зависимости от категории объекта осуществляемой профессиональной деятельности устанавливаются нормативы по образованию отходов и лимиты по их последующему размещению.

К наиболее существенным путям решения обозначенных проблем следует отнести введение норм по борьбе с коррупционной составляющей в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 № 89-ФЗ в главу 7.

Относительно использования неэкологических материалов отметим, что необходимо установление нормативов по обозначению экокритериев, свидетельствующих о непревышении лимитов по нанесению вреда природным ресурсам окружающей среды. Их отсутствие влечет правовую неопределенность в действующем российском законодательстве.

Для того, чтобы хранить оставшиеся отходы, предпринимателям необходимо создать дополнительные места хранения таким образом, чтобы они не наносили вреда природным ресурсам окружающей среды и их хранение было бы безвредным для живущих вблизи с такими предприятиями граждан.

В ходе совершения абсолютно любого преступления в независимости от состава всегда присутствуют смягчающие и отягчающие обстоятельства. К первой категории в проводимом нами исследовании относятся такие, как совершение служащим нарушения требований законодательства о противодействии коррупции впервые; безукоризненное соблюдение служащим в отчетном периоде других ограничений, запретов, требований, исполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции и др. Ко второй группе следует отнести такие обстоятельства, как представление в ходе проверки недостоверных и противоречивых объяснений, совершение иных действий, направленных на затруднение хода проверки; одновременное нарушение двух и более требований законодательства о противодействии коррупции и ряд иных [10, с. 362].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что роль противодействия коррупции в процессе совершения экологических правонарушений существенна. Особенности противодействия коррупции раскрываются в том числе и благодаря выявлению экологических правонарушений, совершенных должностными лицами, наделенными соответствующими обязанностями в сфере экологии. Противодействие коррупции в экологической сфере направлено на сокращение возникновения конфликта интересов между лицами, осуществляющими профессиональную деятельность в сфере экологии и их близкими родственниками, тем самым обуславливая ее теоретическую и практическую значимость в российском законодательстве.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Принят Государственной думой 19 декабря 2008 года. Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102126657&ysclid=loo9z85jyx220043881>.
2. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. 384 с. URL: https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/56408068/Противодействие+коррупции_новые+вызовы.pdf/e7331ac8-6cdf-clfb-a8a9-0974202565ca?t=1607079064590&download=true.
3. Вестник научных трудов «Юрист», выпуск № 7: по материалам заседания II Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции (4 декабря 2018 года) / под ред. С. Л. Алексеева, М. С. Бадрутдинова, А. А. Даренкова, С. Ф. Рахимова, Ю. С. Сергеевой, Р. Н. Шайдуллина. Казань: АНО ВО «Академия социального образования», 2018. 448 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37394230>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xicljjs>.
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере». URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=61121065>.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=loqslqeyb5138654058>.
6. Климак А. В. Особенности мер прокурорского реагирования на нарушения экологического законодательства // Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства: пособие / под общ. ред. начальника Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции 2 класса, кандидата юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации А. В. Паламарчука. Москва, 2014. 336 с. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/4900062/пособие+по+экологии+из+типографии.pdf/866fedce-2761-f980-6915-98241aa37637?t=1583236911788&download=true>.
7. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.04.2017. № 17. Ст. 2546. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879>.
8. Вакула М. А., Умнова-Конюхова И. А. Экологическое право в XXI веке: актуальные проблемы, вызовы и решения: монография. Москва: РУДН, 2021. 260 с.
9. Апелляционное определение СК по гражданским делам Иркутского областного суда от 08 сентября 2016 г. по делу № 33-11456/2016 // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/143953017/?ysclid=loqtrywqxb570299099#friends>.
10. Основные документы по вопросам противодействия коррупции в Российской Федерации. URL: <https://zdrav.khv.gov.ru/sites/files/zdrav/docs/2021/69384a1a40ca17659d6b.pdf> (дата обращения 24.06.2023 г.).

References

1. *Federal'nyi zakon ot 25.12.2008 N 273-FZ «O protivodeistvii korruptsii»*. Prinyat Gosudarstvennoi Dumoi 19 dekabrya 2008 goda. Odobren Sovetom Federatsii 22 dekabrya 2008 goda [Federal Law as of December 25, 2008 № 273-FZ «On Combating Corruption». Adopted by the State Duma on December 19, 2008. Approved by the Federation Council on December 22, 2008]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 29.12.2008, no. 52 (part 1), Article 6228. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102126657&ysclid=loo9z85jyx220043881> [in Russian].
2. *Protivodeistvie korruptsii: novye vyzovy: monografiya*. S. B. Ivanov, T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Chikhanchin [i dr.]; otv. red. T. Ya. Khabrieva [Ivanov S. B., Khabrieva T. Y., Tchikhanchin Yu. A. [et al.] Counteraction corruption: new challenges: monograph; Khabrieva T. Y. (Ed.)]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: INFRA-M, 2016, 384 p. Available at: https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/56408068/Противодействие+коррупции_новые+вызовы.pdf/e7331ac8-6cdf-clfb-a8a9-0974202565ca?t=1607079064590&download=true [in Russian].
3. *Vestnik nauchnykh trudov «Yurist'», vypusk №7: po materialam zasedaniya II Soveta molodezhnykh obshchestvennykh organizatsii i ob'edinenii Respubliki Tatarstan v sfere protivodeistviya korruptsii (4 dekabrya 2018 goda)*. Pod red. S. L. Alekseeva, M. S. Badrutdinova, A. A. Darenkova, S. F. Rakhimova, Yu. S. Sergeevoi, R. N. Shaidullina [Alekseev S. L., Badrutdinov M. S., Darenkov A. A., Rakhimov S. F., Sergeeva Yu. S., Shaidullin R. N. (Eds.) Bulletin of scientific works «Jurist», issue № 7: based on the materials of the meeting of the II Council of youth public organizations and associations of the Republic of Tatarstan in the field of combating corruption (December 4, 2018)]. Kazan: ANO VO «Akademiya sotsial'nogo obrazovaniya», 2018, 448 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37394230>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xicljjs> [in Russian].
4. *Prikaz General'noi prokuratury RF ot 15 aprelya 2021 g. № 198 «Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva v ekologicheskoi sfere»* [Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation

as of April 15, 2021 № 198 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the environmental sphere»). Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=61121065> [in Russian].

5. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 [s uchetom popravok]* [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 [adjusted]). Retrieved from the official Internet portal of legal information [www.pravo.gov.ru](http://pravo.gov.ru), 06.10.2022. Available at: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=loqslqeyb5138654058> [in Russian].

6. Klimak A. V. *Osobennosti mer prokurorskogo reagirovaniya na narusheniya ekologicheskogo zakonodatel'stva* [Peculiarities of prosecutor's response measures to violations of environmental legislation]. In: *Prokurorskii nadzor za ispolneniem ekologicheskogo zakonodatel'stva: posobie. Pod obshch. red. nachal'nika Glavnogo upravleniya po nadzoru za ispolneniem federal'nogo zakonodatel'stva General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, gosudarstvennogo sovetnika yustitsii 2 klassa, kandidata yuridicheskikh nauk, zasluzhennogo yurista Rossiiskoi Federatsii A.V. Palamarchuka* [Prosecutor's supervision over the implementation of environmental legislation: allowance; head of the Main Directorate for Supervision of the Execution of Federal Legislation of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, State Counselor of Justice of the 2nd Class, Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation Palamarchuk A. V.]. Moscow, 2014, 336 p. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/4900062/пособие+по+экологии+из+типографии.pdf/866fedce-2761-f980-6915-98241aa37637?t=1583236911788&download=true> [in Russian].

7. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 19.04.2017 № 176. «O Strategii ekologicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda»* [Decree of the President of the Russian Federation as of April 19, 2017 № 176 «On the Strategy for Environmental Security of the Russian Federation for the period until 2025»). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], no. 17, April 24, 2017, Article 2546. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879> [in Russian].

8. Vakula M. A., Umnova-Konyukova I. A. *Ekologicheskoe pravo v XXI veke: aktual'nye problemy, vyzovy i resheniya: monografiya* [Ecological law in the XXI century: current problems, challenges and solutions: monograph]. Moscow: RUDN, 2021, 260 p. [in Russian].

9. *Apellyatsionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Irkutskogo oblastnogo suda ot 08 sentyabrya 2016 g. po delu N 33-11456/2016* [Appeal decision of the Investigation Committee with regard to civil cases of the Irkutsk Regional Court dated September 08, 2016 with regard to case № 33-11456/2016]. Retrieved from legal reference system Garant. Available at: <https://base.garant.ru/143953017/?ysclid=loqtrywqxb570299099#friends> [in Russian].

10. *Osnovnye dokumenty po voprosam protivodeistviya korrupsitsii v Rossiiskoi Federatsii* [Basic documents on anti-corruption issues in the Russian Federation]. Available at: <https://zdrav.khv.gov.ru/sites/files/zdrav/docs/2021/69384a1a40ca17659d6b.pdf> (accessed 24.06.2023) [in Russian].

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-25-31



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.1

Дата поступления: 06.09.2023
рецензирования: 08.10.2023
принятия: 15.11.2023

Цифровой образ (цифровая копия личности) в системе объектов гражданских прав: опыт модельного законодательства

А. А. Богустов

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: bogustov_aa@grsu.by

Аннотация: В статье анализируются положения Модельного закона для государств - участников СНГ «О цифровых правах», относящиеся к цифровому образу (цифровой копии личности), права на которые рассматриваются как личные неимущественные блага. С целью определения места цифрового образа в системе личных неимущественных прав проведена характеристика его отличительных черт в сравнении с правом гражданина на изображение. Осуществлена характеристика содержания субъективного права на цифровой образ. Нормативную основу исследования составило модельное законодательство для государств - участников СНГ и национальное законодательство стран-участниц (в частности, право Беларуси и России). По результатам исследования сделан вывод о том, что право на цифровой образ (цифровую копию личности) можно рассматривать в качестве одного из проявлений права гражданина на изображение. Модельный закон «О цифровых правах» позволяет выделить черты, отличающие цифровой образ (цифровую копию личности) от иных форм охраняемых изображений (например, произведений изобразительного искусства, фото- и видеозаписей и т. д.), но не дает оснований рассматривать его вне рамок существующих механизмов обеспечения права гражданина на изображение. Автор статьи делает вывод, что содержание права на цифровой образ (цифровую копию личности) не имеет каких-либо серьезных отличий от содержания права гражданина на изображение. Это проявляется в сходстве по субъектному составу, порядку использования цифрового образа и изображения гражданина, как при его жизни, так и после смерти, регламентации возникновения этих объектов, установлении ограничений права гражданина на цифровой образ и собственное изображение, а также последствий нарушения этих прав.

Ключевые слова: модельное законодательство; нематериальные блага; право на изображение; объекты гражданских прав; цифровой образ; цифровая копия личности; цифровые права.

Цитирование. Богустов А. А. Цифровой образ (цифровая копия личности) в системе объектов гражданских прав: опыт модельного законодательства // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 25–31. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-25-31>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Богустов А. А., 2023

Андрей Алексеевич Богустов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 420088, Республика Беларусь, г. Гродно, пер. Доватора, 3/1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.09.2023
Revised: 08.10.2023
Accepted: 15.11.2023

Digital image (digital copy of a person) in the system of objects of civil laws: experience of model legislation

A. A. Bogustov

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus
E-mail: bogustov_aa@grsu.by

Abstract: The article analyses the provisions of the Model Law for the CIS member states «On Digital Rights» relating to the digital image (digital copy of a person), the rights to which are considered as personal non-property rights. In order to clarify the place of the digital image in the system of personal non-property rights, its distinctive features are

characterized in comparison with the citizen's right to an image. The content of the subjective right to a digital image is characterized. The normative basis of the study was formed by the model legislation for the CIS member states and the national legislation of the member states (in particular, the law of Belarus and Russia). Based on the results of the study, it was concluded that the right to a digital image (digital copy of a person) can be considered as one of the manifestations of the citizen's right to an image. The model law «On Digital Rights» allows to highlight the features that distinguish a digital image (digital copy of a person) from other forms of protected images (for example, works of fine art, photo and video recordings, etc.), but does not give grounds to consider it outside the existing mechanisms for ensuring the citizen's right to an image. The author of the article concludes that the content of the right to a digital image (digital copy of a person) does not have any serious differences from the content of the citizen's right to an image. This is manifested in the similarity in the subject composition, the order of use of the digital image and the image of a citizen, both during his life and after his death, the regulation of the emergence of these objects, the establishment of restrictions on the right of a citizen to a digital image and his own image, as well as the consequences of violation of these rights.

Key words: model legislation; intangible goods; image right; objects of civil rights; digital image; digital copy of a person; digital rights.

Citation. Bogustov A.A. *Tsifrovoy obraz (tsifrovaya kopiya lichnosti) v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav: opyt model'nogo zakonodatel'stva* [Digital image (digital copy of a person) in the system of objects of civil laws: experience of model legislation]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 25–31. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-25-31> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Bogustov A. A., 2023

Andrey A. Bogustov – Candidate of legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of International Law, Yanka Kupala State University of Grodno, 3/1, Dovatora Lane, Grodno, 230012, Belarus.

Одной из тенденций развития гражданского законодательства является включение в сферу его действия отношений по поводу цифровых объектов. Например, самостоятельный характер цифровых прав признается ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ [1].

При этом как понятие цифровых прав, так и их отдельных объектов не имеют однозначной трактовки в национальных правовых системах даже тех стран, которые в силу исторических и социально-экономических условий имеют большое сходство в нормативном регулировании частно-правовых отношений. В подобной ситуации большой теоретический и практический интерес представляют попытки гармонизации законодательства в этой области. Примером этому является принятый Модельный закон для государств – участников СНГ «О цифровых правах» [2] (далее – Модельный закон).

Его значимость обусловлена в том числе и тем, что он содержит положения, касающиеся не только имущественных, но и неимущественных прав, возникающих в цифровой среде. Возможность существования таких прав уже признавалась на доктринальном уровне. Например, Д. Е. Богданов обращает внимание на то, что «очередная технологическая революция становится триггером в развитии концепции нематериальных благ человека» [3, с. 685].

Нематериальный аспект цифровых прав отражен в Модельном законе правилами, касающимися цифрового образа (цифровой копии личности). Этот объект определяется как «закодированная с помощью средств цифрового шифрования совокупность объемного изображения физического лица в информационной системе и информации о таком физическом лице, включая биометрические, психоэмоциональные, физиогномические и другие данные о нем, позволяющая с помощью технологии искусственного интеллекта имитировать поведение субъекта в виртуальной среде» (ст. 3 Модельного закона).

Анализ отношений, возникающих по поводу цифрового образа (цифровой личности), уже проводился юридической наукой. Но в большинстве случаев подобные исследования были направлены на решение проблемы создания дипфейков с позиции предотвращения угроз национальной безопасности [4], правам человека [5; 6] и иным аспектам неправомерного использования цифрового образа. Автор настоящей статьи ранее обращался к вопросу о правовом режиме цифровой фабрикации с точки зрения авторского права [7]. При этом гражданско-правовая характеристика цифрового образа и, соответственно, условия его правомерного использования остаются вне поля зрения доктрины.

Анализ Модельного закона позволяет в определенной степени восполнить этот пробел и выявить те черты цифрового образа как объекта гражданского права, которые могут в перспективе найти отражение в национальном законодательстве. Помимо этого рассмотрение правил, содержащихся в Модельном законе, дает возможность определить место цифрового образа среди сходных объектов гражданского права.

Из абз. 1 ч. 1 ст. 6 Модельного закона следует, что право на цифровой образ возникает у гражданина, информацию о котором он содержит, а из ч. 3 этой же статьи вытекает, что цифровой образ не является имуществом, не включается в наследственную или иную имущественную массу. Сказанное позволяет определить право на цифровой образ как неимущественное право. Для характеристики этого блага представляется необходимым выявить элементы, составляющие цифровой образ.

Для определения правовой природы рассматриваемого объекта большое значение имеет ч. 4 ст. 6 Модельного закона, определившая, что цифровой образ не обладает правосубъектностью. Это показывает, что сами термины «цифровой образ» и «цифровая копия личности» не следует понимать

буквально и эти объекты не могут в какой-либо степени быть приравнены к самому гражданину.

Из ст. 3 Модельного закона следует, что основной цифровой образ выступает объемное изображение физического лица в информационной системе. При этом следует учитывать, что в законодательстве большинства государств - участников СНГ право на изображение уже получило охрану как личное неимущественное благо¹. Следовательно, необходимо выяснить, насколько право на цифровой образ соотносимо с правом гражданина на изображение.

Например, можно обратиться к законодательству РФ. Из анализа ст. 152.1 ГК РФ следует, что по общему правилу обнародование и использование изображения гражданина возможно лишь с его согласия, а после смерти – с согласия его ближайших родственников и членов семьи. При этом, как показывает п. 1 ст. 152.1 ГК РФ, законодатель не дифференцирует механизм реализации этого права в зависимости от характера и назначения изображения, применяя его в том числе к фотографиям, видеозаписям и произведениям изобразительного искусства. В связи с предметом настоящего исследования следует обратить внимание на то, что использование законодателем выражения «в том числе» показывает, что понятие «изображение» охватывает перечисленные объекты, но не исчерпывается ими.

В Республике Беларусь законодательство об охране права на изображение находится в процессе формирования. Но на настоящий момент самостоятельный характер этого права установлен Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 30.10.2018 № Р-1145/2018, в котором признается необходимость изменений в ГК и закрепляется, что изображение гражданина представляет собой «его внешний (индивидуальный) облик в объективированной форме, например в произведении изобразительного искусства, на фотографии или видеозаписи в конкретный момент времени» [8].

На решение поставленных Конституционным Судом Республики Беларусь задач направлены положения Проекта закона «Об изменении кодексов», из п. 1 ст. 153¹ которого следует, что «распространение и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина» [9].

Сказанное позволяет говорить о том, что в настоящее время основной механизм регламентации права гражданина на изображение состоит в том, что

оно получает охрану независимо от формы, характера и технических характеристик фиксации и воспроизведения, целей использования. Рассматривая же изображение как основополагающий элемент цифрового образа в соответствии со ст. 3 Модельного закона, можно сделать вывод, что оно носит объемный характер, фиксируется с помощью средств цифрового шифрования и воспроизводится при помощи искусственного интеллекта и имеет целью имитировать поведение субъекта в цифровой среде. То есть Модельный закон указывает на наличие характеристик, позволяющих лишь отличить изображение, содержащееся в цифровом образе, от иных форм охраняемых изображений (например, произведений изобразительного искусства, фото- и видеозаписей и т. д.), но не дающих оснований рассматривать его вне рамок существующих механизмов обеспечения этого неимущественного права гражданина.

При этом следует учитывать, что в соответствии со ст. 3 Модельного закона цифровой образ состоит не только из объемного изображения физического лица, но и информации о нем. Как было отмечено выше, эта информация состоит из биометрических, психоэмоциональных, физиогномических и иных данных о гражданине. Однако, по мнению автора настоящей статьи, эта информация либо охватывается понятием «изображение», либо не имеет самостоятельного значения для создания цифрового образа и имеет факультативный по отношению к изображению характер.

Понятие биометрических данных имеет нормативное закрепление как в рекомендательных актах СНГ, так и в национальном законодательстве государств - участников. Из ст. 2 Модельного закона «О персональных данных» следует, что они «содержат параметры биометрической идентификации субъекта персональных данных, то есть сведения о физиологических и биологических особенностях, на основании которых можно установить его личность, и обрабатываемые с применением технических средств (в том числе средств автоматизированной обработки персональных данных)» [10]. В статье 1 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» биометрические персональные данные определяются как «информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и другое)» [11].

Используя указанные определения биометрических данных, можно прийти к выводу, что использование их для создания цифрового образа служит для детализации объемного изображения гражданина, придания ему естественности и реалистичности. То есть биометрические данные визуализируются и становятся неотъемлемой частью изображения.

Используемое же в Модельном законе понятие «физиогномические данные» вообще в настоящее время не имеет легального определения. В психо-

¹ Анализ законодательства государств евразийского региона в этой области дан автором настоящей статьи в работе: Богустов А. А. Право лица на изображение в законодательстве государств евразийского региона: сравнительно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 274-285. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-1-274-285. EDN: <https://elibrary.ru/zkdwuf>.

логии же физиогномика долгое время определялась «как учение об определении сущности человека по лицу» [12, с. 3]. При этом отмечается, что «в современных источниках термин “физиогномика” имеет расширительное толкование. В понятие «физиогномика» включаются сопроводительные компоненты (мика, жесты)» [12, с. 4]. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что физиогномические данные представляют собой сведения о лице и мимике человека. Однако подобную информацию сложно рассматривать обособленно от изображения гражданина. Эти данные также являются одним из составляющих его элементов.

Также не имеет нормативного определения используемый в Модельном законе термин «психоэмоциональные данные». Можно предположить, что они характеризуют психическую и эмоциональную сторону человека. Как элемент цифрового образа гражданина эти данные позволяют воспроизвести особенности поведения лица в тех или иных ситуациях. Однако эти черты должны будут выражаться и визуально, что делает их элементом изображения. При этом следует отметить, что психоэмоциональные характеристики гражданина могут воспроизводиться не только в цифровом образе, но и иных визуальных формах (например, анимационных, кинематографических и даже живописных произведениях).

Сказанное позволяет утверждать, что цифровой образ с точки зрения цивилистики можно рассматривать как одно из проявлений права гражданина на изображение. При этом закрепление права на цифровую копию личности еще раз указывает на существование предпосылок для более широкой трактовки понятия изображения.

Эти условия не являются лишь проявлением влияния технического прогресса на развитие общественных отношений и имеют достаточно длительную историю. Например, И. А. Покровский еще в начале XX в. относил к возможным нарушениям права лица на изображение, в том числе случаи, «когда писатель описывает вашу интимную жизнь в каком-либо романе, хотя и не называя вашего имени, но так, что всякий, более или менее посвященный, вас узнает» [13, с. 125].

Элементом цифровой копии личности может выступать голос гражданина. Но необходимость его охраны существует и вне рамок цифрового образа, поскольку голос человека столь же оригинален, как и его внешний облик, и в той же степени индивидуализирует его. При этом современные технологии позволяют синтезировать и воспроизводить голос человека без его согласия. Нарушения подобного рода начинают все чаще встречаться на практике. В частности, Союз дикторов России предложил урегулировать использование синтезированного искусственным интеллектом голоса, поскольку «дикторы сталкиваются с проблемой потери прав на собственный голос и кражей голосов»².

² Союз дикторов России предложил урегулировать использование синтезированного ИИ голоса. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16900829>.

Представляется, что сходство в характере охраняемых прав, механизмах охраны и неблагоприятных последствиях нарушения позволяет распространить режим охраны изображения и на голос гражданина. Следует отметить, что подобный механизм уже используется в законодательстве некоторых постсоветских стран. Примером может служить ст. 45 ГК Молдовы [14], закрепившая, что изображение включает в себя как внешний вид, так и голос лица.

Предположение о том, что цифровой образ (цифровая копия личности) охватывается правом на изображение гражданина, на наш взгляд, подтверждается сходством субъективных прав их обладателей. Содержание права на цифровой образ раскрывается в ст. 6 Модельного закона.

Во-первых, из анализа абз. 1 ч. 1 ст. 6 Модельного закона следует, что право на цифровой образ принадлежит гражданину, информацию о котором он содержит, а использование такого образа по общему правилу допускается лишь с согласия этого гражданина. Это положение имеет достаточно большое сходство с правилами об охране изображения гражданина, содержащимися в национальном законодательстве государств - участников СНГ.

На право гражданина на изображение распространяются общие правила о нематериальных благах. Из анализа действующего законодательства (например, п. 1 ст. 150 ГК РФ) следует, что, как и любые нематериальные блага, это право принадлежит гражданину, не отчуждаемо и не передается иным способом. А из приведенной ранее ст. 152.1 ГК РФ использование изображения гражданина возможно лишь с его согласия.

Следовательно, содержания права гражданина на изображение и права на цифровой образ совпадают по субъектному составу и порядку использования.

Во-вторых, в абз. 2 ч. 1 ст. 6 Модельного закона установлен порядок использования цифрового образа гражданина после его смерти. В частности предусмотрено, что право на цифровую копию личности может возникать у родителей, детей и пережившего супруга умершего, а посмертное использование цифрового образа гражданина допускается только при согласии указанных лиц.

И этот элемент права на цифровой образ практически полностью совпадает с содержанием права гражданина на изображение. Например, из п. 1 ст. 152.1 ГК РФ следует, что после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей.

В-третьих, в абз. 3 ч. 1 ст. 6 Модельного закона предусмотрено, что по общему правилу основанием создания цифрового образа выступает договор, свободное волеизъявление на заключение которого должно быть прямо выражено указанными выше лицами.

И приведенное правило, на наш взгляд, не содержит каких-либо положений, существенно отличающихся от положений законодательства и

правоприменительной практики, относящихся к праву на изображение. Например, из п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [15] следует, что согласие на обнародование и использование изображения гражданина представляет собой сделку.

В-четвертых, из абз. 1 и абз. 3 ч. 1 ст. 6 Модельного закона вытекает, что допускается создание и использование цифрового образа без согласия гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах.

Приведенное положение имеет очевидное сходство с широко распространенными в законодательстве государств - участников СНГ ограничениями права гражданина на изображение. Примером может служить п. 1 ст. 152.1 ГК РФ, из которой следует, что согласие гражданина на использование изображения не требуется, в том числе в случае, когда оно осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах.

В-пятых, в абз. 1 и абз. 2 ч. 2 ст. 6 Модельного закона предусмотрены последствия нарушения права гражданина на цифровой образ. Эти правила состоят в том, что в случае неправомерного использования цифровой копии личности правообладателю предоставляется возможность требовать уничтожения, пресечения использования или запрещения дальнейшего распространения цифрового образа, а также право требовать компенсации морального ущерба. Если неправомерные действия привели к неосновательному обогащению, то правообладатель вправе требовать от нарушителя возвращения неосновательно полученного.

Рассмотрение последствий неправомерного использования цифрового образа приводит к выводу, что они не содержат существенных отличий от имеющегося в действующем законодательстве порядка защиты нарушенного права гражданина на изображение. Это касается как общих правил

о защите личных неимущественных благ (например, п. 2 ст. 150 ГК РФ), возмещении морального вреда (ст. 151 ГК РФ), так и специальных мер, направленных на защиту права лица на изображение (например, п. 2 и п. 3 ст. 1, ст. 152.1 ГК РФ).

На основании проведенного анализа правовой природы цифрового образа (цифровой копии личности) как объекта гражданских правоотношений можно сделать следующие выводы:

во-первых, право на цифровой образ (цифровую копию личности) можно рассматривать в качестве одного из проявлений права гражданина на изображение. Это обусловлено тем, что право гражданина на изображение получает охрану независимо от формы, характера и технических характеристик фиксации и воспроизведения, целей использования. Модельный закон позволяет выделить черты, отличающие цифровой образ (цифровую копию личности) от иных форм охраняемых изображений (например, произведений изобразительного искусства, фото- и видеозаписей и т. д.), но не дающие оснований рассматривать его вне рамок существующих механизмов обеспечения права гражданина на изображение;

во-вторых, содержание права на цифровой образ (цифровую копию личности) не имеет каких-либо серьезных отличий от содержания права гражданина на изображение. Это проявляется в сходстве по субъектному составу, порядку использования цифрового образа и изображения гражданина как при его жизни, так и после смерти, регламентации возникновения этих объектов, установлении ограничений права гражданина на цифровой образ и собственное изображение, а также последствий нарушения этих прав. Сходство в содержании прав также позволяет трактовать право на цифровой образ как одно из проявлений права гражданина на изображение.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп. по сост. на 16.05.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142.
2. О цифровых правах: Модельный закон. Принят на пятьдесят пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Постановление № 55-12 от 14.04.2023. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/10.
3. Богданов Д. Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 678–704. DOI: <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-678-704>. EDN: <https://elibrary.ru/mcrmyt>.
4. Киселев А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 54–64. DOI: <http://doi.org/10.18384/2310-6794-2021-3-54-64>. EDN: <https://elibrary.ru/ahjbnh>.
5. Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 11 (192). С. 112–119. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>. EDN: <https://elibrary.ru/xmheaj>.
6. Шубенкова К. В. Правовые проблемы охраны цифрового образа личности в РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 226–230. DOI: <http://doi.org/10.23672/r5500-3607-6625-k>. EDN: <https://elibrary.ru/zubuit>.

7. Богустов А. А. Правовой режим результатов цифровой фабрикации // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 1. С. 48–54. DOI: <http://doi.org/10.25205/2542-0410-2022-18-1-48-54>. EDN: <https://elibrary.ru/drdbro>.
8. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30.10.2018 № Р-1145/2018 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2018. № 42. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=K91801145>.
9. Об изменении кодексов: Проект Закона Республики Беларусь. Принят Палатой представителей в первом чтении 22.12.2021. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2021029021>.
10. О персональных данных (новая редакция): Модельный закон: Принят на сорок восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Постановление № 48-9 от 29.11.2018. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/727.pdf>.
11. О защите персональных данных: Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-3 (с изм. по сост. на 01.06.2022) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 14.05.2021. 2/2819. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099>.
12. Юдин Н. Ю. Физиогномические параметры в психологической диагностике характеристик личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2006. 23 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002976363.pdf.
13. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 1998. 353 с. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/23/?ysclid=lopkzelyr5832996537>.
14. Гражданский кодекс Республики Молдова. Книга первая. Общие положения от 06.06.2002 № 1107-XV (с изм. и доп. по сост. на 11.11.2021) // Официальный монитор Республики Молдова. 22.06.2002. № 82-86/661. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397878.
15. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. URL: https://base.garant.ru/71100882/#block_46.

References

1. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (Chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (s izm. i dop. po sost. na 16.05.2023)* [Civil Code of the Russian Federation (Part One) as of 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 16.05.2023)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, Article 3301. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 [in Russian].
2. *O tsifrovyykh pravakh: Model'nyi zakon. Prinyat na pyat'desyat pyatom plenarnom zasedanii Mezhpaparlament'skoi Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG. Postanovlenie № 55-12 ot 14.04.2023* [Concerning Digital Rights: Model law. Adopted at the fifty-fifth plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. Resolution № 55-12 as of 14.04.2023]. Available at: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/10 [in Russian].
3. Bogdanov D. E. *Tekhnodeterminizm v chastnom prave: vliyaniye bioprintinga na razvitiye kontseptsii zashchity prava na tsifrovoi obraz* [Techno-determinism in private law: influence of bioprinting on developing the concept of protecting the right to digital image]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2020, no. 50, pp. 678–704. DOI: <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-678-704>. EDN: <https://elibrary.ru/mcrmyt> [in Russian].
4. Kiselev A. S. *O neobkhodimosti pravovogo regulirovaniya v sfere iskusstvennogo intellekta: dipfeik kak ugroza natsional'noi bezopasnosti* [On the expansion of legal regulation in the field of artificial intelligence: deepfake as a threat to national security]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2021, no. 3, pp. 54–64. DOI: <http://doi.org/10.18384/2310-6794-2021-3-54-64>. EDN: <https://elibrary.ru/ahjbnh> [in Russian].
5. Dobrobaba M. B. *Dipfeiki kak ugroza pravam cheloveka* [Deepfakes as a threat to human rights]. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 11 (192), pp. 112–119. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>. EDN: <https://elibrary.ru/xmheaj> [in Russian].
6. Shubenkova K. V. *Pravovyye problemy okhrany tsifrovogo obraza lichnosti v RF* [Legal issues of protection of the digital image of the person in the Russian Federation]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences], 2022, no. 10, pp. 226–230. DOI: <http://doi.org/10.23672/r5500-3607-6625-k>. EDN: <https://elibrary.ru/zubuit> [in Russian].
7. Bogustov A. A. *Pravovoi rezhim rezul'tatov tsifrovoy fabrikatsii* [Legal Regime of the Results of Digital Fabrication]. *Yuridicheskaya nauka i praktika* [Juridical science and practice], 2022, vol. 18, no. 1, pp. 48–54. DOI: <http://doi.org/10.25205/2542-0410-2022-18-1-48-54>. EDN: <https://elibrary.ru/drdbro> [in Russian].
8. *O pravovom regulirovanii v grazhdanskom zakonodatel'stve ispol'zovaniya i okhrany izobrazheniya grazhdanina: Reshenie Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus' ot 30.10.2018 № R-1145/2018* [On the legal regulation in civil

legislation of the use and protection of the image of a citizen: Decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus as of 30.10.2018 № R-1145/2018]. *Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2018, no 42. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=K91801145> [in Russian].

9. *Ob izmenenii kodeksov: Proekt Zakona Respubliki Belarus'. Prinyat Palatoi predstavitelei v pervom chtenii 22.12.2021* [On Amending the Codes: Draft Law of the Republic of Belarus. Adopted by the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus in the first reading as of 22.12.2021]. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2021029021> [in Russian].

10. *O personal'nykh dannykh (novaya redaktsiya): Model'nyi zakon: Prinyat na sorok vos'mom plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoi Assamblei gosudarstv — uchastnikov SNG. Postanovlenie № 48-9 ot 29.11.2018* [On personal data (new edition): Model Law: Adopted at the forty-eighth plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. Resolution № 48-9 as of 29.11.2018]. Available at: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/727.pdf> [in Russian].

11. *O zashchite personal'nykh dannykh: Zakon Respubliki Belarus' ot 07.05.2021 № 99-Z (s izm. po sost. na 01.06.2022)* [On Protection of Personal Data: Law of the Republic of Belarus as of 07.05.2021 № 99-Z (as amended on 01.06.2022)]. *Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'* [National legal internet portal of the Republic of Belarus], 2021, 2/2819. Available at: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099> [in Russian].

12. Yudin N. Yu. *Fiziognomicheskie parametry v psikhologicheskoi diagnostike kharakteristik lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Physiognomic parameters in psychological diagnostics of personality characteristics: author's abstract of Candidate's of Psychological Sciences thesis]. Moscow, 2006. 23 p. Available at: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01002976363.pdf> [in Russian].

13. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic problems of civil law]. Moscow: Statut, 1998, 353 p. Available at: <https://civil.consultant.ru/elib/books/23/?ysclid=lopkzelyr5832996537> [in Russian].

14. *Grazhdanskii kodeks Respubliki Moldova. Kniga pervaya. Obshchie polozheniya ot 06.06.2002 № 1107-XV (s izm. i dop. po sost. na 11.11.2021)* [Civil Code of the Republic of Moldova. Book one. General provisions as of 06.06.2002 No. 1107-XV (as amended on 11.11.2021)]. *Ofitsial'nyi monitor Respubliki Moldova* [Official Monitor of the Republic of Moldova], 22.06.2002, no. 82-86/661. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397878 [in Russian].

15. *O primenenii sudami nekotorykh polozhenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25* [On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part I of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of 23.06.2015 № 25]. Available at: https://base.garant.ru/71100882/#block_46 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-32-37



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: 06.09.2023
рецензирования: 08.10.2023
принятия: 15.11.2023

Проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе

Н. И. Попова

Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nataljapopova112@mail.ru

Аннотация: В настоящее время судебно-экспертная деятельность в условиях конкуренции становится все более важным элементом в гражданском судопроизводстве. В статье автор рассматривает имеющиеся в настоящее время проблемные вопросы правового регулирования института экспертизы в гражданском процессе. Если деятельность государственных экспертов полностью урегулирована федеральным законом, то негосударственная экспертиза уже длительное время не регулируется законодательством, что вызывает правовые проблемы и порождает многие процедурные вопросы. Автор обращает внимание на недостаточно четкое и эффективное правовое регулирование экспертизы в гражданском процессе, а также другие проблемы, связанные с этой областью. Недостаточная квалификация экспертов, длительный срок проведения экспертизы и разночтения в заключениях могут негативно сказаться на интересах сторон и на доверии к экспертным заключениям в целом. Автор подчеркивает, что проблема данной области не является исключительной для России. Также существует необходимость в разработке более эффективных методов регулирования экспертизы в гражданском процессе.

Ключевые слова: гражданский процесс; правовое регулирование; законодательство; эксперт; экспертиза; экспертное заключение; экспертная оценка; срок экспертизы; интересы сторон.

Цитирование. Попова Н. И. Проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 32–37. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-32-37>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Попова Н. И., 2023

Наталья Ивановна Попова – кандидат юридических наук, доцент кафедры управления персоналом, Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2В.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.09.2023
Revised: 08.10.2023
Accepted: 15.11.2023

Problems of legal regulation of examination in civil proceedings

N. I. Popova

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation
E-mail: nataljapopova112@mail.ru

Abstract: Currently, forensic expertise in a competitive environment is becoming an increasingly important element in civil proceedings. In the article, the author examines the currently problematic issues of legal regulation of the institute of expertise in civil proceedings. If the activities of state experts are fully regulated by federal law, then non-state expertise has not been regulated by legislation for a long time, which causes legal problems and generates many procedural issues. The author draws attention to the insufficiently clear and effective legal regulation of expertise in civil proceedings, as well as other problems related to this area. Insufficient qualifications of experts, a long period of expertise and discrepancies in the conclusions may negatively affect the interests of the parties and the credibility of expert opinions in general. The author emphasizes that the problem of this area is not exclusive to Russia. There is also a need to develop more effective methods of regulating expertise in civil proceedings.

Key words: civil procedure; legal regulation; legislation; expert; expertise; expert opinion; expert evaluation; term of expertise; interests of the parties.

Citation. Popova N. I. *Problemy pravovogo regulirovaniya ekspertizy v grazhdanskom protsesse* [Problems of legal regulation of examination in civil proceedings]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 32–37. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-32-27> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Popova N. I., 2023

Natalia I. Popova – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Personnel Management, Samara State Transport University, 2V, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Экспертиза является важным инструментом в гражданском процессе, необходимым для выяснения фактов, разрешения споров и принятия обоснованных решений судебными органами. Однако в ряде случаев правовое регулирование процесса проведения экспертизы оказывается недостаточным и сталкивается с определенными проблемами. В данной статье рассмотрим основные проблемы, связанные с правовым регулированием экспертизы в гражданском процессе.

В настоящее время в Российской Федерации в условиях конкуренции судебно-экспертная деятельность становится все более важным элементом в гражданском судопроизводстве. Эта деятельность необходима для обеспечения суда и сторон объективными доказательствами.

Главным законодательным актом, регулирующим судебно-экспертную деятельность, является Закон о государственной судебно-экспертной деятельности [1]. Он был разработан для решения многих проблем, существующих в области судебной экспертизы на тот момент. Несмотря на то, что этот закон содержит нормы, регулирующие вопросы организации судебных экспертиз и особенности проведения различных видов экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях, некоторые вопросы в этой области остаются нерешенными с учетом принятых позже положений в ГПК РФ [2] касательно судебной экспертизы.

Одна из проблем правового регулирования судебной экспертизы связана с отсутствием единой системы назначения экспертизы и контроля за ее проведением. В некоторых случаях выбор эксперта является произвольным и не основан на объективных критериях. Это может приводить к субъективным и необъективным результатам экспертизы. Кроме того, отсутствие достаточного контроля за проведением экспертизы может влиять на процесс объективного и непредвзятого рассмотрения дела.

Действующее гражданское процессуальное законодательство позволяет проводить судебную экспертизу как в государственных судебно-экспертных учреждениях, так и в негосударственных. Однако следует отметить, что деятельность государственных экспертов полностью урегулирована федеральным законом, тогда как негосударственная экспертиза уже длительное время не регулируется законодательством, что вызывает правовые проблемы и порождает многие процедурные вопросы, не урегулированные в процессуальных нормах. Поэтому перед судом часто возникают вопросы выбора конкретной экспертной организации или судебного эксперта, а также вопросы квалификации эксперта и другие.

В процессе рассмотрения гражданских дел может возникнуть необходимость в специализированных знаниях в определенной специфической области, которая может быть недоступна в государственных экспертных организациях или такие организации могут быть перегружены, а для своевременного проведения судебных экспертиз

предпочтительнее использовать негосударственные (частные) экспертные организации.

Большинство экспертиз поручается государственным учреждениям [3], что в свою очередь может отразиться на сроках проведения экспертизы и самом процессе в целом. Загруженность либо отсутствие экспертов в необходимой области знаний приводит к невозможности определить конкретный срок проведения экспертизы. Подобная практика противоречит ст. 80 ГПК РФ, которая предусматривает установление конкретных дат проведения экспертизы, а также положениям абз. 4 ч. 1 ст. 85 ГПК РФ, устанавливающего ответственность эксперта или судебно-экспертного учреждения в случае невыполнения требования суда, назначившего экспертизу, о направлении заключения эксперта в суд в срок, установленный в определении о назначении экспертизы, при отсутствии мотивированного сообщения эксперта или судебно-экспертного учреждения о невозможности своевременного проведения экспертизы либо о невозможности проведения экспертизы по причинам, указанным в абз. 2 ч. 1 ст. 85 ГПК РФ [4].

Однако действующий Закон о государственной судебно-экспертной деятельности не устанавливает квалификационные требования к негосударственным судебным экспертам, критериев оценки их профессиональной подготовки и научно-методического подхода к экспертной практике, что становится одной из проблем в правовом регулировании экспертной деятельности и может приводить к снижению качества судебных экспертиз, проводимых в некоторых частных экспертных учреждениях. Следующая проблема прямо вытекает из указанной нами причины и связана с недостатком квалифицированных экспертов, а также непропорциональным распределением дел по регионам. Так, определением Верховного Суда РФ по делу № 19-КГ22-25-К5 были отменены апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 20 октября 2021 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 марта 2022 г. Одним из оснований отмены является экспертное заключение, которое носит вероятностный характер [5].

Ограниченное количество экспертов и их концентрация в крупных городах может приводить к задержкам в рассмотрении дел, а также увеличению затрат на проведение экспертизы. Неравномерное распределение экспертов также осложняет доступ к правосудию для некоторых граждан.

В качестве проблемы также можно выделить недостаточное финансирование экспертизы. Проведение качественной экспертизы требует значительных затрат, связанных с оплатой труда экспертов, приобретением необходимого оборудования и лабораторных реактивов. Однако в ряде случаев на проведение экспертизы выделяется недостаточное финансирование, что может отри-

цательно сказываться на качестве проведения экспертизы и достоверности ее результатов.

Для решения проблем, связанных с правовым регулированием, рекомендуется определить судебно-экспертные организации как государственные или негосударственные учреждения, а не просто как «государственные судебно-экспертные учреждения». Кроме того, следует установить, что негосударственная экспертная организация должна быть некоммерческой и основной ее деятельностью должна быть судебно-экспертная деятельность.

Проблема правового регулирования экспертизы в гражданском процессе, связанная с постановкой вопросов эксперту, заключается в том, что формулировка вопросов может существенно повлиять на результаты экспертизы и последующее разрешение спора.

Важную роль в рассматриваемой нами проблеме играет постановка точных и правильных вопросов эксперту. В гражданском процессе экспертная оценка дает объективное и научно обоснованное мнение эксперта о предмете спора. Экспертиза проводится на основе вопросов, которые стороны предлагают суду. Формулировка вопросов должна быть ясной, точной и конкретной, чтобы обеспечить объективность и надежность результатов экспертизы. Между тем, как правило, у сторон отсутствуют знания в той или иной отрасли, в связи с чем зачастую возникают ситуации, когда формулировка вопросов не соответствует потребностям дела или является недостаточно конкретной. Это может повлечь за собой то обстоятельство, что результаты экспертизы могут быть неполными или недостоверными, что затрудняет решение суда и может привести к вынесению судом несправедливого решения.

Проблема правового регулирования заключается в том, что законы не всегда устанавливают четкие критерии для формулировки вопросов эксперту. Это может привести к субъективизму и произволу при постановке вопросов. Кроме того, стороны могут стремиться использовать экспертизу в своих интересах, предлагая необъективные или недостаточно конкретные вопросы, что уводит суд в сторону от правильной постановки вопроса, что является достаточно важным моментом, поскольку право окончательного определения круга вопросов эксперту остается за судом. Несомненно, судья должен более тщательно анализировать предлагаемые вопросы и в случае необходимости вносить изменения или дополнения, чтобы обеспечить объективность и полноту экспертной оценки [6, с. 44].

Отметим, что в целом правовое регулирование экспертизы в гражданском процессе и постановка вопросов эксперту являются сложными задачами, требующими внимательного и сбалансированного подхода со стороны судов и других участников процесса.

В гражданском процессе возникают проблемы, связанные с назначением дополнительных, комиссионных и комплексных экспертиз. Например,

положение статьи 87 ГПК РФ о дополнительной экспертизе не уточняет, что неясность или неполноту заключения эксперта можно устранить на заседании суда через получение разъяснений от эксперта. Согласно данной статье, дополнительная экспертиза должна назначаться только в случае, если требуется проведение новых исследований. Аналогичная норма о дополнительной судебной экспертизе закреплена в статье 20 Закона о государственной судебно-экспертной деятельности. Однако, в отличие от теории судебной экспертологии, она упоминает только недостаточную ясность или полноту предыдущего заключения в качестве основания для назначения дополнительной экспертизы. В то время как в теории судебной экспертологии отмечено, что назначение дополнительной экспертизы может быть необходимо, если появляются дополнительные вопросы относительно уже исследованных объектов [7, с. 9]. Между тем законодательство, а именно ст. 87 ГПК РФ и ст. 20 Закона о государственной судебно-экспертной деятельности не закрепляют данной позиции.

В правовом регулировании исследуемого вопроса имеется несколько противоречий, связанных с назначением комиссионной судебной экспертизы. Одновременно Закон о государственной судебно-экспертной деятельности утверждает, что комиссионный характер экспертизы определяется либо органом, либо лицом, назначившим ее, либо руководителем государственного судебного экспертного учреждения. В то же время ч. 1 ст. 83 ГПК РФ утверждает, что только суд способен определить комиссионный характер судебной экспертизы. Для унификации субъектов, которые могут решать вопрос о комиссионном характере судебной экспертизы, необходимо внести изменения в гражданское процессуальное законодательство. Для решения этого вопроса необходимо включить в перечень руководителя судебного экспертного учреждения, помимо суда. Это позволит сэкономить время, если вопрос о комиссионном характере экспертизы возник после ее назначения судом.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что сфера судебной экспертной деятельности является важной для оказания содействия суду в установлении фактов, необходимых для доказательства в конкретном случае. Для эффективной работы экспертов необходимо предусмотреть четкое, единообразное законодательное регулирование, которое позволит решать специализированные вопросы на основе специальных знаний.

Правовое регулирование экспертизы в гражданском процессе может отличаться в разных странах. Однако во многих странах существуют общие принципы и стандарты регулирования экспертизы.

В общих чертах правовое регулирование экспертизы в гражданском процессе за рубежом включает в себя следующие аспекты:

- квалификационные требования для экспертов: эксперт должен обладать соответствующим образованием, экспертным опытом в конкретной области знаний;

– оговоренные процедуры и требования для проведения экспертизы: это полный цикл, включающий в себя процесс назначения эксперта, задачу исследования, проведение исследовательских процедур, подачу экспертного заключения и процесс контроля и оспаривания экспертного заключения;

– прозрачность и независимость экспертов: эксперт должен действовать независимо от сторон спора и основывать свои аргументы на объективных фактах и экспертных знаниях;

– допустимость экспертных заключений в суде: экспертное заключение должно быть допущено в качестве доказательства и иметь достаточную доказательную силу для судебного разбирательства;

– контроль и апелляция экспертных заключений: стороны должны иметь возможность оспорить экспертное заключение, если оно не соответствует требованиям закона или если имеются доказательства его ошибочности или предвзятости.

В целом правовое регулирование экспертизы в гражданском процессе за рубежом направлено на обеспечение справедливого и объективного рассмотрения дел, устанавливая определенные процедуры и требования для экспертов и их заключений.

Проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе в европейских странах включают в себя различия в организации проведения экспертизы и проблемы частной и государственной экспертизы. Рассмотрим в этой связи примеры Испании и Франции.

Так, в Испании экспертиза может проводиться как государственными организациями, так и частными экспертами. Однако это может привести к конфликтам интересов и несоответствию качества проведенных экспертиз. Согласно исследованию, проведенному в 2018 году в Испании, частные эксперты чаще склонны тенденциозно относиться к представленным ими данным, что может повлиять также на результаты экспертиз [8].

Кроме того, экспертиза в Испании имеет длительный срок ожидания результатов, что может замедлять процессы рассмотрения дел в судах и приводить к нервозности среди заинтересованных сторон. Это может привести к тому, что экспертиза не будет использована в качестве доказательства в судебной процедуре [9].

Во Франции также существуют проблемы с правовым регулированием экспертизы. Согласно выпущенному в 2011 году закону, экспертиза может проводиться как судебными экспертами, так и арбитражами. Однако это может привести к большому различиям в качестве проведенных экспертиз и несогласованности мнений.

Кроме того, согласно отчету, опубликованному в 2019 году, существует проблема финансирования экспертных организаций во Франции. Ограниченный бюджет на проведение экспертиз может увеличить время ожидания результата и повлиять на качество проводимых экспертиз [10].

Таким образом, проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе в зарубежных странах на примере Испании и Франции

имеют серьезное значение для судебной системы этих стран и нуждаются в улучшении.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что при анализе гражданского процессуального законодательства и Закона о государственной судебной экспертной деятельности выявлены несоответствия в отдельных положениях, регулирующих судебную экспертизу. Кроме того, присутствуют пробелы в законодательстве, касающиеся назначения и проведения судебных экспертиз. Эти недостатки отрицательно влияют на эффективность применения специальных знаний при доказывании и оценке экспертных заключений.

Экспертиза является важным элементом гражданского процесса. Именно благодаря экспертным заключениям суд может принимать обоснованные и правильные решения. Однако в последнее время стала заметна одна весьма серьезная проблема – это недостаточно четкое и эффективное правовое регулирование экспертизы в гражданском процессе.

Помимо этого существует еще несколько проблем в данной области. Так, эксперты, выполняющие экспертизы и выносящие заключения, не всегда обладают необходимой квалификацией и опытом работы в конкретной сфере. Это может привести к неточностям в заключениях и ошибочным выводам.

Также существует проблема, связанная с тем, что экспертиза в некоторых случаях может занимать очень длительное время. Это связано с недостаточным количеством экспертов и их перегруженностью работой. В результате задержки в рассмотрении дела могут достичь нескольких месяцев, что невероятно негативно сказывается на интересах и правах сторон.

Кроме того, экспертные заключения не всегда являются однозначными и могут интерпретироваться по-разному. Это может привести к спорам между сторонами и судами и понижению доверия к экспертным заключениям в целом.

Проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе требуют внимания и решения, чтобы обеспечить эффективность и надежность проведения экспертизы. Необходимо совершенствовать нормативные акты, создать единую систему назначения и контроля экспертизы, а также обеспечить достаточное финансирование и повышение квалификации экспертов. Только таким образом можно достичь справедливого и объективного рассмотрения дел в гражданском процессе.

Стоит отметить, что недостаточное правовое регулирование экспертизы в гражданском процессе является проблемой не только в России, но и во многих других странах мира. Поэтому необходимо разработать и внедрить новые, более эффективные методы регулирования экспертизы в гражданском процессе, которые смогут обеспечить выполнение законодательных норм, более качественное прохождение процессов экспертизы и в то же время не затягивать рассмотрение дел.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071320&ysclid=loqups9i2f911263796>.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828&ysclid=loqux74fps772716165>.
3. Приказ Министерства юстиции РФ от 20 апреля 2023 г. № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». URL: <https://base.garant.ru/406790301> (дата обращения: 02.08.2023).
4. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам. URL: <https://vsrf.ru/files/13860/?ysclid=loqvh3ddn080410546>.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.10.2022 № 19-КГ22-25-К5 // Банк судебных документов (vsrf.ru). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25102022-n-19-kg22-25-k5/?ysclid=loqvfxfbmx588407175>.
6. Зайцева Е. М. Некоторые проблемы назначения судебной экспертизы по гражданским делам // Наука, образование и культура. 2019. № 1. С. 44–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-naznacheniya-sudebnoy-ekspertizy-po-grazhdanskim-delam/viewer>.
7. Россинская Е. Р., Галышина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. Москва: Проспект, 2011. 458 с. URL: http://sudex.pro/attachments/article/95/Настольная%20книга%20судьи.%20Судебная%20экспертиза_Россинская%20Е.Р.,%20Галышина%20Е.И_2010%20-464с.pdf?ysclid=loqw6fohzg31093059; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24385892>. EDN: <https://elibrary.ru/unqobf>.
8. Ley n° 2011–1920 del 29 de diciembre 2011 relativa a la simplificación y la mejora de la calidad del derecho. (2011, December 30).
9. Cebrián, J. A., Delgado, M., & Oyarzun A. The role of DNA profiling expert reports in Spanish court: Study of the admissibility and interpretation in family law cases // Legal Medicine (Tokyo, Japan). 2018. Vol. 34. P. 70–76.
10. Leturcq M. (2019). Les coûts des rapports d’expertises judiciaires sont-ils hors de contrôle? Retrieved from: <https://www.lesechos.fr/pme-regions/auvergne-rhone-alpes/les-couts-des-rapports-dexpertises-judiciaires-sont-ils-hors-de-contrrole-1058402>.

References

1. *Federal'nyi zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ «O gosudarstvennoi sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of May 31, 2001 № 73-FZ «On state forensic activity in the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2001, no. 23, Article 2291. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071320&ysclid=loqups9i2f911263796> [in Russian].
2. *Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ* [Civil Procedure Code of the Russian Federation as of November 14, 2002 № 138-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 46, Article 4532. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828&ysclid=loqux74fps772716165> [in Russian].
3. *Prikaz Ministerstva yustitsii RF ot 20 aprelya 2023 g. № 72 «Ob utverzhdenii Perechnya rodov (vidov) sudebnykh ekspertiz, vypolnyaemykh v federal'nykh byudzhetykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniyakh Minyusta Rossii, i Perechnya ekspertnykh spetsial'nostei, po kotorym predostavlyayetsya pravo samostoyatel'nogo proizvodstva sudebnykh ekspertiz v federal'nykh byudzhetykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniyakh Minyusta Rossii»* [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated April 20, 2023 № 72 «On approval of the List of types of forensic examinations performed in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the List of expert specialties for which the right to independently conduct of forensic examinations is granted federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia»]. Available at: <https://base.garant.ru/406790301> (accessed 02.08.2023) [in Russian].
4. *Obzor sudebnoi praktiki po primeneniyu zakonodatel'stva, reguliruyushchego naznachenie i provedenie ekspertizy po grazhdanskim delam* [Review of judicial practice on the application of legislation governing the appointment and conduct of examinations in civil cases]. Available at: <https://vsrf.ru/files/13860/?ysclid=loqvh3ddn080410546>.
5. *Opredelenie Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 25.10.2022 № 19-KG22-25-K5* [Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 25, 2022 № 19-KG22-25-K5]. Retrieved from the bank of judicial documents (vsrf.ru).

Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25102022-n-19-kg22-25-k5/?ysclid=loqvkbmx588407175>.

6. Zaitseva E. M. *Nekotorye problemy naznacheniya sudebnoi ekspertizy po grazhdanskim delam* [Some problems of appointing a forensic review in civil cases]. *Nauka, obrazovanie i kul'tura* [Science, Education and Culture], 2019, no. 1, pp. 44–46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-naznacheniya-sudebnoy-ekspertizy-po-grazhdanskim-delam/viewer> [in Russian].

7. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. *Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza. Teoriya i praktika, tipichnye voprosy i nestandartnye situatsii* [Judge's desk book: forensics. Theory and practice, typical questions and non-standard situations]. Moscow: Prospekt, 2011, 458 p. Available at: http://sudex.pro/attachments/article/95/Настольная%20книга%20судьи.%20Судебная%20экспертиза_Росинская%20Е.Р.,%20Гальяшина%20Е.И_2010%20-464с.pdf?ysclid=loqw6fohzg31093059; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24385892>. EDN: <https://elibrary.ru/unqobf> [in Russian].

8. Ley n° 2011–1920 del 29 de diciembre 2011 relativa a la simplificación y la mejora de la calidad del derecho. (2011, December 30).

9. Cebrián J.A., Delgado M., Ojarzun A. The role of DNA profiling expert reports in Spanish court: Study of the admissibility and interpretation in family law cases. *Legal Medicine (Tokio, Japan)*, 2018, vol. 34, pp. 70–76.

10. Leturcja M. (2019) Les coûts des rapports d'expertises judiciaires sont-ils hors de contrôle? Retrieved from: <https://www.lesechos.fr/pmne-regions/auvergne-rhone-alpes/les-couts-des-rapports-dexpertises-judiciaires-sont-ils-hors-de-controle-1058402>.

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-38-45



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347, 34.01

Дата поступления: 06.09.2023
рецензирования: 08.10.2023
принятия: 15.11.2023

Гармонизация законодательства об охране здоровья и законодательства о персональных данных как основа для развития персонализированной медицины

В. Д. Рузанова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vd.ruz@mail.ru

Аннотация: В статье проведен анализ законодательства об охране здоровья и законодательства о персональных данных в аспекте их влияния на внедрение в практику персонализированной медицины. Делается вывод о том, что поскольку развитие персонализированной медицины связано с изучением индивидуальных данных человека, и в первую очередь его генетических данных, то особое значение приобретает гармонизация правовых положений о медицинской деятельности и генетической информации как разновидности персональных данных. Применительно к персонализированной медицине в «головном» законе предлагается закрепить общие положения, касающиеся применения индивидуализированного метода, а в специальных законах выделить группы норм, устанавливающие особенности использования этого метода при осуществлении конкретного вида (направления) медицинской деятельности. В качестве итогового вывода обосновывается идея о необходимости гармонизации законодательства об охране здоровья и законодательства о генетической информации как вида персональных данных прежде всего в части режима сведений о состоянии здоровья, являющихся генетическими, а также особенностей их использования в персонализированной медицине.

Ключевые слова: персонализированная медицина; законодательство; правовой режим; охрана здоровья; персональные данные; геном; генетическая информация; сведения о состоянии здоровья; «головной» закон.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках научного проекта «Правовое обеспечение персонализированной медицины, основанной на генетических и иных индивидуальных особенностях пациента» № 23-28-00720.

Цитирование. Рузанова В. Д. Гармонизация законодательства об охране здоровья и законодательства о персональных данных как основа для развития персонализированной медицины // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-38-45>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рузанова В. Д., 2023

Валентина Дмитриевна Рузанова – кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой гражданского и предпринимательского права, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.09.2023
Revised: 08.10.2023
Accepted: 15.11.2023

Harmonization of health protection legislation and personal data legislation as a basis for the development of personalized medicine

V. D. Ruzanova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vd.ruz@mail.ru

Abstract: The article analyzes the health protection legislation and personal data legislation in terms of their impact on the implementation of personalized medicine in practice. It is concluded that since the development of personalized medicine is associated with the study of a person's individual data, and first of all, his genetic data, the harmonization of legal provisions on medical activities and genetic information as a type of personal data takes on special significance. In relation to personalized medicine, the «head» law proposes to consolidate general provisions regarding the use of an individualized method, and in special laws to identify groups of norms that establish the specifics of using this method in carrying out a specific type (direction) of medical activity. As a final conclusion, the idea of the need to harmonize health protection legislation and legislation on genetic information as a type of personal data is substantiated, primarily in terms of the regime of genetic health information, as well as the features of their use in personalized medicine.

Key words: personalized medicine; legislation; legal regime; health protection; personal data; genome; genetic information; health information; «head» law.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project «Legal support for personalized medicine based on genetic and other individual characteristics of the patient» № 23-28-00720.

Citation. Ruzanova V. D. *Garmonizatsiya zakonodatel'stva ob okhrane zdorov'ya i zakonodatel'stva o personal'nykh dannykh kak osnova dlya razvitiya personalizirovannoi meditsiny* [Harmonization of health protection legislation and personal data legislation as a basis for the development of personalized medicine]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-38-45> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Ruzanova V. D., 2023

Valentina D. Ruzanova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, acting head of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Дальнейшее развитие национальной системы здравоохранения сегодня невозможно без внедрения в практику персонализированной медицины (personalized medicine), которая на основе современных взглядов на геном человека и технологий ДНК-анализа позволит поднять на новый уровень индивидуальную профилактику и лечение заболеваний [1, с. 100]. Индивидуализированный подход в медицине следует рассматривать в качестве важнейшего инструмента реструктуризации всей отрасли здравоохранения. Как справедливо подчеркивается в литературе, «одним из основных стимулов развития персонализированной медицины является заметный рост индивидуального и общественного спроса на превентивно-профилактические средства и соответствующий инструментарий» [2, с. 12]. По мнению специалистов, применение указанного подхода приведет к значительному сокращению смертности не только непосредственно от заболеваний, но и от неправильно назначенных лекарственных средств [3, с. 9]. В практическом здравоохранении технологии персонализированной медицины особенно востребованы при лечении онкологических заболеваний и в кардиологии [1, с. 104]. В широком плане использование в медицине индивидуализированного подхода можно рассматривать как одно из важнейших условий обеспечения национальной биобезопасности.

В зарубежной медицинской практике для обозначения индивидуализации лечения применяются и другие термины: «медицина под заказчика» (tailored medicine), «предсказательная медицина» (predictive medicine) и «геномная медицина» (genomic medicine) [4, с. 4]. В доктрине также предлагается использовать термин «персонализированное здравоохранение», который, по справедливому мнению авторов, подчеркивает необходимость внедрения данного подхода в практическое здравоохранение, для чего должны быть созданы соответствующие условия и инфраструктура [5, с. 4]. Полагаем, что последний термин вполне жизнеспособен, он обладает более широким содержанием по сравнению с термином «персонализированная медицина», поскольку охватывает здравоохранение как отрасль, а не только собственно медицинскую деятельность как ее составную часть.

Целью персонализированной медицины является подбор подходящих лекарственных средств для конкретного больного и разработка схемы лечения в соответствии с его генотипом, поскольку медики установили, что «реакция пациентов с одной и той же болезнью на одно и то же лекарство различается в зависимости от генотипа больного (генетической конституции организма) и других факторов» [4, с. 5]. Как видим, персонализированный метод предполагает учет индивидуальных, и прежде всего генетических факторов, что позволяет обеспечить не только лечение, но и предупреждение различного рода нарушений [3, с. 4–5]. Таким образом, для внедрения персонализированной медицины и, как следствие, для кардинального улучшения медицинского обслуживания необходимо использовать генотипирование и другие технологии, для чего требуется создание биобанков. Не случайно сегодня поставлена задача формирования Национальной базы генетической информации. Применение генетических технологий и на этой основе внедрение в практическую медицину персонализированного метода должны привести к переосмыслению существующей стратегии обеспечения здоровья и увеличения продолжительности жизни человека [6, с. 99–111].

Представители медицинской науки считают, что для развития персонализированной медицины требуется решение технических и организационных проблем [4, с. 9]. Полагаем, что не менее значимыми являются и юридические вопросы, прежде всего связанные с законотворчеством. Считаем, что внедрение и развитие индивидуализированной медицины невозможны без построения такой системы законодательства, при которой обеспечивалось бы взаимодействие «медицинского» и «информационного» нормативных блоков. Причем для применения пациент-ориентированного метода в медицине последний блок особенно важен в части защиты персональных, в том числе генетических, данных. В настоящее время эти нормативные массивы существуют практически параллельно, что оказывает отрицательное влияние не только на состояние медицинской сферы, но и на все здравоохранение в целом. Можно с уверенностью утверждать, что наличие системно выстроенного законодательства, обеспечивающе-

го взаимодействие разноотраслевых норм, является одним из необходимых условий для успешного перехода к персонализированной медицине в российском здравоохранении.

Прежде всего скажем, что в российской нормотворческой практике используются две основные модели построения законодательства: кодификационная и модель «головного» («базового», «центрального») закона. Последняя модель предполагает наличие в той или иной отрасли законодательства (в том числе комплексной) так называемого центра – «головного» закона, положениям которого должны соответствовать иные нормативные правовые акты, относящиеся к его предмету.

Сегодня законодательство об охране здоровья представляет собой совокупность нормативных правовых актов, слабо скоординированных не только с «головным» законом, но и между собой. Для приведения данного законодательства в систему уже сейчас имеются легальные основания, поскольку ныне действующий Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7] (далее – Закон об охране здоровья) устанавливает, что нормы нормативных правовых актов, связанных с предметом Закона об охране здоровья, не должны противоречить его нормам (пп. 2 и 3 ст. 3). Однако сегодня этого явно недостаточно. Необходимо, чтобы в «головном» законе были заложены принципы построения системы законодательства о здравоохранении в целом, сформулированы основные понятия, отражающие современное состояние и перспективы развития медицины, и правила взаимодействия отдельных его нормативных блоков.

В литературе, в частности, предлагается сформировать законодательство о здравоохранении на основе кодификационной модели [8, с. 9, 104]. Опыт такого подхода имеется в целом ряде зарубежных стран (например, в Германии, Австрии, Франции и др.) [9, с. 139–143]. Полагаем, что в рассматриваемой сфере достижение необходимой для кодификации степени интегрированности нормативного материала весьма затруднено в силу его обширности и крайней разнородности. Применительно к российской правовой системе целесообразнее использовать оправдавшую себя модель «головного» закона, в котором, как отмечалось, необходимо заложить прежде всего принципы построения законодательства о здравоохранении. Это позволит создать систему законов по различным видам и направлениям медицинской деятельности, согласованных с «головным» законом и являющихся, в свою очередь, центрами относительно автономных нормативных образований. Касательно же персонализированной медицины необходимо иметь в виду, что данный метод «присутствует» во всех видах медицинской деятельности и требует определения его особенностей как на уровне общих (в Законе об охране здоровья), так и специальных норм (в законах и

иных нормативных правовых актах по видам и направлениям медицинской деятельности).

Важную роль в построении законодательной системы играет и взаимодействие законодательства об охране здоровья с положениями иных отраслей, например, гражданского (в части договорного регулирования в медицинской сфере, прав пациентов как потребителей и пр.), информационного (относительно правил применения информационных технологий, защиты персональных данных и др.) и других отраслей законодательства. Только межотраслевой подход обеспечит целостность и эффективность правового регулирования в рассматриваемой области.

Законодательство о персональных данных также строится по модели «головного» закона. Во главе этого массива, состоящего из большого числа законов, стоит ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [10] (далее – Закон о персональных данных). В то же время к этому законодательству «примыкает» и так называемое «иное» законодательство, которое «использует» персональные данные в конкретной области. К последнему относится, в том числе, и медицинское законодательство. Отметим, что законодательство о персональных данных, в свою очередь, является институтом комплексной отрасли законодательства – информационного законодательства, центральным звеном которого выступает Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11].

Законодательство о персональных данных построено по принципу сочетания общего и специальных правовых режимов: включает как общие положения о режиме персональных данных, так специальные правила об отдельных их видах. В качестве последних, в частности, выступают режимы сведений о состоянии здоровья, являющихся разновидностью специальной категории персональных данных, и генетической информации, относящейся одновременно и к специальной категории, и к биометрическим персональным данным.

Поскольку развитие персонализированной медицины связано с изучением индивидуальных данных человека, и в первую очередь его генетических данных, то особое значение приобретает гармонизация правовых положений о медицинской деятельности и генетической информации как разновидности персональных данных. Отметим, что для обозначения генетической информации в законодательстве [12] и доктрине применяются различные термины («генетическая» и «геномная»), используемые в основном как равнозначные [13].

Однако следует иметь в виду, что режим генетической информации выходит далеко за пределы режима персональных данных, что необходимо учитывать при построении систем медицинского законодательства и законодательства о персональных данных. Такая ситуация обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, здесь самым

тесным образом переплетены два явления: сам геном и информация о нем. Во-вторых, этот режим представляет собой совокупность правил, относящихся не только собственно к информации, но и к осуществлению научных исследований в сфере генома человека, и к применению генетических технологий.

При этом необходимо различать два разных (хотя и тесно взаимосвязанных) объекта правовой охраны: носителя генетической информации – геном и полученную в результате его изучения (исследования) генетическую информацию. В связи с этим предлагаем рассматривать охрану генома в двух основных аспектах, условно именуемых как «естественный» (собственно охрана генома человека) и «информационный» (охрана генетической информации) [14, с. 9]. Подчеркнем, что неразрывная связь этих аспектов особенно ярко проявляется в медицине. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997 г. (далее – Всеобщая декларация) [15] отдает безусловный приоритет первому аспекту, объявив геном человека достоянием человечества.

Таким образом, правовая охрана предоставлена как геному, так и полученной генетической информации. Сегодня чрезвычайно важно понимать, что эксперименты с «редактированием» генома, неправомерные применение генетических технологий с целью «улучшения природы» человека и использование генетических сведений негативно влияют не только на живущих людей, но и на будущие поколения. Как известно, защита генома связана не только с жизнью и здоровьем конкретного ныне живущего человека, но также направлена и на сохранение генома его потомков [16, с. 101]. По мнению представителей медицинских и биологических наук, именно расшифровка генома человека стала «решающим шагом в создании отрасли персонализированной медицины», поскольку это открыло возможность «получать научную информацию об индивидуальных особенностях конкретного пациента» [3, с. 5].

Считаем, что при формировании систем медицинского законодательства и законодательства, связанного с геномом и генетической информацией, главным объединяющим началом должны стать нормы о правах человека. Конституцией Российской Федерации право на охрану здоровья и медицинскую помощь отнесено к числу прав человека и гражданина (ст. 41). В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 [17] право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья провозглашено в качестве базового в ряду прав человека (ст. 12). Во Всеобщей декларации и в Международной декларации о генетических данных человека, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 октября 2003 г. [18], соблюдение принципа приоритета прав и основных свобод человека рассматривается в качестве безусловного требования не только при осуществлении научных исследований, но и

в иных случаях использования генетических сведений.

Предлагаем в Законе о персональных данных сведения о геноме выделить в качестве самостоятельного вида персональных данных, поскольку рамки режимов специальной категории персональных данных и биометрических персональных данных препятствуют формированию целостного режима этой информации.

В доктрине верно отмечается, что законодательство о персональных данных (в том числе и законодательство о генетической информации) должно сочетаться с режимом тайн, в частности, тайны частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ) [19, с. 664] и врачебной тайны [20, с. 18, 21, 22]. Например, по одному из дел Конституционный Суд Российской Федерации указал, что Закон о персональных данных позволяет хранить информацию о состоянии здоровья граждан исключительно в целях реализации их права на охрану здоровья и медицинскую помощь, при этом конфиденциальность персональных данных обеспечивается врачебной тайной. В связи с этим пациенту должно быть отказано в удалении данных о состоянии его здоровья или об обращениях в учреждение здравоохранения (в данном случае в государственное бюджетное учреждение здравоохранения Самарской области «Самарский психоневрологический диспансер») [21].

Выявление специфики правового режима сведений о состоянии здоровья гражданина приобретает особое значение, поскольку именно они являются основой для внедрения персонализированной медицины. Указанные сведения (в зависимости от их содержания) одновременно могут относиться и к генетической информации, выступающей «в качестве базы для развития геномной и постгеномной медицины» [1, с. 107]. Соотношение сведений о состоянии здоровья и генетических сведений не является линейным, поскольку, с одной стороны, не все генетические данные непосредственно связаны со здоровьем человека, а с другой – не все сведения о состоянии здоровья человека относятся к числу генетических. В качестве последних выступают только «данные о наследуемых характеристиках отдельных лиц, полученные путем анализа нуклеиновых кислот или путем иного научного анализа» (ст. 2 Декларации о генетических данных).

По российскому законодательству указанные виды сведений являются персональными данными и имеют автономные правовые режимы. Так, сведения о состоянии здоровья относятся к специальной категории персональных данных, особенно правового режима которых является запрет на их обработку (за установленными исключениями). Такая обработка, в частности, допускается в медико-профилактических и иных медицинских целях лицом, профессионально занимающимся медицинской деятельностью и в силу закона обязанным сохранять врачебную тайну (ст. 10 Закона о персональных данных).

В отношении генетической информации, не касающейся здоровья граждан, применяется режим биометрических персональных данных, целью обработки которых является установление личности субъекта (ст. 11 Закона о персональных данных) [22]. В связи с этим нельзя согласиться с имеющимся в литературе утверждением о причислении генетической информации исключительно к биометрическим персональным данным [13, с. 56–57]. Несмотря на то что генетические данные являются видом медицинских данных, они могут использоваться и не в медицинских целях, о чем специально упоминается в международных правовых актах. Это важное обстоятельство должно учитываться при выстраивании взаимодействия рассматриваемых нормативных блоков.

Как видим, по российскому законодательству правовые режимы данных о состоянии здоровья и генетических данных, несмотря на их автономность, пересекаются. Из этого следует, что использование в индивидуализированной медицине сведений о состоянии здоровья должно осуществляться с учетом возможной принадлежности последних к генетической информации [1, с. 109]. Отметим, что в международных документах генетические и биометрические данные, а также данные, касающиеся здоровья, квалифицируются как самостоятельные виды информации, причисляемые к особым категориям персональных данных. Для каждого из них рекомендуется специальный правовой режим, состоящий в запрете на их обработку (за установленными исключениями) (ст. 9 Общего регламента по защите данных (Регламент ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г. или GDPR – General Data Protection Regulation) [23]. С нашей точки зрения, такой подход вполне оправдан, поскольку позволяет разграничить различные, хотя и пересекающиеся, правовые категории и сделать режим каждой из них более определенным.

В качестве концептуальной основы формирования целостных правовых режимов сведений о состоянии здоровья и генетических данных считаем необходимым осуществить согласование правового регулирования в части использования генетической информации в медицинских целях. Это именно та точка соприкосновения (пересечения), которая должна подлежать системному легальному опосредованию.

При построении системы законодательства в рассматриваемой сфере считаем важным учесть то, что с одной стороны, сведения о состоянии здоровья и генетические сведения подпадают под режим персональных данных, а с другой – по своему содержанию их правовые режимы выходят далеко за рамки собственно режима персональных данных, являясь одновременно частью иных режимов (в том числе режима осуществления медицинской деятельности и режима генома и генетической информации).

Применительно к персонализированной медицине в «головном» законе следует закрепить общие положения, касающиеся применения индивидуализированного метода, а в специальных законах выделить группы норм, устанавливающие особенности использования этого метода при осуществлении конкретного вида (направления) медицинской деятельности.

В качестве итогового вывода предлагаем гармонизировать законодательство об охране здоровья и законодательство о генетической информации как вида персональных данных прежде всего применительно к режиму сведений о состоянии здоровья, являющихся генетическими, а также к особенностям их использования в персонализированной медицине. Построение такой системы возможно путем отсылочного правового регулирования, что позволит устранить «параллельность» существования названных нормативных образований.

Библиографический список

1. Рузанова В. Д., Поваров Ю. С., Беляков В. И. Вопросы использования генетических данных человека в персонализированной медицине // Генетические технологии и медицина: доктрина, законодательство, практика: монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. Москва: Проспект, 2021. С. 100–110. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49380774>. EDN: <https://elibrary.ru/axhmwb>.
2. Сучков С. В., Абэ Х., Антонова Е. Н. и др. Персонализированная медицина как обновляемая модель национальной системы здравоохранения. Часть 2. На пути к государственному и частному партнерству // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2017. № 62 (4). С. 12–18. DOI: <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2017-62-4-12-18>. EDN: <https://elibrary.ru/zfczbb>.
3. Дедов И. И., Тюльпаков А. Н., Чехонин В. П., Баклаушев В. П., Арчаков А. И., Мошковский С. А. Персонализированная медицина: современное состояние и перспективы // Вестник Российской академии медицинских наук. 2012. Т. 67, № 12. С. 4–12. DOI: <http://dx.doi.org/10.15690/vramn.v67i12.474>.
4. Кеваль К. Д. Персонализированная медицина // Terra medica nova. 2009. № 1 (56). С. 4–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16370989>. EDN: <https://elibrary.ru/nugkkf>.
5. Петров В. И., Шишиморов И. Н., Магницкая О. В., Толкачев Б. Е. Персонализированная медицина: эволюция методологии и проблемы практического внедрения // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2016. № 1 (57). С. 3–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25726897>. EDN: <https://elibrary.ru/vqzknkj>.
6. Рузанова В. Д., Беляков В. И. Особенности формирования и реализации программ профессионального отбора с использованием генетических технологий анализа адаптационного потенциала человека // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2 (60). С. 99–111. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.2.9>.

7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259&ysclid=lor3o53ntl934723335>.
8. Мохов А. А. Медицинское право (правовое регулирование медицинской деятельности). Курс лекций: учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 186 с. URL: https://www.medbooks.org/index.files/book/OZZ/014235/Medicinskoe_pravo.Kurs_lekcij,_Mohov_A.A.pdf.
9. Скребнева Н. А. Международно-правовое регулирование медицинских отношений // Медицинское право: теория и практика. 2015. Т. 1, № 1 (I). С. 139–143. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29441574>. EDN: <https://elibrary.ru/yuhagh>.
10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108261&ysclid=los8rpsx60832238627>.
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264&ysclid=los95odhsq994695268>.
12. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Российская газета. 09.12.2008. № 251. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28469>.
13. Малеина М. Н. Понятие и классификация геномной (генетической) информации // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 7. С. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058>.
14. Рузанова В. Д., Инюшкин А. Н., Инюшкин А. А. и др. Использование информации о циркадианных генах: проблемы охраны прав и интересов граждан: монография. Самара: Издательство «Инсома-пресс», 2022. 121 с.
15. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (принята 11 ноября 1997 г. на 29 сессии Генеральной конференции ООН по образованию, науке и культуре – ЮНЕСКО) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml.
16. Рассолов И. М., Чубукова С. Г. Проблемы правового регулирования генетического тестирования // Генетические технологии и медицина: доктрина, законодательство, практика: монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. Москва: Проспект, 2021. С. 89–100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49380773>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ixwzfw>.
17. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.
18. Международная декларация о генетических данных человека, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 октября 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 10.08.2023).
19. Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Направления правового воздействия в сфере геномных исследований: российский и международный опыт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 50. С. 638–649. DOI: <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-638-649>.
20. Малеина М. Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. 2010. № 11 (167). С. 18–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16230057>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nrefpp>.
21. Определение КС РФ от 16.07.2013 № 1176-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Круглова Александра Геннадиевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части 2 статьи 10 Федерального закона “О персональных данных”». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». Москва: Статут, 2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
23. Общий регламент по защите данных (Регламент ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г.) или GDPR – General Data Protection Regulation. URL: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679?ysclid=loshzi311x948002461> (дата обращения: 10.08.2023).

References

1. Ruzanova V. D., Povarov Yu. S., Belyakov V. I. *Voprosy ispol'zovaniya geneticheskikh dannykh cheloveka v personalizirovannoi meditsine* [The problems of human genetic data using in personalized medicine]. In: *Geneticheskie tekhnologii i meditsina: doktrina, zakonodatel'stvo, praktika: monografiya. Otv. red. A. A. Mokhov, O. V. Sushkova* [Mokhov A. A., Sushkova O. V. (Eds.) Genetic technologies and medicine: doctrine, legislation, practice: monograph]. Moscow: Prospekt, 2021, pp. 100–110. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49380774>. EDN: <https://elibrary.ru/axhmbw> [in Russian].
2. Suchkov S. V., Abe H., Antonova E. N. et al. *Personalizirovannaya meditsina kak obnovlyаемaya model' natsional'noi sistemy zdravookhraneniya. Chast' 2. Na puti k gosudarstvennomu i chastnomu partnerstvu* [Personalized medicine as an updated model of national health-care system. Part 2. Towards public and private partnerships]. *Rossiyskiy Vestnik*

- Perinatologii i Pediatrii* = Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics, 2017, no. 62 (4), pp. 12–18. DOI: <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2017-62-4-12-18>. EDN: <https://elibrary.ru/zfczbb> [in Russian].
3. Dedov I. I., Tyul'pakov A. N., Chekhonin V. P., Baklaushev V. P., Archakov A. I., Moshkovskii S. A. *Personalizirovannaya meditsina: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Personalized medicine: state-of-the-art and prospects]. *Vestnik Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk* [Annals of the Russian academy of medical sciences], 2012, vol. 67, no. 12, pp. 4–10. DOI: <http://dx.doi.org/10.15690/vramn.v67i12.474> [in Russian].
4. Keval K. D. *Personalizirovannaya medicina* [Personalized medicine]. *Terra medica nova*, 2009, no. 1, pp. 4–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16370989>. EDN: <https://elibrary.ru/nugkkf> [in Russian].
5. Petrov V. I., Shishimorov I. N., Magnitskaya O. V., Tolkachev B. E. *Personalizirovannaya meditsina: evolyutsiya metodologii i problemy prakticheskogo vnedreniya* [Personalized medicine: evolution of methodology and the problems of practical implementation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* [Journal of Volgograd State Medical University], 2016, no. 1 (57), pp. 3–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25726897>. EDN: <https://elibrary.ru/vqznkj> [in Russian].
6. Ruzanova V. D., Belyakov V. I. *Osobennosti formirovaniya i realizatsii programm professional'nogo otbora s ispol'zovaniem geneticheskikh tekhnologii analiza adaptatsionnogo potentsiala cheloveka* [Features of forming and implementing professional selection programs with the use of genetic technologies for analyzing human adaptation potential]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The rule-of-law state: theory and practice], 2020, no. 2 (60), pp. 99–111. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.2.9> [in Russian].
7. *Federal'nyi zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 28.12.2022) «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of November 21, 2011 № 323-FZ (as amended on December 28, 2022) «On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2011, no. 48. Article 6724. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259&ysclid=lor3o53ntl934723335> [in Russian].
8. Mohov A. A. *Meditsinskoe pravo (pravovoe regulirovanie meditsinskoi deyatel'nosti). Kurs lektsii: uchebnoe posobie* [Medical law (legal regulation of medical activities). Course of lectures: textbook]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2003. 186 s. Available at: https://www.medbooks.org/index.files/book/OZZ/014235/Medicskoe_pravo.Kurs_lekcij,_Mohov_A.A.pdf.
9. Skrebneva N. A. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie meditsinskikh otnoshenii* [International legal regulation of medical relations]. *Meditsinskoe pravo: teoriya i praktika* [Medical law: theory and practice], 2015, vol. 1, no. 1 (1), pp. 139–143. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29441574>. EDN: <https://elibrary.ru/yuhagh> [in Russian].
10. *Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nykh dannykh»* [Federal Law as of July 27, 2006 № 152-FZ «Concerning Personal Data»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 31 (1 part), Article 3451. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261&ysclid=los8rpsx60832238627> [in Russian].
11. *Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii»* [Federal Law as of July 27, 2006 № 149-FZ «Concerning Information, Information Technologies and Information Protection»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 31 (1 part), Article 3448. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264&ysclid=los95odhsq994695268> [in Russian].
12. *Federal'nyi zakon ot 03.12.2008 N 242-FZ «O gosudarstvennoi genomnoi registratsii v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of December 3, 2008 № 242-FZ «On State Genomic Registration in the Russian Federation»]. *Rossiiskaya gazeta*, 09.12.2008, no. 251. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28469>.
13. Maleina M. N. *Ponyatie i klassifikatsiya genomnoi (geneticheskoi) informatsii* [The Concept and Classification of Genomic (Genetic) Information]. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 7, pp. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058> [in Russian].
14. Ruzanova V. D., Inyushkin A. N., Inyushkin A. A. et al. *Ispol'zovanie informatsii o tsirkadiannykh genakh: problemy okhrany prav i interesov grazhdan: monografiya* [Using information about circadian genes: problems of protecting the rights and interests of citizens: monograph]. Samara: Izdatel'stvo «Insoma-press», 2022, 121 p. [in Russian].
15. *Vseobshchaya deklaratsiya o genome cheloveka i pravakh cheloveka (prinyata 11 noyabrya 1997 g. na 29 sessii General'noi konferentsii OON po obrazovaniyu, nauke i kul'ture – YuNESKO)* [Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights (adopted on November 11, 1997 at the 29th session of the United Nations General Conference on Education, Science and Culture – UNESCO)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml [in Russian].
16. Rassolov I. M., Chubukova S. G. *Problemy pravovogo regulirovaniya geneticheskogo testirovaniya* [Problems of legal regulation of genetic testing]. In: *Geneticheskie tekhnologii i meditsina: doktrina, zakonodatel'stvo, praktika: monografiya. Otv. red. A. A. Mokhov, O. V. Sushkova* [Mokhov A. A., Sushkova O. V. (Eds.) Genetic technologies and medicine: doctrine, legislation, practice: monograph]. Moscow: Prospekt, 2021, pp. 89–100. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49380773>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iwxzfw> [in Russian].

17. *Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh (prinyat 16.12.1966 Rezolyutsiei 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noi Assamblei OON)* [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly)]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, 1976, no. 17, Article 291. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml [in Russian].

18. *Mezhdunarodnaya deklaratsiya o geneticheskikh dannykh cheloveka, prinyataya General'noi konferentsiei YuNESKO 16 oktyabrya 2003 g.* [International Declaration on Human Genetic Data, adopted by the General Conference of UNESCO on October 16, 2003]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (accessed 10.08.2023) [in Russian].

19. Berg L. N., Golubtsov V. G. *Napravleniya pravovogo vozdeystviya v sfere genomnykh issledovaniy: rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt* [Areas of Legal Impact in the Field of Genomic Research: Russian and International Experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2020, issue 50, pp. 638–649. DOI: <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-638-649> [in Russian].

20. Maleina M. N. *Pravo na tainu i neprikosновенность personal'nykh dannykh* [A right to secrecy and inviolability of personal data]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2010, no. 11 (167), pp. 18–28. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16230057>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nrefpp> [in Russian].

21. *Opredelenie KS RF ot 16.07.2013 № 1176-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kruglova Aleksandra Gennadievicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 4 chasti 2 stat'i 10 Federal'nogo zakona «O personal'nykh dannykh»»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2013 № 1176-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexander Gennadievich Kruglov about the violation of his constitutional rights by clause 4 of part 2 of Article 10 of the Federal Law “Concerning Personal Data”»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

22. Saveliev A. I. *Nauchno-prakticheskii postateinyi kommentarii k Federal'nomu zakonu «O personal'nykh dannykh»* [Scientific and practical article-by-article commentary on the Federal Law «On Personal Data»]. Moscow: Statut, 2017. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

23. *Obshchii reglament po zashchite dannykh (Reglament ES 2016/679 ot 27 aprelya 2016 g. ili GDPR – General Data Protection Regulation)* [General Data Protection Regulation (EU Regulation 2016/679 as of April 27, 2016 or GDPR – General Data Protection Regulation)]. Available at: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679?ysclid=loshzi311x948002461> (accessed 10.08.2023) [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-46-52



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.94

Дата поступления: 06.08.2023
рецензирования: 09.09.2023
принятия: 15.11.2023

**Сроки в гражданском судопроизводстве как гарантия защиты прав
и интересов в исковом производстве**

Н. Н. Ткачева

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: nntkachewa@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению сроков гражданского судопроизводства как гарантии защиты прав и интересов заинтересованных субъектов в исковом производстве. Анализируются различные позиции ученых относительно понятия и значения срока гражданского судопроизводства. Определяется, что срок судебного разбирательства будучи периодом времени для совершения определенного процессуального действия, установленным законом или судом, в первую очередь должен обеспечивать заинтересованным субъектам получение своевременной судебной защиты. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления сроков проведения отдельных стадий гражданского судопроизводства для того, чтобы сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел выступали действительной гарантией защиты прав и интересов заинтересованных субъектов.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; своевременность; процессуальный срок; гарантия защиты; исковое производство; разумный срок.

Цитирование. Ткачева Н. Н. Сроки в гражданском судопроизводстве как гарантия защиты прав и интересов в исковом производстве // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 46–52. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-46-52>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ткачева Н. Н., 2023

Наталья Николаевна Ткачева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса, докторант ФГБОУ ВО «Саратовская государственная академия права» (СГЮА), 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.08.2023
Revised: 09.09.2023
Accepted: 15.11.2023

**Terms in civil proceedings as a guarantee of protection of rights and interests
in the claim proceedings**

N. N. Tkacheva

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
E-mail: nntkachewa@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the consideration of the term of civil proceedings as a guarantee of the protection of the rights and interests of interested subjects in the claim proceedings. Various positions of scientists regarding the concept and meaning of the term of civil proceedings are analyzed. It is determined that the duration of the trial, being a period of time for the commission of a certain procedural action established by law or by a court, should primarily act as a guarantee of timely judicial protection by interested entities. It is concluded that it is necessary to legislate the timing of certain stages of civil proceedings in order for the timing of consideration and resolution of civil cases to act as a valid guarantee of the protection of the rights and interests of stakeholders.

Key words: civil proceedings; timeliness; procedural term; guarantee of protection; claim proceedings; reasonable time.

Citation. Tkacheva N. N. *Sroki v grazhdanskom sudoproizvodstve kak garantiya zashchity prav i interesov v iskovom proizvodstve* [Terms in civil proceedings as a guarantee of protection of rights and interests in the claim proceedings]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 46–52. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-46-52> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Tkacheva N. N., 2023

Natalya Nikolaevna Tkacheva – Candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the department of civil procedure, doctoral student of the Saratov State Academy of Law (SSLA), 410056, Russian Federation, Saratov, Volskaya Street, 1.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) определяет в качестве одной из задач гражданского судопроизводства своевременное рассмотрение и разрешение дела (ст. 2 ГПК РФ). Законодательного определения термина «своевременное рассмотрение и разрешение дела» ГПК РФ не содержит, но анализ отдельных статей (ст. ст. 6.1, 107, 154 ГПК РФ) позволяет прийти к выводу, что своевременным рассмотрением является судопроизводство, осуществленное в срок, установленный законом.

Анализ отчета работы судов общей юрисдикции свидетельствует о том, что большая часть гражданских дел – 20 897 771 – рассмотрена в срок до полутора месяца, что составляет 90,1 % от общего количества дел искового производства (23 184 615), разрешенных судами общей юрисдикции в 2021 году. При этом всего было подано 4977 заявлений об ускорении рассмотрения дела в связи с нарушением права на рассмотрение гражданского дела в разумные сроки. Количество поданных в 2021 году заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на рассмотрение гражданского дела в разумные сроки составило 414 [1]. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что большая часть гражданских дел рассматривается в срок и процессуальные сроки соблюдаются судами общей юрисдикции.

В. Ф. Яковлев, выделяя признаки эффективного правосудия, к которым в том числе относятся качество судебных постановлений и их исполнимость, в первую очередь называл оперативность [2, с. 347]. Отчасти согласимся с приведенной позицией, но укажем, что оперативное разбирательство не в каждом случае может свидетельствовать об эффективной защите.

В теории гражданского процессуального права всегда подчеркивается важное значение сроков для обеспечения полноценной и эффективной судебной защиты. Так, О. Ю. Сальникова указывает, что судебная система выступает инструментом для обеспечения защиты прав и свобод граждан и повысить к ней доверие граждан возможно путем рассмотрения гражданских дел своевременно [3, с. 105–106]. В свою очередь, С. А. Курочкин отмечает, что при оценке эффективности гражданского судопроизводства важным критерием выступают сроки судебного разбирательства, поскольку «представление судебной защиты несвоевременно свидетельствует о несправедливости и неэффективности гражданского судопроизводства» [4, с. 8].

На строгую необходимость соблюдения сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции указывают и высшие судебные органы РФ. Так, в 2007 году Пленум Верховного Суда РФ определил, что предусмотренное ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту существенно нарушается ввиду несоблюдения сроков рассмотрения и разрешения дел (гражданских, уголовных, об административных

правонарушениях) [5]. И далее Верховный Суд РФ указал на возможность привлечения судей к дисциплинарной ответственности (в том числе прекращение полномочий судьи) за волокиту, грубое или систематическое нарушение процессуальных сроков. Позднее, в 2013 году, Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ определил, что соблюдение процессуальных сроков имеет важное значение для обеспечения определенности и стабильности не только материальных отношений, но также и процессуальных отношений, которые возникли в связи со спором [6].

В науке гражданского процессуального права существуют различные подходы ученых к определению процессуального срока. Так, Г. Л. Осокина указывает, что «процессуальный срок представляет собой период времени, установленный законом или судом для совершения определенных процессуальных действий» [7, с. 123]. В. В. Ярков отмечает, что процессуальные сроки определяют доступ к правосудию, его эффективность, а также степень заинтересованности в совершении тех или иных процессуальных действий [8, с. 58]. И далее ученый указывает, что стимулы и ограничения в процессе реализации процессуальных прав могут устанавливаться посредством процессуальных сроков, которые во многом определяют возможности и границы реализации конституционного права на судебную защиту. Б. С. Райкес определяет соблюдение процессуальных сроков как основополагающую гарантию права на справедливое судебное разбирательство, указывая, что эффективность судебной защиты связана с оперативностью и разумностью отправления правосудия [9, с. 20–23]. Д. А. Федяев указывает, что сроки структурируют деятельность субъектов процессуальных правоотношений во времени и обеспечивают своевременную реализацию ими предоставленных прав и исполнение обязанностей [10, с. 505–520].

Наиболее полную характеристику процессуальным срокам дала Е. В. Исаева, проанализировав мнения ученых и выделив различные определения сроков, в частности, как процессуальной гарантии для выполнения задачи своевременного разбирательства; средства ускорения судопроизводства; условия и предпосылки эффективного судопроизводства; средства обеспечения своевременной защиты прав; средства достижения процессуальной экономии; средства обеспечения оперативного осуществления процессуальных действий и пр. [11, с. 17–18].

Соглашаясь с указанным многоаспектным комплексным высказыванием относительно понятия и значения сроков, определим, что срок в гражданском судопроизводстве, будучи периодом времени для совершения определенного процессуального действия, установленным законом или судом, в первую очередь должен выступать гарантией получения своевременной судебной защиты заинтересованными субъектами. Справедливо мнение В. З. Гущина относительно того, что «для лиц, участвующих в деле, важен не только факт защи-

ты их охраняемых прав и законных интересов, но и своевременность такой защиты» [12, с. 52–54], а «нарушение нормативных сроков может привести к утрате интереса в получении судебной защиты ввиду невозможности исполнения судебного решения, принятого в пользу истца, или по иным причинам» [13, с. 6–8].

В науке гражданского процессуального права существуют различные классификации гражданских процессуальных сроков, например, в зависимости от способа закрепления, адресата, порядка исчисления и пр. [14, с. 128]. Не вдаваясь в детальный анализ имеющихся классификаций, укажем, что для данного исследования практическое значение имеет классификация сроков по источнику установления. В рамках данной классификации сроков необходимо выделять сроки, установленные законом, и сроки, установленные судом.

В ГПК РФ имеются различные сроки, закрепленные законодателем. Условно их можно разделить в зависимости от стадий гражданского судопроизводства в рамках первой инстанции, в частности, сроки, установленные для стадий возбуждения гражданского судопроизводства, подготовки дела к судебному разбирательству и судебного разбирательства.

Для возбуждения гражданского судопроизводства установлен пятидневный срок, в течение которого судья должен принять заявление и возбудить производство по делу. Кроме того, в течение пяти дней судья при отсутствии предпосылок права на предъявление иска может отказать в принятии заявления (ст. 134 ГПК РФ), а при несоблюдении условий обращения в суд – возратить (ст. 135 ГПК РФ) или оставить исковое заявление без движения (ст. 136 ГПК РФ).

Относительно подготовки дела к судебному разбирательству в ГПК РФ не содержится указания на срок его проведения, т. е. в рамках данной стадии суд имеет неограниченную временную свободу для реализации отдельных процессуальных действий. В ст. 147 ГПК РФ лишь указано, что судья самостоятельно определяет сроки совершения процессуальных действий в рамках подготовки дела к судебному разбирательству.

Судебное разбирательство по общему правилу должно осуществляться в срок, составляющий два месяца для районных судов и один месяц для мировых судей. При этом необходимо отметить, что указанные сроки (2 и 1 месяц) установлены для судебного разбирательства в целом, т. е. и для подготовки дела к разбирательству, и для проведения судебного заседания. Срок судебного заседания в гражданском процессуальном законодательстве не закреплен, что также предоставляет судьям определенную свободу для установления его продолжительности. Отметим, что применительно к судебному заседанию законодатель указал, что судебное решение принимается немедленно после разбирательства дела и объявляется в том же судебном заседании (ч. 1 ст. 199 ГПК РФ).

В теории гражданского процессуального права мнения ученых о том, поведение каких субъектов гражданского судопроизводства оказывает непосредственное влияние на соблюдение сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел, дифференцированы. Так, А. В. Юдин отмечает, что на эффективность гражданского судопроизводства влияние оказывает совокупность действий как суда, так и иных субъектов [15, с. 12–14]. М. С. Валентик, П. В. Шумов связывают разумность сроков судопроизводства именно с добросовестным выполнением участниками судопроизводства своих процессуальных обязанностей и исключением злоупотреблений в ходе реализации процессуальных прав [16, с. 19–24]. Л. Ф. Лесницкая преимущественное значение в соблюдении сроков отдает активной разумной роли суда, определяя ее как основополагающее начало гражданского судопроизводства [17, с. 611–627]. Приведенные позиции ученых не позволяют сформулировать единый подход к определению того, поведение каких субъектов гражданского судопроизводства (суда, лиц, участвующих в деле, лиц, содействующих осуществлению правосудия) действительно способствует соблюдению или нарушению срока судопроизводства.

Для определения того, поведение каких субъектов гражданского судопроизводства имеет первоочередное влияние на соблюдение сроков судопроизводства, обратимся к содержанию ст. 6.1 ГПК РФ. В данной норме четко установлено, что при определении того, является ли срок разумным, необходимо в том числе учитывать поведение участников процесса, а также достаточность и эффективность действий суда. При этом законодатель делает акцент на том, что именно действия суда должны быть нацелены на своевременное рассмотрение дела. С учетом изложенного интересной представляется позиция М. А. Филатовой, которая связывает оптимальный срок судопроизводства с активной ролью суда, а также соотношением его полномочий с активными действиями сторон и далее указывает, что ответственность за исход судебного разбирательства должна быть распределена между судом и сторонами [18, с. 42–60].

Ученые предлагают различные способы и средства, направленные на обеспечение соблюдения сроков гражданского судопроизводства. Рассмотрим отдельные из них.

С. А. Курочкин указывает, что необходимо использовать конструкцию «эффективный процессуальный срок», с помощью которой можно обеспечить эффективность судебного разбирательства. «Эффективный процессуальный срок – это временной интервал, минимально необходимый для совершения процессуального действия» [19, с. 8–12]. Позволим себе не согласиться с данной позицией, т. к. срок сам по себе не может быть эффективным. Эффективность предполагает получение максимального результата при минимальных затратах, т. е. применительно к гражданскому судопроизводству можно говорить об эффектив-

ности именно судопроизводства, т. е. совокупности деятельности суда и иных участников процесса. И следовательно, срок лишь определяет период времени, по истечении которого принимается итоговое судебное постановление, достигается цель гражданского судопроизводства, что свидетельствует об эффективности гражданского судопроизводства.

Т. В. Соловьева указывает, что исключить злоупотребление процессуальными правами, направленное на затягивание сроков гражданского судопроизводства, возможно путем определения судом в рамках общего установленного законом срока продолжительности каждой стадии с учетом мнения участников гражданского судопроизводства при рассмотрении и разрешении конкретного гражданского дела [20, с. 5–8]. Приведенное предложение Т. В. Соловьевой оцениваем как положительное, поскольку только четкое определение срока каждой стадии позволит гарантировать получение судебной защиты своевременно. Однако, по нашему мнению, сроки проведения каждой стадии гражданского судопроизводства должны быть установлены в ГПК РФ, т. к. только в таком случае возможно будет привлечь участников судопроизводства к ответственности за нарушение сроков.

Л. А. Красикова связывает возможность исключения нарушения процессуальных сроков с доказательственной деятельностью судьи, которая должна быть направлена на принятие мер по уточнению обстоятельств, которые имеют значение для дела, а также по определению юридических фактов, которые положены в основу заявленных требований истца и возражений ответчика [21, с. 325–330].

А. Д. Золотухин внес революционную идею, согласно которой судьи должны самостоятельно определять срок рассмотрения и разрешения гражданского дела с учетом его конкретных обстоятельств, а также правоприменительной практики [22, с. 89–98]. Данная позиция представляется интересной, но практически не осуществимой ввиду необходимости существования контроля за деятельностью судей, который, в том числе, должен осуществляться и за соблюдением сроков судопроизводства. В противном случае возможно допустить появление чрезмерного судебного усмотрения, что негативно скажется на эффективности гражданского судопроизводства в целом.

В настоящее время можно говорить о нормативном закреплении только срока возбуждения гражданского судопроизводства, который составляет пять дней. Необходимо отметить, что срок оставления заявления без движения определяется судьей самостоятельно, что представляется целесообразным. Учитывая, что основания для оставления заявления без движения по своему характеру являются не сложными для устранения, логично в ст. 136 ГПК РФ установить максималь-

ный срок для устранения недостатков заявления, равный пяти дням. Закрепление максимального срока оставления заявления без движения позволит исключить возможность осуществления недобросовестных действий как истцом, так и судом в отдельных случаях.

Далее срок подготовки дела к судебному разбирательству и срок судебного заседания также должны быть нормативно закреплены в ГПК РФ. При обращении к ГПК РСФСР 1964 года необходимо обратить внимание на существовавший семидневный срок для подготовки дела к судебному разбирательству, с возможностью его продления до двадцати дней в исключительных сложных случаях. По мнению И. Н. Брант, «существовавший ранее 7-дневный срок подготовки дела к судебному разбирательству не всегда давал реальную возможность провести надлежащую подготовку по делу» [23, с. 2–5]. Отчасти согласимся с данной позицией, поскольку семь дней, отведенных для подготовки, не являются достаточным периодом. В целом же существовавшее нормативное закрепление срока подготовки в ГПК РСФСР 1964 года необходимо оценивать как положительное.

Подводя итог, отметим, что назрела необходимость законодательного закрепления сроков проведения отдельных стадий гражданского судопроизводства. Полагаем, что для большинства гражданских дел оптимальный срок как стадии подготовки, так и судебного заседания должен быть «плавающим», но при этом должны быть определены его границы, то есть составлять минимум 15 дней и максимум 30 дней. Учитывая, что сроки могут устанавливаться только законом и судом, то именно активные действия суда, связанные с определением продолжительности совершения определенных процессуальных действий в рамках установленных законодателем сроков стадий гражданского судопроизводства, будут выступать гарантией своевременной защиты прав и интересов сторон. И для того, чтобы сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел выступали действительной гарантией защиты прав и интересов заинтересованных субъектов, а также гарантией своевременного судебного разбирательства, необходимо предусмотреть в ГПК РФ обязанность судьи устанавливать график рассмотрения и разрешения каждого конкретного дела с учетом мнения сторон. В самом общем виде в таком графике должны быть выделены две основные стадии гражданского судопроизводства: подготовка дела и судебное разбирательство, а также определен срок и полный перечень процессуальных действий для каждой из обозначенных стадий. Кроме того, судья при определении конкретных сроков совершения отдельных процессуальных действий должен предупреждать стороны о возможности наступления ответственности за их несвоевременное совершение.

Библиографический список

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2021 год. URL: http://cdep.ru/userimages/Sudebnaya_statistika_2022/F3-svod-vse_sudy-2021.xls (дата обращения: 21.01.2023).
2. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. Москва: Статут, 2013. 749 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=235524&ysclid=losjz1tlvj172516431#bib>.
3. Сальникова О. Ю. Арбитражный суд как гарант реализации права субъектов экономической деятельности на судопроизводство в разумный срок // Наука и Мир. 2014. № 9. С. 105–106.
4. Курочкин С. А. Процессуальные сроки как средство обеспечения эффективности гражданского судопроизводства: в поисках оптимального правового воздействия // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 4. С. 45–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-4-45-49>.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52 (ред. от 09.02.2012) «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях». URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8267/?ysclid=lowkg09921227047739>.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99 (ред. от 23.12.2021) «О процессуальных сроках». URL: <https://vsrf.ru/documents/arbitration/17848/?ysclid=lowkn90ukc966669071>.
7. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. Москва: НОРМА, 2008. 365 с.
8. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В. В. Яркова. Москва: Статут, 2021. С. 58 (автор главы Ярков В. В.). URL: <https://kommentarii.org/2022/aktualnye-problemy-grazhdanskogo-administrativnogo-sudoproizvodstva/?ysclid=lowma21zs7351055532>.
9. Райкес Б. С. Взаимосвязь процессуальных сроков и права на справедливое судебное разбирательство // Судья. 2020. № 4. С. 20–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43710857>.
10. Федяев Д. А. Унификация правил исчисления сроков в цивилистическом процессе // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 505–520. URL: <https://predprin.psu.ru/citat/fedyayev/2021-alm.pdf?ysclid=lownr8kslw750112160>.
11. Исаева Е. В. Процессуальные сроки в гражданском и арбитражном процессе. Москва: Волтерс Клувер, 2005. 224 с. URL: https://books.google.ru/books?id=nkdaM_UAadj8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.
12. Гущин В. З. Процессуальные сроки гражданского судопроизводства нуждаются в совершенствовании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 12. С. 52–54. URL: <https://base.garant.ru/5439520/?ysclid=loxhxr8da5638920680>.
13. Плешанов А. Г. Доступность правосудия и оптимизация процесса в контексте процессуальной реформы (на примере норм о сроках рассмотрения дел судами первой инстанции) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 6–8. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-11-6-8>.
14. Гражданский процесс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / под ред. М. Ю. Лебедева. Москва: Юрайт, 2015. 128 с. URL: <https://urait.ru/book/grazhdanskiy-process-384876>.
15. Юдин А. В. Исторические причины неэффективности современного гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 12. С. 12–14. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/21831-istoricheskie-prichiny-neeffectivnosti-sovremenno-go-grazhdanskogo-sudoproizvodstva?ysclid=loxyu8u6s991433644>.
16. Валентик М. С., Шумов П. В. Затягивание гражданского процесса: виды неправомерного процессуального поведения и меры возможного противодействия // Мировой судья. 2020. № 10. С. 19–24. URL: <https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2020/mirovoj-sudja/10/>.
17. Лесницкая Л. Ф. Концепция развития гражданского процессуального законодательства // Концепции развития российского законодательства / под ред. и с предисл. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. Москва: ЭКСМО, 2010. С. 611–627. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/13171-koncepciya-razvitiya-grazhdanskogo-processualnogo-zakonodatelstva?ysclid=loxzfqrmb2843644300>.
18. Филатова М. А. Сроки судебного разбирательства: от императива закона к активному судье? // Вестник гражданского процесса. 2019. Том 9, № 5. С. 42–60. URL: <https://znanium.com/read?id=356501>.
19. Курочкин С. А. Процессуальные сроки как средство обеспечения эффективности гражданского судопроизводства: в поисках оптимального правового воздействия // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 4. С. 45–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-4-45-49>.
20. Соловьева Т. В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформы судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 5–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38204921>.
21. Красикова Л. А. Некоторые проблемы соблюдения процессуальных сроков в гражданском судопроизводстве // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2016 года. Т. 1. Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2017. С. 325–330. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28832314>.

22. Золотухин А. Д., Волчихина Л. А. О судебном усмотрении при определении срока рассмотрения дела судом в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 9. С. 89–98. DOI: <http://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-9-89-98>.

23. Брант И. Н. Развитие законодательства о сроках рассмотрения гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 4. С. 2–5. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/7042-razvitie-zakonodatelstva-srokakh-rassmotreniya-grazhdanskikh?ysclid=loy1kcyd9268754264>.

References

1. *Otchet o rabote sudov obshchei yurisdiktsii o rassmotrenii grazhdanskikh, administrativnykh del po pervoi instantsii za 2021 god* [Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of civil, administrative cases of the first instance for 2021]. Available at: http://cdep.ru/userimages/Sudebnaya_statistika_2022/F3-svod-vse_sudy-2021.xls (accessed: 21.01.2023) [in Russian].

2. Yakovlev V. F. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Statut, 2013. Vol. 3: Arbitration courts: formation and development, 749 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=235524&ysclid=losjz1t1vj172516431#bib> [in Russian].

3. Salnikova O.Y. *Arbitrazhnyi sud kak garant realizatsii prava sub"ektiv ekonomicheskoi deyatelnosti na sudoproizvodstvo v razumnyi srok* [Arbitration court as a guarantor of the realization of the right of economic entities to legal proceedings in a reasonable time]. *Nauka i Mir* [Science and World], 2014, no. 9, pp. 105–106. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21884365> [in Russian].

4. Kurochkin S. A. *Protsessual'nye sroki kak sredstvo obespecheniya effektivnosti grazhdanskogo sudoproizvodstva: v poiskakh optimal'nogo pravovogo vozdeistviya* [Procedural Terms as Means of Ensuring Efficiency of Civil Proceedings: In Search of the Optimal Legal Impact]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure], 2021, no. 4, pp. 45–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-4-45-49>.

5. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.12.2007 № 52 (red. ot 09.02.2012) «O srokakh rassmotreniya sudami Rossiiskoi Federatsii ugovolnykh, grazhdanskikh del i del ob administrativnykh pravonarusheniyyakh»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of 27.12.2007 № 52 (revised 09.02.2012) «Concerning the terms of consideration by the courts of the Russian Federation of criminal, civil cases and cases of administrative offenses»]. Available at: <https://vsrf.ru/documents/own/8267/?ysclid=lowkg09921227047739> [in Russian].

6. *Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 25.12.2013 № 99 (red. ot 23.12.2021) «O protsessual'nykh srokakh»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation as of 25.12.2013 № 99 (revised 23.12.2021) «Concerning Procedural Periods»]. Available at: <https://vsrf.ru/documents/arbitration/17848/?ysclid=lowkn90ukc966669071> [in Russian].

7. Osokina G. L. *Grazhdanskii protsess. Obshchaya chast'. 2-e izd., pererab.* [Civil procedure. General part. 2nd edition, revised]. Moscow: NORMA, 2008, 365 p. [in Russian].

8. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva. Pod red. V. V. Yarkova* [Yarkov V. V. (Ed.) Topical issues of civil and administrative proceedings]. Moscow: Statut, 2021, p. 58 (author of the chapter Yarkov V. V.). Available at: <https://kommentarii.org/2022/aktualnye-problemy-grazhdanskogo-administrativnogo-sudoproizvodstva/?ysclid=lowma21zs7351055532> [in Russian].

9. Raikes B. S. *Vzaimosvyaz' protsessual'nykh srokov i prava na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo* [Relationship of procedural terms and the right to a fair trial]. *Sud'ya* [Judge], 2020, no. 4, pp. 20–23. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43710857> [in Russian].

10. Fedyayev D. A. *Unifikatsiya pravil ischisleniya srokov v tsivilisticheskom protsesse* [Unification of the rules for calculating terms in the civil procedure]. *Permskii yuridicheskii al'manakh* [Perm Legal Almanac], 2021, no. 4, pp. 505–520. Available at: <https://predprin.psu.ru/citat/fedyayev/2021-alm.pdf?ysclid=lownr8kslw750112160> [in Russian].

11. Isaeva E. V. *Protsessual'nye sroki v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Procedural terms in civil and arbitration proceedings]. Moscow: Volters Kluver, 2005, 224 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=nkdaM_UAdj8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false [in Russian].

12. Gushchin V. Z. *Protsessual'nye sroki grazhdanskogo sudoproizvodstva nuzhdayutsya v sovershenstvovanii* [Procedural terms of civil proceedings need improvement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2007, no. 12, pp. 52–54. Available at: <https://base.garant.ru/5439520/?ysclid=loxrr8da5638920680> [in Russian].

13. Pleshonov A. G. *Dostupnost' pravosudiya i optimizatsiya protsessa v kontekste protsessual'noi reformy (na primere norm o srokakh rassmotreniya del sudami pervoi instantsii)* [Availability of Justice and Optimization of Procedure within the Framework of a Procedural Reform (on the Example of Provisions on Terms of Case Review by First Instance Courts)]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure], 2020, no. 11, pp. 6–8. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-11-6-8> [in Russian].

14. *Grazhdanskii protsess: uchebnyy i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata. Pod red. M. Yu. Lebedeva* [Lebedev M. Yu. (Ed.) Civil procedure: textbook and workshop for applied Bachelor's degree]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2015, 128 p. Available at: <https://urait.ru/book/grazhdanskiy-process-384876> [in Russian].

15. Yudin A. V. *Istoricheskie prichiny neeffektivnosti sovremennogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Historical reasons for the inefficiency of modern civil proceedings]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure],

- 2007, no. 12, pp. 12–14. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/21831-istoricheskie-prichiny-neeffectivnosti-sovremennogo-grazhdanskogo-sudoproizvodstva?ysclid=loxyy8u6s991433644> [in Russian].
16. Valentik M. S., Shumov P. V. *Zatyagivanie grazhdanskogo protsesssa: vidy nepravomernogo protsessual'nogo povedeniya i mery vozmozhnogo protivodeistviya* [Delaying a Civil Procedure: Types of Illegal Procedural Behavior and Possible Combating Means]. *Mirovoi sud'ya* [Magistrate judge], 2020, no. 10, pp. 19–24. Available at: <https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2020/mirovoj-sudja/10/> [in Russian].
17. Lesnitskaya L. F. *Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva* [Concept of development of civil procedural legislation]. In: *Kontseptsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva / pod red. i s predisl. T. Ya. Khabrievoi, Yu. A. Tikhomirova* [Khabrieva T. Ya., Tikhomirova Yu.A. (Eds.) Concepts of development of Russian legislation]. Moscow: Eksmo, 2010, pp. 611–627. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/13171-koncepciya-razvitiya-grazhdanskogo-processualnogo-zakonodatelstva?ysclid=loxzfqrm2843644300> [in Russian].
18. Filatova M. A. *Sroki sudebnogo razbiratel'stva: ot imperativa zakona k aktivnomu sud'e?* [Lengths of Proceedings: From Imperative Law to an Active Judge?]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* [Herald of Civil Procedure], 2019, vol. 9, no. 5, pp. 42–60. Available at: <https://znanium.com/read?id=356501> [in Russian].
19. Kurochkin S. A. *Protsessual'nye sroki kak sredstvo obespecheniya effektivnosti grazhdanskogo sudoproizvodstva: v poiskakh optimal'nogo pravovogo vozdeistviya* [Procedural Terms as Means of Ensuring Efficiency of Civil Proceedings: In Search of the Optimal Legal Impact]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure], 2021, no. 4, pp. 45–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-4-45-49> [in Russian].
20. Solovieva T. V. *Modernizatsiya printsipov grazhdanskogo sudoproizvodstva v svete reformy sudebnoi sistemy* [Modernization of the principles of civil proceedings in the light of the reform of the judicial system]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure], 2019, no. 6, pp. 5–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38204921> [in Russian].
21. Krasikova L. A. *Nekotorye problemy soblyudeniya protsessual'nykh srokov v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Some problems of compliance with procedural deadlines in civil proceedings]. In: *Problemy sudoproizvodstva po delam, vznikayushchim iz grazhdanskikh i administrativnykh pravootnoshenii: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 28 oktyabrya 2016 goda. T. 1* [Problems of legal proceedings with regard to cases arising from civil and administrative legal relations: collection of articles on materials of the international research and practical conference, St. Petersburg, October 28, 2016. Volume 1]. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom «Petropolis», 2017, pp. 325–330. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28832314> [in Russian].
22. Zolotukhin A. D., Volchikhina L. A. *O sudebnom usmotrenii pri opredelenii sroka rassmotreniya dela sudom v grazhdanskom sudoproizvodstve* [About judicial discretion at considering period determination of the case by court in civil proceedings]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* [Current Issues of the State and Law], 2019, vol. 3, no. 9, pp. 89–98. DOI: <http://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-9-89-98> [in Russian].
23. Brant I. N. *Razvitie zakonodatel'stva o srokakh rassmotreniya grazhdanskikh del* [Development of legislation on the terms of consideration of civil cases]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure], 2005, no. 4, pp. 2–5. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/7042-razvitie-zakonodatelstva-srokakh-rassmotreniya-grazhdanski-kh?ysclid=loy1kcyd9268754264> [in Russian].

**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 347.61

Дата поступления: 06.09.2023
рецензирования: 08.10.2023
принятия: 15.11.2023**Лишение родительских прав: исковое производство или применение меры семейно-правовой ответственности****Л. В. Туманова**Тверской государственной университет, г. Тверь, Российская Федерация
E-mail: gpipd@tversu.ru

Аннотация: Данная статья посвящена процессуальным особенностям рассмотрения дел о лишении родительских прав на основе материалов судебной практики и теоретических исследований. Обращено внимание на наличие публичного интереса в предмете судебной защиты по делам о лишении родительских прав и необходимость в связи с этим выделения данной категории дел в особый вид гражданского судопроизводства наряду с другими делами, связанными с защитой прав несовершеннолетних. Исследованная судебная практика позволяет сделать вывод о сложностях в решении вопроса о наличии достаточных оснований для лишения родительских прав. Выявлена неэффективность такой меры, как предупреждения при отказе в удовлетворении иска о лишении родительских прав. Обосновано, что, поскольку признано, что лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности, необходимо включать в предмет судебной защиты и вопросы о возмещении ущерба, так как ненадлежащее исполнение родительских обязанностей сопровождается часто тем, что пособия и выплаты на детей ответчик использует не по их целевому назначению. Целесообразно не только ставить вопрос о взыскании этих средств в пользу ребенка, но и непосредственно в судебном решении определять судьбу материнского капитала и также проверять, как были израсходованы эти средства. Выявлена неэффективность такой меры, как предупреждения при отказе в удовлетворении иска о лишении родительских прав. Жестокое обращение с ребенком и злоупотребление родительскими правами, бесспорно, причиняет моральные страдания и сказывается на здоровье ребенка, поэтому нужно решать вопрос и о компенсации морального вреда. Особо выделена проблема процессуального положения самого ребенка и учета его мнения. Обращено внимание на необходимость специального процессуального регулирования ряда вопросов, что в совокупности позволило сделать вывод о том, что дела о лишении родительских прав не соответствуют по своей материально-правовой природе ни исковому, ни особому производству.

Ключевые слова: лишение родительских прав; мера семейно-правовой ответственности; оценочный характер оснований для лишения родительских прав; судебское усмотрение; мотивация судебных решений; участие психолога; процессуальный статус несовершеннолетнего; заключение прокурора и органа опеки и попечительства.

Цитирование. Туманова Л. В. Лишение родительских прав: исковое производство или применение меры семейно-правовой ответственности // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-53-61>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Туманова Л. В., 2023

Лидия Владимировна Туманова – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности, Тверской государственной университет, 170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 06.09.2023
Revised: 08.10.2023
Accepted: 15.11.2023**Termination of parental rights: litigation or application of family legal liability****L. V. Tumanova**Tver State University, Tver, Russian Federation
E-mail: gpipd@tversu.ru

Annotation: This article is devoted to the procedural features of the consideration of cases of deprivation of parental rights based on the materials of judicial practice and theoretical studies. Attention is drawn to the presence of public interest in the subject of judicial protection in cases of deprivation of parental rights and the need, in connection with this, to single out this category of cases as a special type of civil proceedings along with other cases related to the protection of the rights of minors. The studied judicial practice allows us to conclude that it is difficult to resolve the issue of the

existence of sufficient grounds for deprivation of parental rights. The ineffectiveness of such a measure as warnings in case of refusal to satisfy the claim for deprivation of parental rights was revealed. It is substantiated that, since it is recognized that the deprivation of parental rights is a measure of family legal responsibility, it is necessary to include in the subject of judicial protection and questions of compensation for damage, since improper performance of parental duties is often accompanied by the fact that the defendant uses benefits and payments for children not according to their intended purpose. It is advisable not only to raise the issue of collecting these funds in favor of the child, but also to determine the fate of the maternity capital directly in the court decision and also to check how these funds were spent. The ineffectiveness of such a measure as warnings in case of refusal to satisfy the claim for deprivation of parental rights was revealed. It is substantiated that, since it is recognized that the deprivation of parental rights is a measure of family legal responsibility, it is necessary to include in the subject of judicial protection and questions of compensation for damage, since improper performance of parental duties is often accompanied by the fact that the defendant uses benefits and payments for children not according to their intended purpose. It is advisable not only to raise the issue of collecting these funds in favor of the child, but also to determine the fate of the maternity capital directly in the court decision and also to check how these funds were spent. Cruelty to a child and abuse of parental rights, no doubt, causes moral suffering and affects the health of the child, so it is necessary to resolve the issue of compensation for moral harm. The problem of the procedural position of the child himself and taking into account his opinion is highlighted. Attention is drawn to the need for special procedural regulation of a number of issues, which together led to the conclusion that cases of deprivation of parental rights do not correspond in their substantive nature to either action or special proceedings.

Key words: deprivation of parental rights; measure of family legal responsibility; evaluative nature of the grounds for deprivation of parental rights; judicial discretion; motivation of judicial decisions; participation of a psychologist; the procedural status of a minor; conclusion of the prosecutor and the body of guardianship.

Citation. Tumanova L. V. *Lishenie roditel'skikh prav: iskovoe proizvodstvo ili primenenie mery semeino-pravovoi otvetstvennosti* [Termination of parental rights: litigation or application of family legal liability]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-53-61> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Tumanova L. V., 2023

Lidia V. Tumanova – honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Judicial Power and Law Enforcement, Tver State University, 33, Zhelyabova Street, Tver, 170100, Russian Federation.

Актуальность исследования судебного порядка лишения родительских прав обусловлена прежде всего печальной статистикой, свидетельствующей о том, что число таких дел в судах не уменьшается и при этом сохраняется значительный уровень «латентности» нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних родителями и другими членами семьи. Казалось бы, инстинкт продолжения рода, который присущ даже растениям, должен у человека проявляться в заботе о своем потомстве, но у отдельных людей, вероятно, происходит «сбой программы», и они вместо родительской заботы проявляют крайнюю степень жестокости по отношению к своим детям. Причем нередко об этом знают окружающие, но, не понимая глубины и многогранности конституционных прав на неприкосновенность частной жизни и жилища, полагают, что не должны вмешиваться в семейную жизнь других людей.

Родительские отношения связывают самых близких людей, но во многом они обусловлены не только чисто генетическими, но и многими морально-психологическими факторами, и по общему правилу конкретное содержание этих отношений не требует вмешательства государства. Семейное право в целом представляет неразрывную связь частного и публичного, как объекта правового регулирования, и особенно во всем, что касается обеспечения прав и интересов детей. В соответствии со статьей 38 Конституции РФ материнство, детство и семья находятся под защитой государства, и при этом забота о детях за-

креплена как одновременное право и обязанность родителей. Таким образом, право на воспитание ребенка одновременно является обязанностью, а значит, должна наступать ответственность как в случае злоупотребления этим правом, так и при уклонении от его реализации. Закон не может и не должен предписывать родителям содержание и методы воспитания, формы взаимодействия с ребенком, здесь многое обусловлено семейными традициями, уровнем общей культуры родителей, наклонностями и способностями детей. Главное, чтобы родители проявляли должную заботу о воспитании, образовании и здоровье детей, не злоупотребляя своими родительскими правами, осознавая, что ребенок – самостоятельный субъект права, а не объект, как было давно в прошлом.

Специфика семейных правоотношений исключает принуждение к осуществлению личных прав, нельзя решением суда заставить читать ребенку сказки, петь песни и общаться с ним, заставить исполнять можно только обязанности имущественного характера. А вот семейно-правовая ответственность предусмотрена за нарушение любых родительских обязанностей. Необходимость обеспечить баланс между частными и публичными интересами является основой правового регулирования семейных правоотношений и должна быть основой для определения способов судебной защиты этого.

Семейно-правовая ответственность существенно отличается от других видов юридической ответственности, и хотя уже достаточно много

исследований посвящено этой проблеме, в том числе в контексте применения института лишения родительских прав, многие вопросы остаются нерешенными. В первую очередь это относится собственно к содержанию ответственности при лишении родительских прав и процессуальному порядку ее применения.

Статья 69 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) содержит исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав, но при этом большинство этих оснований имеют оценочный характер, поэтому суд в каждом конкретном случае должен установить, подпадают ли те или иные действия либо бездействие родителей под определения «злоупотребление родительскими правами», «жестокое обращение», «уклонение от выполнения родительских обязанностей». Таким образом, при рассмотрении этих дел особое значение приобретает судебное усмотрение. Но еще ранее своим усмотрением руководствуется другой родитель, законный представитель, также органы и организации, которым в соответствии со статьей 70 СК РФ предоставлено право возбуждать в суде дело о лишении родительских прав. Практика показывает, что усмотрение таких органов далеко не всегда соответствует прежде всего интересам детей. Так, вызывает определенные сомнения решение Заволжского суда города Твери [1] по иску Государственного казенного учреждения Тверской области «Центр социальной поддержки населения города Твери» об ограничении родительских прав матери в отношении несовершеннолетней дочери, хотя семья состоит на учете во всех субъектах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как семья, находящаяся в социально опасном положении, а сама мать неоднократно привлекалась к административной ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Суд удовлетворил этот иск, к нему не может быть претензий, так как нет права перейти к более «жесткой» мере, только наоборот. Но насколько обоснованно было такое требование, заявленное в суде, само содержание решения вряд ли оставит у кого-то сомнения, что никакого улучшения не наступит, и надо было сразу обращаться с заявлением о лишении родительских прав. А сколько еще ситуаций, которые вообще не попадают в поле зрения соответствующих органов. Еще более страшная ситуация, когда жестокое обращение допускает один из родителей, а второй скрывает эти факты домашнего насилия. Конечно, эта проблема имеет много аспектов, которые не разрешить только лишением родительских прав, но это может защитить ребенка. Ведь самое ужасное, что нередко жестокость к ребенку формирует и у него соответствующую установку как способ общения с людьми.

Встречаются ситуации, когда суд не усматривает оснований для лишения родительских прав, основываясь в том числе на позиции представителей органа опеки и попечительства. Так, апелляционным определением Тверского областного суда [2]

было отменено решение Заволжского районного суда города Твери об отказе в иске о лишении родительских прав матери ребенка к его отцу. В этом определении было прямо указано, что не соответствует интересам ребенка утверждение о преждевременности лишения родительских прав ответчика, которые были в заключениях органа опеки и попечительства и прокурора. В этом отмененном решении [3] усматривается противоречие самих мотивов вывода, поскольку указано, что ответчик ненадлежащим образом выполняет свои родительские обязанности и привлекался к административной ответственности за неуплату алиментов, поэтому очень странно, что суд первой инстанции решил ограничиться тем, что предупредил ответчика.

Как показывает практика, осторожность суда в применении такой меры, как лишение родительских прав, и «предупреждение» ответчика почти никогда не способствуют изменению поведения родителя и, значит, противоречат интересам детей. В решениях о лишении родительских прав нередко встречается, что ранее суд предупреждал уже этого родителя (коим и назвать его трудно), но это не дало необходимых результатов [4].

Не имеет обычно положительных последствий, когда ответчик заявляет встречное требование об определении порядка общения с ребенком, в результате стороны заключают соответствующее мировое соглашение. Но ведь это соглашение родителей, а ребенка трудно заставить начать общаться с родителем, если до этого он несколько лет не поддерживал отношений. В таких случаях родитель, с которым проживает ребенок, как правило, делает вторую попытку лишить другого родительских прав, но суд чаще всего руководствуется желанием родителя наладить отношения и отказывает в иске [5]. При этом остается без должного внимания мнение самого ребенка, а также то, что при благоприятном развитии отношений родительские права можно вернуть. Трудно утверждать, что в таких случаях главным выступают интересы ребенка и соблюдается баланс частных и публичных интересов.

Конечно, не должен удовлетворяться абсолютно каждый иск о лишении родительских прав. Не будем забывать, что злоупотребление может быть не только родительскими правами, но правом на лишение этих прав. Практика показывает, что использование иска о лишении родительских прав может иметь совершенно иную цель, отличную от той, которую предполагает статья 69 СК РФ. Обращение в суд бывает связано с тем, чтобы не возникало вопросов при усыновлении ребенка мачехой или отчимом, чтобы не согласовывать выезд ребенка за границу, желание «обезопасить» ребенка в дальнейшем от возможных требований родителя по его содержанию, все подобные мотивы трудно предугадать, это может быть и желание получить статус матери-одиночки и соответствующие этому льготы. Поэтому суд должен очень тщательно исследовать все обстоятельства дела.

Поскольку статья 69 СК РФ содержит исчерпывающий перечень, то очень важно толкование каждого основания для лишения родительских прав. При этом надо учитывать меняющиеся реалии жизни. Следует согласиться с мнением К. Н. Сапрыкина о том, что необходимо оценить такие нарушения прав и интересов ребенка, как несвоевременная регистрация рождения ребенка, «вредоносное» имя, выбор учебного заведения, не соответствующего уровню развития и интересам ребенка, и установить ответственность [6, с. 10].

Необходимо осознать, что жестокое обращение и злоупотребление родительскими правами могут быть и результатом «благих намерений», когда родители хотят в ребенке реализовать то, чего не достигли сами, вопреки здравому смыслу, здоровью, психологическим особенностям, склонностям и желаниям ребенка. Разве не жестокость – дать ребенку имя, которое по определению будет служить поводом для насмешек и издевательств.

Жизнь изменилась, сейчас, к великому сожалению, окружающий мир содержит гораздо больше опасностей для ребенка, поэтому необходим совершенно иной подход к тому, что считать надлежащим воспитанием. Изменились основы семейного взаимодействия и общения в целом и, конечно, между родителями и детьми.

Жестокое обращение с детьми всегда было в тех или иных пределах и формах, но много веков мораль и право совершенно иначе оценивали отношения детей и родителей. Свод законов Российской империи содержал специальную главу «О родительской власти», согласно этим нормам у детей не было никаких прав, а родители имели безграничную власть и дозволялись самые жестокие меры воздействия «в воспитательных целях». А вот дети не могли рассчитывать ни на какую защиту, суды не имели права принимать от них заявления на родителей. Соответственно, о такой мере, как лишение родительских прав, и речи не было, даже в период Великой реформы.

Впервые возможность лишения родительских прав была предусмотрена только в 1918 году в Кодексе законов об актах гражданского состояния, браке, семье и опеке. Далее этот правовой институт постоянно развивался в нормах семейного законодательства. К сожалению, это мера не стала исключительно превентивной, и число дел в судах о лишении родительских прав не уменьшается.

В большинстве случаев лишение родительских прав связано с тем, что родитель, а нередко и оба совершенно устраняются не только от воспитания, но даже от простого общения с детьми, которых помещают в Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних, а затем передают под опеку, но при этом, как следует из решения Ржевского городского суда Тверской области [7–9], с иском о лишении родительских прав орган, выполняющий функции опеки и попечительства, обратился только через четыре года. Вряд ли можно признать, что это соответствует интересам детей, родители которых вообще забыли о них и даже не явились

в суд, который решал, лишать ли их родительских прав.

Практика показывает, что временное ограничение в родительских правах также не дает необходимого результата, и в дальнейшем это заканчивается решением о лишении родительских прав [10].

Как уже отмечалось, применение оснований для лишения родительских прав предполагает судебское усмотрение, но иногда усмотрение разных судей на сходные ситуации отличается кардинально. Так, по одному делу, где мать просила лишить родительских прав отца ребенка в связи с тем, что он длительное время уклоняется от выполнения родительских обязанностей и ни в какой форме не общается с сыном, в судебное заседание не явился, решением Ржевского городского суда иск был удовлетворен [8]. Другой судья в сходной ситуации, которая, как представляется, даже более трагична, поскольку мать более четырех лет не видела сына, не проявляет интереса к нему, имеет задолженность по алиментам и привлекалась к ответственности за это, в заседание суда не явилась. Прокурор и представитель органа опеки и попечительства в своих заключениях признавали требования истца законными и обоснованными, судья почему-то решила, что надо дать шанс для установления контакта с сыном, хотя у ответчицы есть еще старший сын, воспитанием которого она также не занимается, и отказала в иске [9], ограничившись предупреждением.

При анализе судебных решений по делам о лишении родительских прав возникает смутное ощущение, что поддерживаемая веками «родительская власть» влияет на уровне генов на сознание многих людей, включая даже судей. Иначе трудно объяснить, почему так долго не решаются обратиться в суд, а потом еще суд надеется, что его предупреждение о необходимости изменить поведение повлияет на ответчика, который при этом не пожелал даже явиться в судебное заседание.

Некоторые представления о взаимоотношениях в семье еще определенным образом формируются на основе сказочных сюжетов. А. С. Пушкин нам всем оставил завет: «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Но правильно ли мы понимаем эти намеки. Ведь эти сюжеты соответствовали совершенно другой эпохе, но мы должны их осмысливать с современных позиций. Не хочется уподобляться юмористам, которые пародируют в том числе и сказочные сюжеты, но анализ некоторых моментов представляется важным с позиции современной жизни. Группе студентов был задан вопрос, какие правовые ситуации они находят в сказках «Золушка» и «Морозко». Практически все говорили о неправомерном поведении мачехи в той и другой сказке, но были практически удивлены, услышав, что надо было в обоих случаях лишать родительских прав отцов, поскольку родители несут ответственность за воспитание и развитие детей (ст. 63 СК РФ), и защита прав и интересов детей является обязанностью родителей (ст. 64 СК РФ), а не отчима и мачехи. В наше время

случаи насилия и жестокого обращения с пасынками и падчерицами, как свидетельствуют средства массовой информации, приобретают иногда просто чудовищные формы, при этом родные матери и отцы не защищают своих детей, отдавая предпочтение своим сожителям. А ведь если посмотреть с правовой точки зрения, все, как в этих сказках, получается не так: «намеки» мы понимаем вроде того, что страдания ребенка должны привести его к счастью. Но, увы, в реальной жизни все совсем не так!

Хочется привести еще примеры, когда в сказках не осуществляются необходимые, говоря современным языком, меры безопасности. Условия жизни требуют дополнительных мер по охране жизни и здоровья детей. Дети выпадают из окон с высоких этажей, теряются в городе и на природе, становятся жертвами маньяков и педофилов, попадают под влияние различных деструктивных организаций, в том числе через сеть Интернет, да все риски и не перечислить. Жизнь страшнее любой сказки, но что мы находим в них? Вот сказка «Дюймовочка», почему жабе удалось украсть ее? Оказывается, мать поставила люльку с Дюймовочкой на окно, где было разбито стекло, о чем прямо сказано в начале повествования. Про поход Красной Шапочки через лес к бабушке уже много раз упоминалось, но ведь дети пропадают, значит, их все-таки оставляют без присмотра на улице и разрешают самостоятельно отправляться куда-то.

Каждое преступление педофилов вселяет ужас в любого нормального человека, возникает вопрос: как получается, что дети доверяются этим нелюдям? Ответ можно найти в книге про Малыша и Карлсона. Ребенку не хватало общения, внимания, и Малыш с радостью доверился Карлсону (которого, кстати, на его родине в Швеции считают исключительно отрицательным персонажем), потому что тот проявил интерес к мальчику и внес разнообразие в его жизнь. Если ребенок всю необходимую заботу и внимание к себе получает в семье, он не будет испытывать такой потребности в поисках «друга», следовательно, будет более гарантирован от возможного общения с маньяком.

Все сказанное свидетельствует о необходимости расширительного подхода к трактовке «злоупотребления родительскими правами» и «уклонения от выполнения родительских обязанностей».

Дополнить можно еще своего рода риторическим вопросом: если родители выделяют значительные суммы ребенку и приобретают для него все по первому требованию, но при этом не вникают в его интересы, проведение досуга, а относительно учебы ограничиваются ответом, что «все ок», это будет надлежащее выполнение родительских обязанностей или нет?

Необходимо обратить внимание на особое основание для лишения родительских прав, связанное с совершением родителем умышленного преступления против жизни и здоровья детей или других членов семьи. Хотя закон (п. 6 ст. 69 СК РФ) называет основанием совершение преступле-

ния, но фактически это подразумевает вступление в законную силу соответствующего приговора суда или постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, только после этого можно обращаться в суд с иском о лишении родительских прав. Представляется, что это не соответствует интересам ребенка. Является не совсем понятным, почему в соответствии со статьей 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ гражданский иск в уголовном деле может быть заявлен только по имущественным требованиям. Защита ребенка более значима, необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство и установление права на заявление иска о лишении родительских прав в уголовном процессе по делу о преступлении против жизни или здоровья детей и других членов семьи. Это уже было обосновано со ссылкой на печальную статистику о количестве подобных преступлений [11, с. 93–94].

Подвергать несовершеннолетнего, который стал жертвой преступных деяний своего родителя, повторному участию в судебном разбирательстве (ведь в уголовном процессе он выступает потерпевшим или свидетелем, а в гражданском надо заслушать его мнение) с очевидностью противоречит принципу гуманизма и интересам ребенка.

Еще одна проблема заслуживает специального исследования. В настоящее время никто не оспаривает, что лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности, хотя это прямо и не закреплено в законе. Но общее правило применения ответственности предполагает возмещение вреда, причиненного противоправными действиями, однако этот вопрос не предусмотрен непосредственно в законе, и анализ судебной практики показывает, что это не является предметом судебного разбирательства и решения. Такое возможно только при рассмотрении уголовного дела в отношении родителя, но ведь этого недостаточно. Почему моральный вред компенсируется за некачественную вещь или услугу, а злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с ребенком, да просто отказ от общения – разве не доставляют гораздо большие моральные страдания? Пожалуй, ребенок воспринимает острее полное невнимание к себе, чем даже неуплату алиментов на его содержание. Но часть 3 статьи 70 СК РФ предусматривает только решение вопроса о взыскании алиментов.

Помимо морального вреда в большинстве случаев можно ставить вопрос и о взыскании материального ущерба, ведь даже денежные средства, выделяемые как пособие на детей, нередко расходуются совершенно на другие цели. Так, в решении Ржевского городского суда [12] по иску отца ребенка о лишении родительских прав матери указано, что практически с рождения сына ответчица не занималась его воспитанием, а все выплаты и пособия, полученные ею на ребенка, расходовала на собственные нужды.

Аналогичная ситуация описана и по другому делу, когда мать тратила детские пособия на себя,

два ребенка от первого брака проживали с отцом, а двое других находились на иждивении бабушки, которая при этом пыталась защищать дочь и не поддержала требование о лишении ее родительских прав [13]. Это решение, поскольку мать лишала родительских прав сразу в отношении четырех детей, вызывает вопрос о том, кто получал средства материнского капитала и были они как-то потрачены. Если о расходовании детских пособий хоть упоминается в решениях, то про материнский капитал даже не вспоминают в суде.

В соответствии с законом при выплате средств материнского капитала не учитывают детей, в отношении которых было решение о лишении родительских прав, но раз лишения не было, значит право возникало. Целесообразно дополнить статью 70 СК РФ указанием на то, что при вынесении решения о лишении родительских прав необходимо решать вопрос о возмещении имущественного ущерба, в том числе в связи с нецелевым использованием средств детских пособий, а также исследовать вопросы, связанные с выплатой и расходованием средств материнского капитала. При установлении фактов причинения ребенку морального вреда его компенсация должна также входить в предмет судебного решения о лишении родительских прав.

В семейном законодательстве нет норм о том, в каком порядке подлежат рассмотрению дела о лишении родительских прав. В части 1 статьи 70 СК РФ указано, что дела возбуждаются по заявлению определенных лиц. В гражданском процессуальном законодательстве применяются два понятия: исковое заявление – для искового производства и просто заявление – для особого производства. Но поскольку дела о лишении родительских прав не названы в подразделе IV «Особое производство» Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), то к ним применяются правила искового производства. Несоответствие правовой природы дел о лишении родительских прав в связи с преобладанием в предмете их защиты публичного интереса обосновывалось еще более двадцати лет назад [14, с. 9]. Но никаких изменений процессуального порядка их разрешения не происходит.

В исследованиях, посвященных процессуальным вопросам рассмотрения дел о защите прав несовершеннолетних, содержится достаточно много предложений о необходимости установления тех или иных процессуальных правил. Хотя далеко не все представляются удачными и достаточно обоснованными. Исследуя защиту прав несовершеннолетних в гражданском процессе, Л. И. Попова предлагала при неявке прокурора, даже надлежаще извещенного, в процесс по делу о лишении родительских прав применять обязательное отложение дела [15, с. 6]. Как показывает практика, не всегда позиция прокурора достаточно обоснована, да и суд не всегда соглашается с ней. Поэтому участие прокурора с целью дачи заключения по делу нельзя признать препятствием для рассмотрения дела. Не совсем понятно и предложение о

необходимости установления альтернативной подсудности со ссылкой на неизвестность места нахождения ответчика, ведь это относится к общему правилу альтернативной подсудности.

Предложение В. И. Цукановой о запрете применения правила заочного производства по делам о лишении родительских прав [16, с. 7–8] вряд ли следует закреплять законодательно. Судья должен сам решать этот вопрос, исходя из обстоятельств дела, если это в интересах ребенка, то не применять правила заочного производства. Кстати, заочные решения суды по этим делам выносят крайне редко, хотя по большинству дел надлежаще извещенные ответчики не являются в судебное заседание.

Практически большая часть исследований посвящена в значительной степени предмету доказывания, то есть основаниям лишения родительских прав, но есть один важный момент, который предусмотрен статьей 57 СК РФ и является предметом исследования не только юристов, но и психологов. Правило названной статьи предполагает, что обязательен учет мнения ребенка, достигшего десятилетнего возраста, но с оговоркой, чтобы это не противоречило его интересам.

Прежде всего в науке наметился неоднозначный подход к установлению возраста, по достижении которого надо заслушивать в суде мнение ребенка. Предлагается и много вариантов деления несовершеннолетних на группы в соответствии с возрастом и объемом правосубъектности. Ю. Н. Авдонина обосновала, что полностью недееспособными являются дети до шести лет, а с шести до 14 уже имеют частичную дееспособность. Но при этом она не предлагает понизить возраст, с которого надо заслушать мнение ребенка, до шести лет, но считает целесообразным приостанавливать производство по делу, если остается полгода до достижения ребенком десятилетнего возраста [17, с. 10–12]. Такое решение вряд ли отвечает интересам ребенка и не только по делам о лишении родительских прав, а по всем делам, связанным с воспитанием детей, ведь эти полгода будут потеряны в большинстве случаев для ребенка и его родителей, он же быстро растет, а уж приостанавливать дела о лишении родительских прав просто недопустимо по такому основанию.

Представляется более обоснованной позиция Е. В. Карпеевой о том, чтобы для решения вопроса об учете мнения закрепить не возраст, а уровень зрелости и развития ребенка [18, с. 10–11]. А вот предложение о том, чтобы суд выяснял, желает ли несовершеннолетний выразить свое мнение, нельзя признать достаточно обоснованным. Если ребенок уже приглашен на заседание суда, правильнее попытаться выяснить его мнение, в том числе с помощью определенных вопросов. При этом у ребенка, безусловно, есть право самому без вопроса об этом со стороны суда отказаться от выражения своего мнения, что тоже должно стать предметом оценки со стороны суда. Ведь не является секретом, что родители пытаются повлиять на формирование мнения ребенка.

В этом главная сложность для суда, и без определенной помощи специалиста трудно решить эту проблему. Поэтому существенным пробелом процессуального законодательства является то, что нет специального порядка получения мнения ребенка, в ГПК РФ есть только правило статьи 179 о допросе несовершеннолетнего свидетеля. Но ребенок не может быть свидетелем по делу, где решается вопрос о его правах и интересах. Кроме того, уже неоднократно обращалось внимание на необходимость замены педагогического работника на специалиста-психолога [19, с. 31–32].

Еще возникают вопросы, как суд учитывает мнение несовершеннолетних и находит в них противоречие их интересам. Так, из решения Ржевского городского суда следует, что по делу о лишении родительских прав отца обе дочери высказались за удовлетворение иска, причем одной уже через полгода должно было исполниться 18 лет, а другой уже исполнилось 15. Но судья отказал в удовлетворении иска о лишении отца родительских прав и при этом не дал никакого обоснования тому, в чем усматривается противоречие интересам дочерей их мнению [20].

Остается нерешенным и один из главных вопросов, если лишение родительских прав относится к делам искового производства, кто же является надлежащим истцом по делу, ведь это должен быть субъект спорного правоотношения, следовательно, сам ребенок, но он не назван в статье 70 СК РФ, что вопреки общему правилу части 2 статьи 56 СК РФ влечет то, что иногда отказывают в принятии соответствующего заявления от ребенка, достигшего возраста 14 лет. Необходимость законодательного закрепления самостоятельного процессуального статуса ребенка уже была достаточно обоснована [21, с. 71–72]. И пока эта проблема не будет решена в полной мере, трудно говорить об эффективности судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних при рассмотрении дел о лишении родительских прав.

Проблема процессуального статуса касается не только самих детей, нет должного решения о процессуальном положении и других участников процесса о лишении родительских прав. Нередки случаи, когда после расторжения брака родители проживают в разных городах достаточно далеко друг от друга. Родитель, с которым остался ребенок, не всегда надлежаще осуществляет свои родительские права и обязанности, при этом родитель, проживающий отдельно от ребенка, выполняет все имущественные обязанности, но его обще-

ние с ребенком очень ограничено. К родителю, с которым проживает ребенок, может быть предъявлен иск о лишении родительских прав прокурором или иным органом, в этом случае почему-то второго родителя привлекают в качестве третьего лица. Учитывая, что родители имеют равные права и обязанности по воспитанию детей, второй родитель не может и не должен оставаться пассивным участником процесса. Он должен занять положение заявителя совместно с теми, кто уже обратился в суд, или также стать ответчиком, ведь отдаленное проживание не освобождает родителя от его обязанностей, в том числе по защите прав ребенка, и, если он не выполняет эти обязанности, должен решаться вопрос и о целесообразности лишения и его родительских прав.

Это очень важные, но все-таки частные вопросы процессуального порядка лишения родительских прав. Главной проблемой является необходимость определения вида гражданского судопроизводства. Следует согласиться с А. Ю. Тенькаевым [22, с. 15], что от правильного определения вида судопроизводства зависит законность и обоснованность судебного решения и обеспечения защиты прав и законных интересов. Публичный интерес в делах о лишении родительских прав и специфика самих родительских правоотношений позволяют сделать вывод о необходимости специального процессуального регулирования данной категории дел, как это решил законодатель относительно рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основе международного договора.

Лишение родительских прав имеет не меньшую специфику, которая не укладывается полностью ни в исковое, ни в особое производство. Признавая лишение родительских прав мерой семейно-правовой ответственности, необходимо установить специальный процессуальный порядок. Причем это относится и ко многим другим делам, возникающим из семейных правоотношений. Преобладание публичного интереса требует введения в гражданский процесс нового вида производства, который обеспечит учет этой специфики, а каким он должен стать по перечню дел и процессуальным особенностям, требует серьезного и длительного исследования.

Пока ответим на главный вопрос темы: лишение родительских прав – это процесс привлечения к ответственности за нарушение родительских прав и обязанностей, которому тесно в рамках обычного искового производства.

Библиографический список

1. Архив Заволжского районного суда города Твери. Дело № 2-39/2019.
2. Архив Тверского областного суда. Дела № 2-1527/2022, № 33-4302/2022.
3. Архив Заволжского районного суда города Твери. Дело № 2-1527/2022.
4. Архив Заволжского районного суда города Твери. Дело № 2-510/2022.

5. Архив Заволжского районного суда города Твери. Дело № 2-512/2022.
6. Сапрыкин К. Н. Представительство прав и интересов ребенка по гражданскому и семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 20 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/909346?ysclid=loy3u82rus603028692>.
7. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-358/2021.
8. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-668/2021.
9. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-1081/2022.
10. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дела № 2-139/2022; № 2-914/2022.
11. Андреев В. Л., Туманова Л. В. Статистика и проблемные вопросы защиты несовершеннолетних от противоправных действий // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2017. № 4. С. 80–96. URL: <http://eprints.tversu.ru/7394/>.
12. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-476/2021.
13. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-436/2022.
14. Туманова Л. В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. 59 с.
15. Попова Л. И. Защита прав несовершеннолетних в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 18 с.
16. Цуканова В. И. Особенности судопроизводства по делам о лишении родительских прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 26 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005479517.pdf?ysclid=loy6yoiu98239508710.
17. Авдонина Ю. Н. Процессуальные особенности защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 21 с. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F1416584283/Avdonina_Yu.N._Avtoreferat.pdf.
18. Карпеева Е. В. Защита в гражданском судопроизводстве прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 31 с. URL: https://usla.ru/science/dissovet/file/base/5/562/autoabstract_dl.pdf.
19. Туманова Л. В. Статус лиц, содействующих правосудию, как важный фактор в доказывании // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 1 (73). С. 27–35. DOI: <http://doi.org/10.26456/vtpravo/2023.1.027>.
20. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-185/2021.
21. Туманова Л. В. Самостоятельный процессуальный статус несовершеннолетнего // Российская юстиция. 2023. № 1. С. 70–74.
22. Тенькаев А. Ю. Производство по делам неискового характера в кодексе административного судопроизводства Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 28 с. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/27-03-2023-1r.pdf>.

References

1. *Arkhiv Zavolzhskogo raionnogo suda goroda Tveri. Delo № 2-39/2019* [Archive of the Zavolzhsky District Court of the city of Tver. Case № 2-39/2019] [in Russian].
2. *Arkhiv Tverskogo oblastnogo suda. Dela № 2-1527/2022, 33-4302/2022* [Archive of the Tver Regional Court. Cases № 2-1527/2022, 33-4302/2022] [in Russian].
3. *Arkhiv Zavolzhskogo raionnogo suda goroda Tveri. Delo № 2-1527/2022* [Archive of the Zavolzhsky District Court of the city of Tver. Case № 2-1527/2022] [in Russian].
4. *Arkhiv Zavolzhskogo raionnogo suda goroda Tveri. Delo № 2-510/2022* [Archive of the Zavolzhsky District Court of the city of Tver. Case № 2-510/2022] [in Russian].
5. *Arkhiv Zavolzhskogo raionnogo suda goroda Tveri. Delo № 2-512/2022* [Archive of the Zavolzhsky District Court of the city of Tver. Case № 2-512/2022] [in Russian].
6. Saprykin K. N. *Predstavitel'stvo prav i interesov rebenka po grazhdanskomu i semeinomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Representation of the rights and interests of a child under civil and family legislation of the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2017, 20 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/909346?ysclid=loy3u82rus603028692> [in Russian].
7. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-358/2021* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-358/2021] [in Russian].
8. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-668/2021* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-668/2021] [in Russian].

9. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-1081/2022* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-1081/2022] [in Russian].
10. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Dela № 2-139/2022; № 2-914/2022* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Cases № 2-139/2022; № 2-914/2022] [in Russian].
11. Andreev V. L., Tumanova L. V. *Statistika i problemnye voprosy zashchity nesovershennoletnikh ot protivopravnykh deistvii* [Statistics and problems of protection minors of adverse events]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Vestnik Tver State University. Series: Law], 2017, no. 4, pp. 80–96. Available at: <http://eprints.tversu.ru/7394/> [in Russian].
12. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-476/2021* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-476/2021] [in Russian].
13. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-436/2022* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-436/2022] [in Russian].
14. Tumanova L. V. *Zashchita publichno-pravovykh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [Protection of public legal interests in civil proceedings: author's abstract of Doctoral of Legal Sciences]. Saint Petersburg, 2002, 59 p. [in Russian].
15. Popova L. I. *Zashchita prav nesovershennoletnikh v grazhdanskom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Protection of the rights of minors in civil proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saint Petersburg, 2006, 18 p. [in Russian].
16. Tsukanova V. I. *Osobennosti sudoproizvodstva po delam o lishenii roditel'skikh prav: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Peculiarities of legal proceedings in cases of deprivation of parental rights: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2012, 26 p. Available at: https://new-dissler.ru/_avtoreferats/01005479517.pdf?ysclid=loy6yoiu98239508710 [in Russian].
17. Avdonina Yu. N. *Protsessual'nye osobennosti zashchity prav i okhranyaemykh zakonom interesov nesovershennoletnikh v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Procedural features of the protection of the rights and legally protected interests of minors in civil proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Kazan, 2023, 21 p. Available at: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F1416584283/Avdonina_Yu.N._Avtoreferat.pdf [in Russian].
18. Karpeeva Ye. V. *Zashchita v grazhdanskom sudoproizvodstve prav nesovershennoletnikh, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Protection in civil proceedings of the rights of minors left without parental care: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2022, 31 p. Available at: https://usla.ru/science/disssoviet/file/base/5/562/autoabstract_dl.pdf [in Russian].
19. Tumanova L. V. *Status lits, sodeistvuyushchikh pravosudiyu, kak vazhnyi faktor v dokazyvanii* [Status of assistants of justice as an important factor in evidence]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Vestnik Tver State University. Series: Law], 2023, no. 1 (73), pp. 27–35. DOI: <http://doi.org/10.26456/vtpravo/2023.1.027> [in Russian].
20. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-185/2021* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-185/2021] [in Russian].
21. Tumanova L. V. *Samostoyatel'nyi protsessual'nyi status nesovershennoletnego* [Independent Procedural Status of a Minor]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2023, no. 1, pp. 70–74. DOI: http://doi.org/10.52433/01316761_2023_01_70. EDN: MEOUWS [in Russian].
22. Tenkayev A.Yu. *Proizvodstvo po delam neiskovogo kharaktera v kodekse administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Proceedings in non-claim cases in the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2023, 28 p. Available at: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/27-03-2023-1r.pdf> [in Russian].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-62-73

**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 343.14

Дата поступления: 09.09.2023
рецензирования: 12.10.2023
принятия: 15.11.2023**Доказательства и доказывание по УПК Франции****В. О. Белоносов**Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Российская Федерация
E-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются доказательства по УПК Франции с их многочисленными и существенными отличительными особенностями, которые полезны и любопытны как теоретикам, так и практикам. Во-первых, вместо следователя мы видим следственного судью. Во-вторых, привычное понятие «следственное действие» трансформировалось в «судебное расследование». Это существенно повлияло на права и обязанности участников процесса. Наряду с традиционно понимаемыми в российской юриспруденции доказательствами УПК Французской Республики содержит также перечень действий, которые в отечественной юриспруденции принято относить к оперативно-розыскной деятельности. Это обусловило появление необычных прав у прокуроров и судей, привело к увеличению гарантий прав и свобод личности. Актуальный для отечественной юриспруденции вопрос о доказательственном значении непроцессуальной информации в соответствии с УПК Французской Республики становится не только допустимым, но и привлекательным.

Ключевые слова: уголовный процесс; УПК Франции; доказательство; доказывание; следственный судья; судебное расследование.

Цитирование. Белоносов В. О. Доказательства и доказывание по УПК Франции // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-62-73>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Белоносов В. О., 2023

Владимир Олегович Белоносов – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 09.09.2023

Revised: 12.10.2023

Accepted: 15.11.2023

Evidence and proof under the French criminal procedure**V. O. Belonosov**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

Abstract: This article discusses evidence under the French Code of Criminal Procedure, with its many and significant distinctive features, which are useful and curious to both theorists and practitioners alike. First, instead of an investigator, we see a forensic investigator. Secondly, the familiar concept of «investigative action» has been transformed into «judicial investigation». This had a significant impact on the rights and obligations of the participants in the process. In addition to the evidence traditionally understood in Russian jurisprudence, the Criminal Procedural Code of the French Republic also contains a list of actions that domestic jurisprudence usually refers to operational-investigative activities. This led to the emergence of unusual rights for prosecutors and judges, leading to an increase in guarantees of individual rights and freedoms. Relevant for the domestic jurisprudence of the question of evidentiary value of non-procedural information in accordance with the Code of Criminal Procedure of the French Republic becomes not only admissible, but also attractive.

Key words: criminal procedural law; French Code of Criminal Procedure; evidence; proof; investigating judge; judicial investigation.

Citation. Belonosov V. O. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po UPK Frantsii* [Evidence and proof under the French criminal procedure]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-62-73> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© **Belonosov V. O., 2023**

Vladimir O. Belonosov – Doctor of Legal Sciences, associate professor, professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Для отечественного правоприменителя небезынтересно было бы узнать о доказательствах и доказывании по УПК Французской Республики (далее – УПК ФрР), учитывая относительно небольшое количество уголовно-процессуальной литературы одного уважаемого автора [1; 2; 3], посвященной этой теме.

Хотя вопросам доказательств и доказывания посвящены две главы УПК РФ (10 и 11), но они так влияют на всю уголовно-процессуальную деятельность, что обусловили в свое время даже обсуждение вопроса о создании отдельной отрасли – доказательственного права.

В УПК ФрР нет отдельных глав, посвященных доказательствам и доказыванию, несмотря на то, что по своему объему УПК ФрР более чем в 4 раза превышает УПК РФ. А по своей сути доказательства отличаются от российского аналога по ряду причин.

Во-первых, во Франции нет следователей: расследованием уголовных преступлений занимается *следственный судья*. Такое же положение существовало в дореволюционной России, где расследованием занимался *судебный следователь* [4, с. 10]. С 2015 г. *следственный судья* существует в Республике Казахстан [5, с. 662]. То же самое происходит в странах Балтии и Молдовы [6]. Двойственное наименование рассматриваемого института (*следственный судья* или *судебный следователь*) вынуждает уточнить природу этого субъекта, кто же он – следователь или судья? Представляется, что если этот субъект: а) находясь в суде, занимается все же предварительным расследованием уголовного дела до его рассмотрения по существу в первой инстанции; б) состоит в штате судебного органа и там получает заработную плату, то чем он отличается от судьи? Другое дело, если этот субъект входит в штат другого ведомства, он имеет право называться и «следователем», но только почему он «судебный», что он делает в суде? Думается, что такие противоречия отражают не столько правовую, сколько организационно-бюрократическую неясность этих явлений, которые со временем должны быть разрешены.

Если в России все судьи, несмотря на их специализацию, все же называются единообразно – «судьи», то во Франции судьи называются по-разному: а) *следственный судья* (*juge d' instruction* – дословно «судья по расследованию»); б) *судья по вопросам свободы и попечительства* (*juge*

des libertés et de la détention); в) *судья по делам несовершеннолетних* (*juge des enfants*).

Во-вторых, российское понятие «следственное действие» трансформировалось во французское «судебное расследование» со всеми отсюда вытекающими процессуальными последствиями. Именно «**Судебным расследованием**» называется часть III Книги 1 УПК ФрР, в которой содержатся вопросы не только доказательств и доказывания, но и другие смежные вопросы.

Учитывая чрезвычайно большой объем части III, невозможно привести его полное содержание, да и не стоит. Но можно остановиться на тех аспектах, которые представляют интерес для отечественных правоприменителей своими необычными характеристиками. Такая регламентация отличается от отечественной: где-то она проще, где-то сложнее. Любопытно изложены процессуальные гарантии от возможных процессуальных злоупотреблений, исключительные и нетипичные случаи правоприменения. Бросается в глаза, что такое регулирование – вроде бы мягкое, уважительное, демократичное – при необходимости может быть действенным и эффективным по своей жесткости.

Раздел 3 части III УПК ФрР посвящен таким процессуальным действиям, как **выезд** (*le transport* – проезд, перемещение, перевозка), **обыск**, **изъятие**, **перехват корреспонденции**, **передающейся через телекоммуникационные сети**. Подраздел 1 указанного раздела посвящен **выезду, обыску, изъятию**. Этим вопросам посвящено 15 статей (со ст. 92 по ст. 99-5 УПК ФрР).

Под **выездом** понимается «возможность судебного следователя выехать на место происшествия, чтобы сделать необходимые выводы на месте или провести обыск. Он должен уведомить об этом прокурора, который может его сопровождать. Следственному судье всегда помогает секретарь суда, который составляет протокол этого действия (ст. 92 УПК ФрР)».

Статья 93 УПК ФрР детализирует возможность *выезда следственного судьи со своим секретарем в любое место национальной территории страны* для проведения процессуальных действий при условии предварительного уведомления прокурора, в юрисдикцию которого он направляется. А ст. 93-1 УПК ФрР предусматривает возможность использования для этих целей территории Европейского союза.

Приведенная регламентация удивляет, насколько следственный судья мобилен в сопровождении прокурора и секретаря. Легкие и ясные формулировки (возможность выезда со своим секретарем в любое место национальной территории страны, возможность использования территории Европейского союза), во-первых, отсутствуют в УПК РФ, а во-вторых, заменяются полномочием следователя давать поручения о производстве следственных действий (пп. 4, 4.1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), регламентацией места производства предварительного расследования (ст. 152 УПК РФ) и международного сотрудничества (раздел XVIII УПК РФ).

Обыск согласно ст. 94 УПК ФрР проводится *во всех местах* (!), где могут находиться предметы или информационные данные, обнаружение которых могло бы быть полезным для установления истины или имущества от совершенного преступления.

Формулировка «обыск проводится во всех местах...» более простая и ясная, чем «основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать...» (ч. 1 ст. 182 УПК РФ), которая подразумевает наличие определенного количества формально-бюрократических препятствий.

Статья 97 УПК ФрР: «Если в ходе расследования необходимо произвести поиск документов или компьютерных данных..., то следственный судья или назначенный им сотрудник судебной полиции имеют *исключительное* (!) право ознакомиться с их содержанием прежде, чем приступить к изъятию».

В УПК РФ у следователя нет исключительного полномочия на ознакомление с содержанием изымаемых документов и компьютерной информации, а ч. 7 ст. 182 УПК РФ формулирует только запрет на оглашение выявленных в ходе обыска обстоятельств частной жизни.

Изъятие обычно сопровождает проведение обыска. При этом следует иметь в виду, что с филологической точки зрения понятия «обыск» и «осмотр» во французском языке обозначаются одним и тем же термином «requisition». Если в отечественном российском уголовном судопроизводстве существует два самостоятельных следственных действия «осмотр» и «обыск», то во французском уголовно-процессуальном законодательстве существует только одно процессуальное действие, основанное на зрительном восприятии, – что-то вроде усредненного «обыска-осмотра». И видимо, в этом имеется своя рациональная логика, ибо достаточно сложно представить, чтобы эти два следственных действия были совершенно противопоставлены друг другу и не копировали бы себя в деталях. Вполне очевидно, что в любом обыске имеются элементы осмотра и наоборот.

И кроме того, следственному судье проводить обыск гораздо проще, чем следователю, так как ему нет необходимости для этого получать судебное разрешение.

Подраздел 2 раздела 3 посвящен **перехвату корреспонденции, передаваемой посредством**

телекоммуникационных сетей, и состоит из 9 статей (со ст. 100 по ст. 100-8 УПК ФрР).

Согласно ст. 100 данная мера «применяется по делам, за которые предусмотрено наказание не менее 3 лет лишения свободы. В этом случае следственный судья может избрать перехват, запись и расшифровку корреспонденции. Эти действия осуществляются *под руководством и контролем следственного судьи* (!).

Решение о перехвате принимается следственным судьей единолично, оформляется в письменном виде и обжалованию не подлежит.

Если преступление совершено по телекоммуникационным сетям в отношении потерпевшего, то перехват может быть разрешен также по ходатайству потерпевшего.

Перехват не применяется в офисе или доме адвоката, кроме случаев, когда имеются веские основания подозревать адвоката в совершении тяжкого преступления. В этом случае решение принимается по мотивированному постановлению судьи по вопросам свободы после консультации с прокурором».

В России у следователя нет полномочий по руководству и контролю над другими субъектами, производящими аналогичные следственные действия (ст.ст. 186, 186.1 УПК РФ). В этих правоотношениях следователь является равноправным субъектом (пишет ходатайство) и вступает в правоотношения координации, а не субординации. Тем не менее можно только позавидовать, что решение о перехвате принимается следственным судьей единолично, письменно и обжалованию не подлежит.

Статья 100-5 УПК ФрР говорит о *запрете перехвата* переписки адвоката со своим клиентом в рамках оказания ему юридической помощи, а также о запрете раскрытия источников информации журналистов для защиты свободы слова. В обоих случаях запрет мотивируется ссылками на *специальные законы*.

В УПК РФ не содержится аналогичных запретов и ссылок на специальные законы.

Статья 100-6 УПК ФрР регламентирует, что записи перехватов уничтожаются *по требованию прокурора или по истечении срока давности* уголовного преследования, о чем составляется акт.

Во-первых, ничего подобного нет в УПК РФ. Во-вторых, непривычно и удивительно, что прокурор контролирует срок хранения материалов, которые по российскому законодательству относятся к оперативно-розыскной деятельности.

Статья 100-7 УПК ФрР регламентирует *запрет перехвата* переговоров депутатов, сенаторов, адвокатов и судей под угрозой признания их недействительности. Но данный запрет может быть преодолен, если следственный судья *уведомит об этом действии руководителей* соответствующего уровня: депутатского, сенатского, адвокатского или судейского корпусов соответственно.

Бросается в глаза удивительная простота и лаконичность регламентации запрета перехвата

переговоров по сравнению с гл. 52 УПК РФ, в которой речь идет не только о перехвате переговоров, но и о других следственных действиях.

Но зато ст. 100-8 УПК ФрР приводит усложненную регламентацию таких вопросов в рамках Европейского союза.

Раздел 4 части III УПК ФрР называется «**Заслушивание свидетелей**». При кажущейся простоте этого раздела хотелось бы обратить внимание на два отличия:

а) свидетели дают клятву говорить правду и ничего кроме правды (ст. 103 УПК ФрР). Если во Франции делается упор на моральное регулирование, то в России прибегают к правовому регулированию (предупреждение об уголовной ответственности – ч. 5 ст. 164 УПК РФ);

б) появляется новый субъект – *ассистированный свидетель*, которого нет в УПК РФ, хотя фигура «ассистированного свидетеля» известна в российской юриспруденции как свидетеля, имеющего право на защиту [5; 7].

Такое понимание связано с концепцией, что в демократическом государстве ведущей функцией выступает защита конституционных прав граждан, а все ветви государственной власти, как и все прочие функции государства, должны подчиняться именно этой приоритетной функции. И именно такое понимание мы находим во французском законодательстве: «любое лицо, указанное в первоначальном или дополнительном обвинении, которое не находится под следствием, может быть заслушано только в качестве ассистированного свидетеля, которому оказывается помощь» (ст. 113-1 УПК ФрР); «ассистированный свидетель не может быть подвергнут судебному надзору, домашнему аресту с электронным наблюдением, предварительному заключению, привлечению в качестве обвиняемого и т. д.» (ст. 113-5 УПК ФрР); «ассистированный свидетель не дает клятву» (опять моральное регулирование – ст. 113-7 УПК ФрР).

Раздел 5 части III «**Допросы и очные ставки**».

Любопытно содержание ст. 116-1 УПК ФрР. По общему правилу все проводимые допросы обвиняемых по уголовным делам в кабинете следственного судьи подлежат *аудиозаписи*. Конечно, из этого правила могут быть исключения, связанные с различными обстоятельствами (срочность, отсутствие технической возможности, смерть или критическое состояние субъекта и т. д.), которые подробно регламентированы.

В этой же статье предусмотрена возможность ознакомления с аудиозаписью, но только в случае заявления соответствующего ходатайства и только в объеме сделанного заявления. Но за незаконное распространение содержания аудиозаписи предусмотрена уголовная ответственность, которая наказывается лишением свободы сроком на 1 год и штрафом в размере 15 000 евро. Однако по истечении 5 лет со дня прекращения уголовного преследования аудиозапись допроса должна быть обязательно уничтожена, на что отводится срок 1 месяц.

Следственный судья проводит допрос с учетом состязательности. Это означает, что на нем имеют право присутствовать не только адвокат, но и прокурор, «который должен быть уведомлен следственным судьей не позднее чем за один день до проведения допроса» (ст. 119 УПК ФрР). А согласно ст. 120 УПК ФрР: «Во время допроса адвокат и прокурор могут задавать вопросы. Следственный судья определяет порядок имеющихся выступлений и может их прекратить, если посчитает себя достаточно проинформированным. Следственный судья может отводить вопросы, которые могут помешать надлежащему ведению дела или достоинству личности».

Таких положений нет в УПК РФ. Допрос на предварительном следствии (как и другие следственные действия) не отвечает принципу состязательности, адвокат не является равноправной стороной, а выступает в роли ходатая: «По окончании допроса он вправе делать заявления о нарушении прав и законных интересов следователя, которые подлежат занесению в протокол допроса» (ч. 5 ст. 189 УПК РФ). При состязательном же допросе сторона защиты получает больше прав, а стороне обвинения сложно оказать незаконное или тенденциозное воздействие на допрашиваемого, что актуально для России.

Раздел 6 «**Постановления и их исполнение**» состоит из 19 статей: со ст. 122 по ст. 136 УПК ФрР.

Согласно ст. 122 УПК ФрР: «Следственный судья может вынести постановления о проведении обыска, привода, розыска, задержания». Однако лишь судья по вопросам свободы может вынести постановление (ордер, распоряжение) о заключении под стражу, в чем проявляется различие их компетенции.

Статья 134 УПК ФрР: «Сотрудник, ответственный за исполнение ордера на задержание, обыск и т. д., не может входить в дом гражданина до 6 часов утра и после 9 часов вечера. То же относится и к исполнению запроса об экстрадиции или европейского ордера на арест».

Обращает на себя внимание, что это правило однозначное, без каких-либо исключений (в отличие от ч. 5 ст. 113 УПК РФ, содержащей оценочную формулировку «за исключением случаев, не терпящих отлагательства»).

Статья 136 УПК ФрР: Несоблюдение процессуальной формы (а она действительно не простая) для постановлений на явку, арест, задержание, обыск и т. д. может повлечь *дисциплинарные взыскания* в отношении следственного судьи, судьи по вопросам свободы или прокурора.

В УПК РФ даже гипотетические вопросы ответственности судей и прокуроров не регламентируются.

Раздел 9 «**Об экспертизе**» состоит из 21 статьи: ст. 156 – ст. 169-1 УПК ФрР.

Бросается в глаза, что при проведении экспертизы по французскому законодательству удачно разрешена проблема реализации принципа состязательности в более полном объеме, о необходи-

мости чего говорилось в отечественной юриспруденции [8, с. 132].

Так, экспертиза назначается следственным судьей (судом первой инстанции) либо по собственной инициативе, либо по ходатайству прокурора, либо по ходатайству сторон. Прокурор и стороны вправе сформулировать в своем ходатайстве вопросы, которые они хотели бы поставить на разрешение эксперта. Эксперты выполняют свою работу *под руководством* следственного судьи, назначившего экспертизу (ст. 156 УПК ФрР). Следственный судья может присутствовать при проведении исследования. Эксперты должны выполнять свои обязанности во взаимодействии со следственным судьей и *информировать* его о ходе исследования (ст. 161 УПК ФрР).

Ст. 156 УПК ФрР закрепляет право выбора того или иного эксперта следственным судьей по ходатайству сторон, что способствует повышению доверия последних к результатам исследования, а также создает возможность формирования смешанных комиссий экспертов, представленных как стороной обвинения, так и стороной защиты.

Согласно ст. 161-1 УПК ФрР: «Копия решения о назначении экспертизы *незамедлительно* направляется прокурору и сторонам, у которых имеется *десять дней* для обращения к следственному судье, чтобы *изменить или дополнить* вопросы, поставленные перед экспертом, или *добавить* к уже назначенному эксперту (экспертам) *другого эксперта*, выбранного из списков экспертов...»

Хотя ни УПК ФрР, ни УПК РФ не устанавливают срок проведения экспертизы, однако, во-первых, ст. 161 УПК ФрР обязывает инициатора проведения экспертизы при ее назначении указать в своем решении *срок ее выполнения*. Во-вторых, при необходимости этот срок может быть *продлен* по ходатайству экспертов и по мотивированному решению назначившего субъекта. В-третьих, эксперты, не предоставившие заключение в установленный срок, могут быть *заменены* и обязаны *отчитаться* о проведенных исследованиях. Они также должны в течение 48 часов вернуть все предметы, вещи и документы, переданные им для проведения экспертизы. К ним могут быть применены меры *дисциплинарного* характера, вплоть до *исключения* из одного или другого списка, предусмотренного ст. 157 УПК ФрР.

Ст. 157 УПК ФрР: «Эксперты выбираются из числа физических или юридических лиц, включенных в национальный список, составленный Кассационным или апелляционными судами в соответствии с Законом о судебных экспертах. В исключительных случаях суды могут своим мотивированным решением выбирать экспертов, не включенных ни в один из этих списков».

Интересным феноменом представляется форма предварительного заключения, даваемая экспертом. Согласно ст. 167-2 УПК ФрР «рассматривающий дело следственный судья может попросить эксперта предоставить предварительное заключение до его окончательного варианта».

После этого у прокурора и сторон появляется установленный следственным судьей срок, который не может быть *менее пятнадцати дней*, а в случае бухгалтерской или финансовой экспертизы, *одного месяца*, для заявления *письменных возражений* эксперту и судье по этому предварительному заключению. Принимая во внимание эти возражения, эксперт представляет свое окончательное заключение. Если замечаний нет, то предварительное заключение считается окончательным. Предварительное заключение является обязательным, если об этом ходатайствует прокурор, а в некоторых случаях и сторона защиты.

Такая регламентация в УПК ФрР института судебной экспертизы свидетельствует о том, что у стороны защиты имеется достаточно большой объем процессуальных прав для успешного участия в действительно состязательном процессе, чему отечественные правоприменители могут только позавидовать.

Раздел 10 «Недействительность сведений» состоит из 8 статей: ст. 170 – ст. 174-1 УПК ФрР.

Ходатайство об отмене всего или части решений в ходе расследования может быть подано в Следственную палату следственным судьей, прокурором, сторонами или ассистированным свидетелем (ст. 170 УПК ФрР).

Недействительным признается существенное нарушение формы, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом, которое причинило ущерб интересам заинтересованной стороны (ст. 171 УПК ФрР).

Очень сильное положение (предусматривающее добровольное разрешение противоречия) сформулировано в ст. 172 УПК РФ: «Сторона, допустившая существенное процессуальное нарушение, может отказаться от него, тем самым упорядочив процедуру. Такой отказ должен быть *ясно сформулирован*. Он может быть сделан только *в присутствии адвоката и заявителя, вызванного надлежащим образом*».

В остальных статьях этого раздела детально регламентируются многочисленные вопросы состязательной процедуры рассмотрения и принятия решения в Следственной палате: в зависимости от субъекта, подавшего ходатайство; находится ли подсудимый на свободе или в пенитенциарном учреждении; не имеется ли оснований для признания ходатайства незаконным и т. д. В любом случае основной упор делается на соблюдение состязательного характера заседания Следственной палаты.

В отличие от французского опыта только ст. 75 УПК РФ посвящена недопустимым доказательствам. В ней в самом общем виде изложены основополагающие начала признания доказательств недопустимыми, но не указана ясная процедура ее реализации различными субъектами, что делает необходимым использование сомнительного приема – толкования норм уголовно-процессуального права.

На этом глава I «О судебном следователе: юрисдикция первой инстанции» в части III

«Судебное расследование» в Книге I «О проведении уголовной политики, расследовании дел» УПК ФрР закончилась. Однако регламентация вопросов о доказательствах и доказывании будет продолжена в других разделах, и удивительно то, что речь пойдет о регламентации оперативно-розыскных мероприятий.

После части III «Судебное расследование» следует часть IV «Общие положения», где в разделе 1 «Об использовании цифровых данных для установления истины» говорится о возможности использования особых средств доказывания. Приведем некоторые выдержки из этих статей.

Статья 230-1 УПК ФрР: «При расследовании преступлений, за которые предусмотрено наказание более 2 лет лишения свободы, следственный судья, прокурор, судья могут использовать в доказывании *специальные государственные ресурсы, составляющие государственную оборонную тайну*, в соответствии с положениями настоящего раздела».

Статья 230-2 УПК ФрР: «В случае принятия соответствующего решения следственный судья, прокурор должны направить письменное ходатайство техническому органу, на который по закону распространяется режим государственной оборонной тайны, с указанием физического носителя, содержащего данные, подлежащие уточнению или их копированию. В этом ходатайстве указывается срок исполнения, который может быть продлен. В любой момент следственный судья, прокурор могут приостановить выполнение письменного ходатайства... Сведения, охраняемые как национальная оборонная тайна, могут быть переданы только на условиях соблюдения соответствующих требований Кодекса обороны».

Статья 230-4 УПК ФрР: «Решения, принятые в соответствии с этим разделом, *не носят процессуального характера и не могут быть обжалованы*».

Статья 230-5 УПК ФрР: «В соответствии с этим разделом должностные лица обязаны оказывать содействие судебным органам без ущерба для сохранения государственной оборонной тайны». Излишне говорить, что ничего подобного в УПК РФ нет.

Глава II «Полицейские справочные учеты» состоит из трех подразделов: 1) информационные базы; 2) серийные информационные базы; 3) поисковые информационные базы. Всего в главе 14 статей: со ст. 230-6 по ст. 230-19.

Отечественным правоприменителям непривычно воспринимать информационные справочные учеты как процессуальные доказательства. Но их нахождение в УПК ФрР и обладание специфическим уголовно-процессуальным статусом дают основания полагать, что это именно доказательства.

Статья 230-6 УПК ФрР: «В целях содействия раскрытию преступлений, сбору доказательств и розыску лиц, их совершивших, национальная полиция и жандармерия могут осуществлять автоматизированную обработку собираемых персональных данных по различным параметрам».

Статья 230-8 УПК ФрР: «Обработка персональных данных осуществляется *под надзором прокурора*, который вправе корректировать учетные данные».

Как это ни удивительно, но разнообразные жалобы и ходатайства по поводу автоматизированного учета направляются прокурору, который обязан их рассматривать и принимать соответствующие решения. Например, решения об удалении или исправлении личной информации, принятые прокурором, обязательны для субъектов, ответственных за обработку информации. При этом решения прокурора могут быть *обжалованы* председателю Следственной палаты.

Хотя прокурор имеет *прямой доступ* к автоматизированной обработке персональных данных, он не является единственным субъектом такого контроля.

Согласно ст. 230-9 УПК ФрР: «Судья, ответственный за мониторинг ведения и обновления автоматизированной обработки персональных данных, назначенный для этой цели Министром юстиции, также участвует в проведении автоматизированной обработки персональных данных».

Судья выполняет данную функцию по своему усмотрению или по ходатайству различных субъектов. Он обладает такими же полномочиями по удалению и исправлению персональных данных, как и прокурор.

По запросу субъектов исправления должны быть проведены в течение 2 месяцев. При выполнении этой функции судья обладает прямым доступом к автоматизированной обработке.

Решения судьи по удалению и исправлению персональных данных могут быть обжалованы Председателю Следственной палаты Апелляционного суда Парижа.

Далее в УПК ФрР прописаны гарантии от возможных злоупотреблений этими средствами. Так, ст. 230-16 УПК ФрР определяет ограниченный перечень сотрудников служб полиции, жандармерии, прокурорско-судебного корпуса, таможни, которые могут получить доступ к использованию персональных данных.

А статье 230-17 говорит о *запрете использования указанных учетов в административных целях*.

Статья 230-18 со ссылкой на Закон от 06.01.1978 говорит об исключительной компетенции совместного решения Государственного совета и Национальной комиссии по информатике и свободе вносить изменения в регламентацию таких важных вопросов, как установление порядка пользования этим разделом, определение сроков хранения учитываемых данных, процедур предоставления допуска, а также оспаривания решений прокурора и суда.

Статья 230-19 перечисляет все виды учитываемых данных в соответствии с судебными решениями. Это обширный перечень из 19 пунктов, состоящий из многочисленных ордеров, постановлений, ограничений и запретов. Например, на управление транспортным средством, на занятие

определенным видом деятельности, на появление в определенных местах, на нахождение на территории страны, на пребывание в стране, на ношение оружия, разнообразные ограничения в связи с условно-досрочным освобождением, условным освобождением, домашним арестом с электронным наблюдением и т. д.

Глава III «**Программное обеспечение** (или учет персональных данных) в судебных решениях» состоит из 7 статей: ст. 230-20 – ст. 230-27 УПК ФрР.

Статья 230-20 УПК ФрР: «В целях содействия сбору судебных доказательств по делу и установления лиц, их совершивших, национальные службы полиции, жандармерии, департамент расследования Министерства финансов могут использовать под надзором судебного органа программное обеспечение для облегчения использования и согласования информации о методах ведения оперативной деятельности этих служб в ходе:

а) предварительного (полицейского) расследования;

б) расследования убийств и исчезновений».

Статья 230-21 УПК ФрР: «Данные, используемые программным обеспечением, могут быть взяты только из судебных материалов в соответствии со ст. 230-20. Использование данных, которые косвенно раскрывают личность, должно основываться на сопоставлении с другими ранее установленными данными, используемыми программным обеспечением».

Статья 230-22 УПК ФрР мягко говорит о сроках хранения этой информации: «Любые личные данные, могущие быть раскрытыми в результате запросов или расследований, должны быть удалены: а) после завершения расследования, в любом случае не позже трехлетнего срока; б) как только расследование позволит найти пропавшее лицо или исключить любые подозрения в совершении преступления».

Статья 230-23 УПК ФрР: «Без ущерба для надзорных полномочий, определенных Национальной комиссией по информации и свободам, а также в соответствии с Законом от 06.01.1978 № 78-17 обработка персональных данных осуществляется под контролем компетентного прокурора, который в любой момент может вносить изменения. Уточнение данных может производиться по судебному решению или по просьбе заинтересованного лица. Прокурор имеет прямой доступ к программному обеспечению при исполнении своих обязанностей».

Статья 230-24 УПК ФрР: «Судья, ответственный за ведение программного обеспечения, назначенный для этого Министерством юстиции, обеспечивает правильность этих данных. Он может действовать как по собственному усмотрению, так и по заявлениям частных лиц. Для этого у него имеется прямой доступ к программному обеспечению».

Статья 230-25 УПК ФрР: «К программному обеспечению имеют доступ только: 1) специально уполномоченные сотрудники ведомств, указанных в ст. 230-20, при расследовании ими дел; 2) проку-

роры, следственные судьи и курирующие их судьи при проведении расследования; 3) надзирающий компетентный прокурор в соответствии со ст. 230-23; 4) судья в соответствии со ст. 230-24».

Статья 230-26 УПК ФрР: «Программное обеспечение не может быть использовано ни при каких условиях для административного расследования или других целей, кроме перечисленных в ст. 230-20».

Статья 230-27 УПК ФрР: «Какие-либо изменения в программное обеспечение могут быть внесены только решением Государственного совета после согласования с Национальной комиссией по информатике и свободам. В решении должны быть указаны категории нарушений, способы постановки на учет, условия выдачи разрешений на допуск к использованию».

Глава IV «**О судебно-медицинских вскрытиях**» напоминает что-то похожее на «взятие образцов» у трупа перед проведением экспертизы (которой посвящен раздел 9) и регламентирует иные действия по обращению с трупом и взаимодействию с родственниками в этот специфический период. Глава содержит 4 статьи: ст. 230-28 – ст. 230-31 УПК ФрР. Хотя ничего подобного нет в УПК РФ, но любопытно привести их содержание для создания общего впечатления.

Статья 230-28 УПК ФрР: «Судебно-медицинское вскрытие может быть назначено в рамках судебного расследования. Вскрытие может быть проведено только дипломированным или специализирующимся врачом в области судебной медицины. Во время вскрытия врач берет биологические образцы, необходимые для целей расследования. О вскрытии и взятии образцов незамедлительно должен быть уведомлен супруг, сожитель, партнер или прямой родственник умершего».

Статья 230-29 УПК ФрР: «Если после проведения судебно-медицинского вскрытия в рамках расследования сохранение тела умершего более не является необходимым для установления истины, компетентный судебный орган должен как можно скорее выдать разрешение на захоронение.

Врач, производивший судебно-медицинское вскрытие, обязан обеспечить максимально возможное восстановление тела перед его передачей ближайшим родственникам.

Родственникам умершего, если они пожелают, не может быть отказано в доступе к телу до его помещения в гроб, кроме случаев по соображению общественного здравоохранения. Доступ к телу осуществляется на условиях уважения, достоинства, приличия и гуманности.

Содержание хартии передовой практики, закрепленное в нормативных актах, информирующее семью об их правах и обязанностях, должно быть вывешено на видном месте.

По истечении месячного срока со дня вскрытия родственники умершего могут потребовать у прокурора или следственного судьи возвращения им тела покойного. Им должен быть дан письменный ответ не позднее 15 дней».

Статья 230-30 УПК ФрР: «Если биологические образцы, взятые во время вскрытия, больше не нужны для установления истины, компетентный судебный орган может распорядиться об их уничтожении.

Уничтожение производится в соответствии со ст. R 1335-11 Кодекса общественного здравоохранения.

Однако при соблюдении требований общественного здравоохранения, если образец являлся единственным элементом, который позволил идентифицировать умершего, компетентный судебный орган может разрешить его возвращение для захоронения или кремирования».

Статья 230-31 УПК ФрР: «Порядок применения положений настоящей главы определяется постановлением Государственного совета».

Глава V «**О геолокации**» (о геоположении или о поиске) состоит из 13 статей: со ст. 230-32 по ст. 230-44 УПК ФрР.

Статья 230-32 УПК ФрР: «Любые технические средства могут быть использованы для определения местоположения в режиме реального времени на всей территории страны транспортного средства, человека или любого другого объекта без его согласия, если это необходимо для: 1) расследования уголовного преступления, наказуемого не менее 3 лет лишения свободы; 2) расследования смертей или исчезновений; 3) расследования побегов...»

Статья 230-33 УПК ФрР говорит о субъектах, дающих разрешение, и сроках проведения геолокации. Например, прокурор может санкционировать эти действия на срок до 8 или до 15 дней. Дальнейшее продление осуществляется судьей по вопросам свободы и содержания под стражей до 8 дней, а по ходатайству прокурора – до 1 месяца. Этот срок может быть продлен.

В случае расследований смертей и исчезновений судья может дать разрешение на срок до 4 месяцев с возможностью продления. Общая продолжительность геолокации не может превышать 1 года, а по некоторым статьям не более 2 лет.

Решение прокурора или судьи должно быть письменно мотивировано. Но оно *не имеет юрисдикционного статуса и не может быть обжаловано*.

Статья 230-34 УПК ФрР представляет собой сложную регламентацию дачи разрешений на любые действия, связанные с досмотром обнаруженных автомобильных средств, мест их нахождения, хранения, в том числе связанных с вопросами собственности дорог, транспортных средств, помещений, оборудования и т. д. Разрешение дается судьей по вопросам свободы и нахождения под стражей по ходатайству в некоторых случаях прокурора, а в некоторых случаях следственного судьи.

Статья 230-35 УПК ФрР: «В чрезвычайных ситуациях, связанных с риском утраты доказательств расследования, нанесением серьезного ущерба лицам или имуществу, геолокация может быть начата по разрешению сотрудника полиции, который дол-

жен незамедлительно проинформировать об этом любым способом прокурора или следственного судью. Судья может распорядиться о геолокации.

Однако если речь идет о проникновении в жилое помещение, то сотрудник полиции должен получить *предварительное (!)* согласие судьи по вопросам свободы посредством ходатайства прокурора или следственного судьи.

У судьи по вопросам свободы имеется 24 часа для выдачи разрешения на проведение геолокации. Если в течение этого срока разрешение не поступает, геолокация прекращается».

Статья 230-36 УПК ФрР говорит о полномочиях следственного судьи и прокурора делать запросы на компетентных сотрудников правоохранительных органов для привлечения их к работе с техническими средствами, указанными в ст. 230-32 УПК ФрР.

Статья 230-37 УПК ФрР: «Операции, предусмотренные настоящей главой, проводятся под контролем судьи, дающего разрешение на их проведение. Если в ходе проведения будут установлены другие преступления, не предусмотренные решением судьи, это не является основанием для признания их недействительными».

Статья 230-38 УПК ФрР: «Сотрудник судебной полиции или содействующий ему сотрудник составляет протокол о каждой установке технического средства, указанной в ст. 230-32 УПК ФрР, и фиксирует ее показания. В протоколе указывается дата и время начала и окончания операции. Записи опечатываются».

Статья 230-39 УПК ФрР: «Сотрудник судебной полиции или содействующий ему сотрудник расшифровывает в протоколе полученные данные, необходимые для установления истины».

Статья 230-40 УПК ФрР: «Если в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. ... появится информация об угрозах жизни, неприкосновенности человека, членов его семьи, близких родственников, которая не является важной ни для установления истины, ни для осуществления права на защиту, то судья по вопросам свободы и содержания под стражей может по ходатайству следственного судьи принять мотивированное решение об исключении из протокола судебного разбирательства: 1) даты, времени, места установления или снятия технических средств, указанных в ст. 230-32 УПК ФрР; 2) записи данных с местонахождения, позволяющей идентифицировать лицо, участвовавшее в установке и демонтаже технических средств».

Постановление судьи приобщается к материалам уголовного дела. Информация, указанная в пп. 1, 2, заносится в другой протокол и хранится в отдельном производстве от материалов уголовного дела вместе с ходатайством следственного судьи. Эта информация регистрируется в отдельном журнале в суде».

Из содержания этой статьи видно, что кроме уголовно-процессуальной деятельности в ее традиционном понимании, судья может принимать

удивительные (с нашей точки зрения) решения об изъятии какой-либо информации из материалов уголовного дела и ее помещении в отдельное параллельное производство с не менее строгой системой учета. В российском законодательстве у судьи нет такого полномочия, а по поводу отдельного параллельного производства на ум приходит только дело оперативного учета, на которое не распространяются уголовно-процессуальные отношения.

Статья 230-41 УПК ФрР: «Обвиняемый или ассистированный свидетель может в 10-дневный срок с момента его информирования о содержании геолокации оспорить использование этой процедуры. Если будет установлено, что процедура геолокации не была проведена должным образом, не были соблюдены условия, указанные в законе, либо нарушено право на защиту, то председатель Следственной комиссии может вынести постановление об отмене геолокации. Однако если он посчитает, что знание этой информации больше не представляет угрозы для жизни, неприкосновенности лица, членов его семьи, близких родственников, он может распорядиться о приобщении запроса и материалов разбирательства к делу. Решение председателя Следственной комиссии не может быть обжаловано имеющимися материалами дела по этому вопросу».

Ст. 230-43 УПК ФрР: «Сведения о геолокации должны быть уничтожены по требованию прокурора по истечении срока давности уголовного преследования, о чем составляется акт».

Глава VI «**Национальная платформа судебных перехватов** (или прослушиваний)» состоит из единственной статьи 230-45 УПК ФрР, в которой в самом общем виде определяются основные начала этого, с российской точки зрения, оперативно-розыскного мероприятия. Нельзя сказать, что такая регламентация исчерпывающе полно определяет суть этого мероприятия. Она не столько вносит ясность, сколько делает попытку поставить под законодательный контроль это направление деятельности, имеющее прямое отношение к доказыванию. Вот содержание этой статьи:

«I. Задачи и порядок работы Национальной платформы судебных перехватов определяются декретом Государственного совета по согласованию с Национальной комиссией по информатике и свободам.

В случае технической возможности все запросы в соответствии со статьями... передаются в Национальную платформу судебных перехватов, которая координирует их исполнение.

Положения, касающиеся записей ограниченного пользования, хранящиеся в печатанном виде, не применяются к данным, хранящимся в Национальной платформе судебного перехвата.

Декрет, упомянутый в п. 1, также определяет условия, при которых сообщения или корреспонденция, собранные в соответствии со статьями..., если это технически возможно, централизуются и хранятся в Национальной платформе судебных перехватов.

II. Национальная платформа судебных перехватов контролируется компетентным лицом, которому помогает комитет, в состав которого входят член парламента и сенатор.

Задачи, состав, организация деятельности комитета определяются декретом Государственного совета».

Глава VII «**Анонимное расследование**» (или расследование под псевдонимом) тоже состоит из единственной ст. 230-46 УПК ФрР, которую тоже можно охарактеризовать, как и предыдущую. Ее содержание:

«Только с целью установления преступления или правонарушения, наказуемых лишением свободы, совершенных с использованием электронных коммуникаций, если это необходимо для расследования, сотрудники судебной полиции и субъекты, оказывающие им помощь на основании судебных поручений, могут, если они относятся к специализированным подразделениям и уполномочены распоряжением Министра юстиции и Министра внутренних дел, проводить следующие действия под псевдонимом без их привлечения к уголовной ответственности: 1) участвовать в электронных обменах, в том числе с лицами, которые могут быть организаторами этих преступлений; 2) получать и хранить доказательства с использованием этих средств об организаторах и исполнителях преступлений; 3) с разрешения прокурора или следственного судьи, ведущего дело, получать любую информацию, продукцию, вещество, образец или услугу, включая ее незаконное владение, а также передачу в ответ на незаконное предложение.

Под угрозой недействительности разрешение, предусмотренное п. 3, может быть дано любым способом, но закреплено в протоколе и приобщено к материалам дела. Санкционированные действия не должны носить *провокационного* характера для совершения таких преступлений.

Действия, указанные в настоящей статье, осуществляются под надзором прокурора или следственного судьи».

Глава VIII «**Съемка и фиксация изображений в общественных местах с помощью воздушных устройств**» состоит из 7 статей: ст. 230-47 – ст. 230-53 УПК ФрР.

Статья 230-47 УПК ФрР: «Техническое устройство может использовать воздушные камеры для получения, документирования, передачи и записи изображения одного или нескольких лиц в общественном месте без их согласия, если эти действия необходимы для: 1) расследования преступлений или проступков, наказуемых не менее 3 лет лишения свободы; 2) расследования смертей и исчезновений в соответствии со статьями...; 3) расследования побегов в соответствии со ст...»

Статья 230-48 УП ФрР: «Установка технических устройств в соответствии со ст. 230-47 разрешается: 1) при предварительном расследовании прокурором на срок не более 1 месяца с возможностью однократного продления; 2) при расследовании смертей и исчезновений следственным судьей

на срок до 4 месяцев и возможностью продления, но не более 2 лет».

Статья 230-49 УПК ФрР: «Разрешение на использование устройств в соответствии со ст. 230-47 должно содержать всю информацию о месте и продолжительности его применения.

Разрешение прокурора или следственного судьи может быть дано любым способом, но зафиксировано и приобщено к материалам дела. Оно *не имеет юрисдикционного статуса и не может быть обжаловано*».

Статья 230-50 УПК ФрР: «Действия, предусмотренные настоящей главой, осуществляются под надзором судьи, давшего разрешение. Этот судья может их прекратить в любое время.

Под угрозой отмены эти действия *не могут иметь иных целей*, кроме тех, для которых они были разрешены. Выявление других правонарушений не является основанием для признания их недействительными».

Статья 230-51 УПК ФрР: «Техническое устройство устанавливается сотрудником или агентом судебной полиции, назначенным следственным судьей или по ходатайству прокурора».

Статья 230-52 УПК ФрР: Прокурор, следственный судья, назначенный сотрудник или агент судебной полиции составляют протокол о действиях по получению, фиксации и записи этих действий. В протоколе отражается дата и время начала и окончания операции. Записи печатаются.

Сотрудник или агент судебной полиции отражают в протоколе данные, важные для установления истины. *Никакая информация о частной жизни, не связанная с целью, для которой были разрешены эти действия, не может храниться в материалах дела*».

Ст. 230-53 УПК ФрР: «Записи, собранные в ходе операции, уничтожаются по требованию прокурора по истечении срока давности уголовного преследования. Об уничтожении составляется акт».

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

В доказывании по УПК ФрР имеются как традиционно понимаемые по российскому законодательству процессуальные действия должностных лиц, которые порождают полноценные уголовно-процессуальные доказательства. К ним относятся: обыск, изъятие, перехват корреспонденции, допрос, очная ставка, экспертиза, судебные постановления. Имеются и вспомогательные (обеспечительные) действия – выезд, судебно-медицинское вскрытие.

Вместе с тем в УПК ФрР широкое распространение получили специфические действия, которые по российскому законодательству принято относить к оперативно-розыскным мероприятиям, результаты применения которых не могут считаться уголовно-процессуальными доказательствами. Это использование: цифровых персональных данных, баз полицейских справочных учетов, программного обеспечения судебных решений, геолокации, национальной платформы судебных

перехватов, анонимного расследования, съемки и фиксации изображений в общественных местах с помощью воздушных устройств.

Хотя указанные специальные средства применяются должностными лицами (сотрудниками и агентами судебной полиции, просто полиции, жандармерии, других правоохранительных органов), но обязательно под надзором прокуроров и судей. Видимо, это и позволило поместить их в УПК ФрР, что придает им не только законный характер, но и почти процессуальный. Несмотря на то, что законодатель неоднократно делает оговорки в УПК ФрР по поводу непроцессуального характера таких действий и невозможности их обжалования (ст.ст. 230-4, 230-33, 230-49), тем не менее в некоторых случаях действия должностных лиц при проведении таких действий все же могут быть обжалованы председателю Следственной палаты (ст. 230-8, 230-9, 230-41 УПК ФрР).

Отличительной особенностью УПК ФрР является *обширный перечень гарантий прав и свобод личности* при применении таких средств, неизвестный российскому законодательству. К ним относятся: прокурорский и судебный надзор; практика обжалования гражданами своих прав в связи с применением специальных средств и обязанность должностных лиц принять соответствующие меры с информированием заявителей в установленный срок (ст. 230-9 УПК ФрР); ограничительный перечень сотрудников правоохранительных органов, имеющих право применять специальные средства (ст. 230-16, 230-35 УПК ФрР); запрет использования специальных средств в административных или иных целях (ст.ст. 230-17, 230-26, 230-50 УПК ФрР); усложненная процедура (равнозначная запрету) на внесение изменений в статьи, регламентирующие порядок применения специальных средств (ст.ст. 230-18, 230-27, 230-45 УПК ФрР); установление ограничительных сроков хранения информации, полученной в ходе применения специальных средств (ст.ст. 230-22, 230-43, 230-53 УПК ФрР); установление запретов на провокационные действия (ст. 230-46 УПК ФрР) и хранение информации о частной жизни, если это не связано с целями применения специальных средств (ст. 230-52 УПК ФрР); указание на морально-этические стандарты применения специальных средств (ст. 230-29 УПК ФрР).

В российской юриспруденции вопрос о доказательственном значении непроцессуальной информации актуален и вызывает споры [9, с. 276–291]. Основными препятствиями для использования в доказывании материалов, полученных вне процессуальной формы, являются: а) неизвестность и непроверяемость источника сведений, представленных суду в качестве доказательства; б) несоответствие уголовно-процессуальным стандартам гарантий прав и свобод личности при проведении ОРМ; в) различия правовых режимов при проведении ОРМ и следственных действий.

Как это ни удивительно, но указанные препятствия отсутствуют в УПК ФрР, ибо:

а) применение специальных средств (розыскных мероприятий) регламентировано в УПК ФрР;

б) на эти мероприятия распространяется тот же правовой режим, что и на другие уголовно-процессуальные отношения;

в) эти мероприятия проводятся под усиленным надзором прокурора и суда.

Нетрудно заметить, что получается неожиданно привлекательная картина, в которой стирается граница между процессуальным и непроцессуальным в российском понимании. Исчезает необходимость деления доказательств на следственные и судебные, по поводу чего велись жаркие дискуссии, начиная от самого М. С. Строговича [10]. Если бы в российском законодательстве гипотетически появилась фигура следственного судьи, то логически мы пришли бы к осознанию, что:

доказательствами должны признаваться *любые* сведения, представленные сторонами;

следственные действия из способа формирования доказательств превратились бы в способ со-
бирания источников доказательств;

принцип состязательности получил бы свое полноценное распространение в досудебном производстве [11, с. 72].

Именно такую картину мы и наблюдаем в современном уголовно-процессуальном законодательстве Франции.

Тем не менее фигура следственного судьи не всегда воспринимается однозначно. Например, из наличия контрольной функции у суда порой делается поверхностный вывод, что «фактически следственный судья в российском уголовном процессе имеется» [12, с. 24], а «идея передачи функции расследования в ведение судебного следователя представляется бесперспективной» [12, с. 25].

Мы, конечно, не берем на себя смелость утверждать, каким образом будет развиваться в дальнейшем отечественное уголовно-процессуальное законодательство, по какому пути оно пойдет, будет ли воспринята фигура судебного следователя, ибо эти вопросы не только юридические. Но одно можно сказать точно: привлекательность УПК ФрР с ее системой доказательств и доказывания очевидна.

Библиографический список

1. Головкин Л. В. Институт преюдиции в уголовном процессе Франции: к российским дискуссиям // Закон. 2022. № 9. С. 86–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-9-86-101>.
2. Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. Москва, 2005. 130 с. URL: <https://kalinovskiy-k.narod.ru/b/gol-95.htm?ysclid=lozftc9ybx794944456>.
3. Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие по уголовным делам во Франции (основные тенденции развития): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1995. 194 с. URL: <https://www.disscat.com/content/doznanie-i-predvaritelnoe-sledstvie-po-ugolovnym-delam-vo-frantsii-osnov-tendentsii-razvitiy?ysclid=lozfv63o7340153051>.
4. Шейфер С. А. Доказательство и доказывание по уголовным делам. Москва: Норма, 2009. 240 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).
5. Аюпова З. К., Кусаинов Ж. К., Мадалиева Ж. К., Мусабаева Г. Н., Рахимова Г. Д. О формах проявления рациональности и особенности осуществления принципа процессуальной экономии в уголовно-процессуальном праве Республики Казахстан // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 661–670. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).661-670](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).661-670).
6. Ковтун Н. Н. Институт специализированных следственных судей: к дискуссии о векторах законодательной воли // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 174–182. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/gwuocqj5hp/164553688.pdf>.
7. Калиев А. А. К вопросу возникновения статуса свидетеля, имеющего право на защиту // Государство и право в изменяющемся мире: проблемы и перспективы цифровизации правовой среды: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 233–238. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53761649>. EDN: <https://www.elibrary.ru/btrijj>.
8. Зайцева Е. А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2006. 192 с. URL: <https://knigogid.ru/books/1846068-realizaciya-sostyazatelnyh-nachal-pri-primeneni-specialnyh-poznaniy-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/toread?ysclid=lozhjupx77311343392>.
9. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистратуры / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2016. 465 с. URL: <https://urait.ru/book/ugolovno-processualnoe-pravo-aktualnye-problemy-teorii-i-praktiki-393118?ysclid=lozhr2uu4m637228068>.
10. Михайловская И. Б. Соотношение судебных и следственных доказательств // Государство и право. 2006. № 9. С. 39–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9295340>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hbbunr>.
11. Лазарева В. А. Досудебное производство: перспективы развития // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-67-73>.
12. Пинок А. В. «Следственный судья» или «судебный следователь»: какая реформа нам нужна? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 24–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23032875>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tkatab>.

References

1. Golovko L. V. *Institut preyuditsii v ugovnom protsesse Frantsii: k rossiiskim diskussiyam* [The Institute of Prejudice in French Criminal Procedure: Toward the Russian Debate]. *Zakon*, 2022, no. 9, pp. 86–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-9-86-101> [in Russian].
2. Golovko L. V. *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie v ugovnom protsesse Frantsii* [Inquiry and preliminary investigation in French criminal proceedings]. Moscow, 2005, 130 p. Available at: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/gol-95.htm?ysclid=lozft9ybx794944456> [in Russian].
3. Golovko L. V. *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie po ugovnym delam vo Frantsii (osnovnye tendentsii razvitiya): dis. ... kand. yurid. nauk.* [Inquiry and preliminary investigation with regard to criminal cases in France (major trends in development): Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 1995, 194 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/doznanie-i-predvaritelnoe-sledstvie-po-ugovnym-delam-vo-frantsii-osnov-tendentsii-razvitiy?ysclid=lozfiv63o7340153051> [in Russian].
4. Sheifer S. A. *Dokazatel'stvo i dokazyvanie po ugovnym delam* [Evidence and proof in criminal cases]. Moscow: Norma, 2009, 240 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf) [in Russian].
5. Ayupova Z. K., Kussainov G. K., Madalieva Z. K., Mussabayeva G. N., Rakhimova G. D. *O formakh proyavleniya ratsional'nosti i osobennosti osushchestvleniya printsipa protsessual'noi ekonomii v ugovno-protsessual'nom prave Respubliki Kazakhstan* [On the Forms of Rationality and the Specifics of Implementing the Principle of Procedural Economy in the Criminal Procedure Law of the Republic of Kazakhstan]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2019, vol. 13, no. 4, pp. 661–670. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).661-670](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).661-670) [in Russian].
6. Kovtun N. N. *Institut spetsializirovannykh sledstvennykh sudei: k diskussii o vektorakh zakonodatel'noi voli* [The Institute of Specialized Investigating Judges: On the Discussion of Vectors of the Legislative Will]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian journal of legal studies], 2015, no. 2 (3), pp. 174–182. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/gwuoqcj5hp/164553688.pdf> [in Russian].
7. Kaliev A. A. *K voprosu vozniknoveniya statusa svidetelya, imeyushchego pravo na zashchitu* [On the Emergence of the Status of a Witness with the Right to Protection]. In: *Gosudarstvo i pravo v izmenyayushchemsya mire: problemy i perspektivy tsifrovizatsii pravovoi sredy: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [State and law in the changing world: problems and prospects for digitalization of legal environment: materials of the VIII International research and practical conference]. Nizhny Novgorod, 2023, pp. 233–238. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53761649>. EDN: <https://www.elibrary.ru/btriyj> [in Russian].
8. Zaitseva E. A. *Realizatsiya sostyazatel'nykh nachal pri primeneniі spetsial'nykh poznaniy v ugovnom sudoproizvodstve: monografiya* [Realization of adversarial principles in the application of special knowledge in criminal proceedings: monograph]. Volgograd: VA MVD Rossii, 2006, 192 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1846068-realizatsiya-sostyazatelnyh-nachal-pri-primeneniі-specialnyh-poznaniy-v-ugovnom-sudoproizvodstve/toread?ysclid=lozhjupx77311343392> [in Russian].
9. *Ugovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: uchebnik dlya magistratury. Pod red. V. A. Lazarevoi, A. A. Tarasova. 3-e izd., pererab. i dop.* [Lazareva V. A., Tarasov A. A. (Eds.) Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice: textbook for master's degree. 3rd edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2016, 465 p. Available at: <https://urait.ru/book/ugovno-processualnoe-pravo-aktualnye-problemy-teorii-i-praktiki-393118?ysclid=lozhr2uu4m637228068> [in Russian].
10. Mikhailovskaya I. B. *Sootnoshenie sudebnykh i sledstvennykh dokazatel'stv* [The correlation of court and investigation evidence]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2006, no. 9, pp. 39–47. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9295340>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hbbunr> [in Russian].
11. Lazareva V. A. *Dosudebnoe proizvodstvo: perspektivy razvitiya* [Pre-trial proceedings: prospects of development]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2019, vol. 5, no. 4, pp. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-67-73> [in Russian].
12. Piyuk A. V. «Sledstvennyi sud'ya» ili «sudebnyi sledovatel'»: kakaya reforma nam nuzhna? [«The investigating judge» or «the court investigator»: what reform do we need?]. *Ugovnaya yustitsiya* [Russian Journal of Criminal Law], 2014, no. 2 (4), pp. 24–28. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23032875>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tkatab> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-74-80

**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 343.98

Дата поступления: 06.08.2023
рецензирования: 09.10.2023
принятия: 15.11.2023**Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств****С. В. Корнакова**Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru**М. А. Осипова**Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: om1979@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые вопросы организации производства по уголовным делам, совершаемым сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников при взыскании задолженности. Положительно оценивается введение в уголовный закон новой нормы ст. 172.4 УК РФ, что, по мнению авторов, позволит усилить уровень защиты прав и законных интересов физических лиц, имеющих просроченные задолженности в кредитной сфере, в особенности в сфере микрозаймов. Отмечается, что это новый вид преступлений, к эффективному расследованию которых правоохранительные органы не вполне готовы в определенной степени ввиду недостаточной наработки практических рекомендаций по проведению следственных и иных процессуальных действий. Уделяется внимание такому аспекту, как использование специальных знаний при проведении процессуальных действий по данной категории преступлений, что обусловлено спецификой их совершения. Методология исследования заключается в использовании комплексного и информационно-аналитического метода обработки криминалистической информации, судебно-следственной практики, а также объективной оценки имеющихся в юридической литературе рекомендаций по производству процессуальных действий с привлечением специальных знаний. Представлены рекомендации по использованию помощи специалиста при производстве вербальных и невербальных процессуальных действий. Обращается внимание на большой объем проводимых по делам данной категории экспертиз, на выбор которых влияет характер рассматриваемой в статье преступной деятельности. Делается вывод о том, что специфика реализации преступной деятельности сотрудников коллекторских агентств при взыскании просроченной задолженности затрагивает значительную сферу общественных отношений, познание которой нередко является затруднительным или невозможным без использования специальных знаний.

Ключевые слова: расследование преступлений; коллекторы; взыскание просроченной задолженности; специальные знания; специалист; производство процессуальных действий; технико-криминалистические средства; назначение экспертиз.

Цитирование. Корнакова С. В., Осипова М. А. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 74–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-74-80>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

© Корнакова С. В., Осипова М. А., 2023

Светлана Викторовна Корнакова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГОУ ВО «Байкальский государственный университет», 664001, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Марина Анатольевна Осипова – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГОУ ВО «Байкальский государственный университет», 664001, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.08.2023

Revised: 09.10.2023

Accepted: 15.11.2023

Use of special knowledge in the investigation of crimes committed by employees of collection agencies**S. V. Kornakova**Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru**M. A. Osipova**Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
E-mail: om1979@mail.ru

Abstract: The article discusses some issues of the organization of proceedings in criminal cases committed by employees of collection agencies against debtors in debt collection. The introduction of a new rule of Article 172.4 of Criminal Code of Russian Federation into the criminal law is positively assessed, which, according to the authors, will strengthen the level of protection of the rights and legitimate interests of individuals with overdue debts in the credit sphere, especially in the field of microloans. It is noted that this is a new type of crime, for the effective investigation of which law enforcement agencies are not quite ready to a certain extent due to insufficient development of practical recommendations for conducting investigative and other procedural actions. Attention is paid to such an aspect as the use of special knowledge when conducting procedural actions on this category of crimes, which is due to the specifics of their commission. The methodology of the study consists in the use of an integrated and information-analytical method of processing forensic information, forensic investigative practice, as well as an objective assessment of the recommendations available in the legal literature on the production of procedural actions with the involvement of special knowledge. Recommendations on the use of specialist assistance in the production of verbal and non-verbal procedural actions are presented. Attention is drawn to the large volume of examinations conducted in cases of this category, the choice of which is influenced by the nature of the criminal activity considered in the article. It is concluded that the specifics of the implementation of criminal activities of employees of collection agencies in the collection of overdue debts affects a significant area of public relations, the knowledge of which is often difficult or impossible without the use of special knowledge.

Key words: investigation of crimes; collectors; collection of overdue debts; special knowledge; specialist; production of procedural actions; technical and forensic means; appointment of examinations.

Citation. Kornakova S. V., Osipova M. A. *Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri rassledovanii prestuplenii, sovershaemykh sotrudnikami kollektorskikh agentstv* [Use of special knowledge in the investigation of crimes committed by employees of collection agencies]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 74–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-74-80> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Kornakova S. V., Osipova M. A., 2023

Svetlana V. Kornakova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664011, Russian Federation.

Marina A. Osipova – senior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664011, Russian Federation.

По оценке исследователей, коллекторская деятельность в сфере услуг в настоящее время относится не только к одной из наиболее перспективных, но и наиболее доходных видов коммерческой деятельности [1, с. 33–34; 2]. Именно это обстоятельство ложится в основу финансово выгодного развития рынка коллекторских услуг, которое влияет на рост их количества в Российской Федерации и, как следствие, выбор коллекторами приемов и способов взыскания задолженностей. Между тем любая сфера, в которой скапливаются денежные средства, а также реализуются различные операции, приносящие прибыль, всегда попадает в область пристального внимания криминальных элементов. Именно такая ситуация складывается вокруг деятельности коллекторских агентств, осуществляющих работу с лицами, имеющими кредиторскую задолженность [3]. Анализ судебно-следственной практики показывает, что основное количество правонарушений при взыскании долга совершается сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников с образовавшейся задолженностью в системе микрозаймов. Очевидно, что такая ситуация связана с тем обстоятельством, что учреждения микрокредитования не обременяют себя судебными тяжбами, считая такой способ малоэффективным и весьма затратным, и обращаются в коллекторские агентства с целью быстрого возврата денежных средств путем продажи долгов своих клиентов. Вместе с тем правовой статус коллекторских агентств далеко не сразу был в достаточной степени определен, в связи с этим ответственность за нарушения, допускаемые в ходе взыскания долга,

не была предусмотрена, что позволяло им использовать в этих целях незаконные средства и методы.

Полагаем, что отмеченная негативная ситуация должна измениться в связи с принятием Федерального закона от 10.07.2023 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым в УК РФ введена статья 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц», вступившая в силу с 21 июля текущего года¹. Принятием данного нормативного акта законодателем, по сути, подтверждена отмечаемая многими учеными недостаточная эффективность только административной ответственности за незаконные действия коллекторов. До сих пор к сотрудникам коллекторских агентств, использующим незаконные методы осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности, уголовная ответственность применялась только за возможные последствия их действий. Привлечь таких лиц к уголовной ответственности за вымогательство (ст. 163 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), клевету (ст. 128.1 УК РФ), угрозу убийством или причинением тяжкого

¹ Федеральный закон от 10.07.2023 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.07.2023).

вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) и т. д. на практике было довольно затруднительно [4, с. 94]. Поэтому введение в УК РФ специальной нормы, предусматривающей ответственность за незаконную деятельность в том числе сотрудников коллекторских агентств, позволит усилить уровень защиты прав и законных интересов физических лиц и обеспечить неотвратимость наступления уголовной ответственности.

Между тем на сегодняшний день реакцию со стороны правоохранительных органов на допускаемые в рассматриваемой сфере нарушения, к сожалению, можно оценить как носящую выборочный, недействительный характер, что свидетельствует об их неготовности эффективно повлиять на противозаконные действия сотрудников коллекторских агентств в области взыскания просроченной задолженности с должников. Это обусловлено сложным характером проявления противоправной деятельности сотрудников коллекторских агентств, а также реакцией должников и их родственников на события и их последствия, происходящие в связи с взысканием у них задолженности. В большинстве случаев должники или их родственники обращаются в правоохранительные органы только в случае наступления тяжких для них последствий. При этом преступная деятельность, реализуемая сотрудниками коллекторских агентств, имеет продолжающийся характер, начало которой лежит за пределами уголовно-правовой квалификации, и только когда отсутствует необходимая (должная, с их точки зрения) линия поведения со стороны должников, начинает приобретать новые формы, носящие общественно опасный характер.

Исследование проблематики привлечения специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств при взыскании просроченной задолженности, осуществлялось с использованием комплексного и информационно-аналитического метода обработки криминалистической информации, изучения уголовных дел² и опубликованной судебно-следственной практики, а также объективной оценки имеющихся в юридической литературе в этом отношении рекомендаций.

Думается, что к одной из причин неготовности правоохранительных органов в условиях формирования нового вида преступной деятельности адекватно реагировать на ее проявления можно отнести отсутствие практических рекомендаций по расследованию преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников, а также рекомендаций по проведению следственных действий, обеспечивающих его эффективность. В этой связи хотелось бы обратить внимание на необходимость привлечения специалистов при производстве по уголовным делам рассматриваемой

категории уже с момента проверки сообщения о преступлении.

В частности, большой объем данных, подлежащих познанию в процессе расследования таких уголовных дел, вызывает необходимость взаимодействия следователя (дознателя) с лицами, являющимися обладателями специальных знаний. Учеными отмечается, что такое взаимодействие в рассматриваемой сфере представляет собой урегулированную законом и ведомственными актами деятельность, которая заключается в привлечении специалиста для содействия в расследовании преступлений. Исходя из законодательной дефиниции, основная задача специалиста направлена на применение имеющихся у него специальных знаний для установления подлежащих доказыванию обстоятельств в ходе уголовного судопроизводства и заключается в содействии органам предварительного расследования в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления при производстве процессуальных действий, даче консультаций и заключений по специальным вопросам, относящимся к его компетенции, обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления, предметов и документов, в применении технических средств, проведении консультаций, производстве исследований [5, с. 110]. При этом к обязательным условиям такого привлечения законом отнесены, во-первых, незаинтересованность специалиста в деле и, во-вторых, его компетентность [6, с. 86].

Прежде всего необходимость использования помощи специалиста в ходе производства процессуальных действий требуется при совершении преступлений с применением и использованием технических средств, к каковым относятся и преступления, совершаемые при возврате просроченной задолженности. В частности, с развитием социальных сетей в интернет-пространстве коллекторы активно используют их в своих целях. В отдельных случаях социальные сети используются ими как средство доставки информации, носящей угрожающий характер для должника. В других – для создания отрицательного социального образа должника или его родственников, в этих образах содержатся сведения порочащего характера. В этой связи подлежат обязательному исследованию компьютерные и технические средства, использованные для рассылки писем-угроз, их программное обеспечение, а также любые другие, обеспечивающие возможность автоматического воздействия (например, автодозвона) на абонентов. Помощь специалиста может заключаться в обнаружении таких программ, выявлении установочных данных абонентов, а также временных параметров осуществления оказанного на должника воздействия. В компьютерно-технических средствах сотрудников коллекторских агентств могут содержаться иные сведения, указывающие на определенный характер взаимоотношений между сотрудниками агентства и должниками или их родственниками. Следует отметить, что случаев оснащения компьютерно-технических

² За период с 2020 года по март 2023 года М. А. Осиповой было изучено 156 уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений сотрудниками коллекторских агентств.

средств, принадлежащих сотрудникам коллекторских агентств, в отношении которых осуществлялось расследование, программными средствами защиты информации на них выявлено не было.

При расследовании преступлений, совершаемых с применением компьютерно-технических средств, достаточно эффективно применение таких технических средств, как UFED, мобильный криминалист, XRY, MOBILedit, Тарантул и др. [7, с. 43] Как отмечается учеными, указанная криминалистическая техника позволяет работать практически с любым устройством подвижной сотовой связи, в том числе с поврежденными устройствами, навигаторами, планшетными компьютерами любой операционной системы. Данные устройства позволяют войти в систему в обход паролей и логинов (либо посредством их распознавания), работать с мобильными устройствами без аккумулятора либо отдельно с сим-картой [8, с. 99].

В частности, при раскрытии и расследовании рассматриваемой категории преступлений сотовый телефон, как преступников, так и потерпевших, является источником значительного объема информации, как доказательственной, так и ориентирующей. Вместе с тем, принимая во внимание вероятную осведомленность подозреваемых о возможности получения с мобильных устройств криминалистически значимой информации, они могут принимать меры как к уничтожению таких устройств и сим-карт, так и к их сокрытию, особенно в случаях активного противодействия расследованию. В связи с этим при проведении и осмотрах, и обысков необходимо направлять усилия на обнаружение мобильных устройств с использованием предназначенных для этого технических средств. В частности, О. П. Грибуновым рекомендуется применять с этой целью нелинейные локаторы таких моделей, как «Лорнет» соответствующих модификаций, «ORION HGO-4000», «NR-900S», «BVS WH», «Люкс» [9, с. 61].

Кроме этого, по справедливому замечанию ученых, при производстве по уголовным делам не уделяется необходимого внимания использованию результатов биллинга телефонных соединений (аналитическая обработка и детализация всей активности выбранного абонента [10, с. 18]), поэтому в материалах дел нередко отсутствуют обобщающие документы об анализе имеющих значение телефонных переговоров (времени, места и абонентов). Сложность работы, как отмечает О. П. Грибунов, заключается в массиве информации, который предоставляют абоненты систем сотовой связи, где количество номеров за определенный промежуток времени может исчисляться в тысячах. Помощь в этом может оказать АПК «Сегмент-С», позволяющий выявлять интересные группы абонентов из трафиков базовых станций и обрабатывать детализацию конкретного абонента с целью установления мест его пребывания, маршрутов передвижения и круга общения [9, с. 61].

Безусловно, использование таких современных технических средств требует наличия специаль-

ных знаний, а их применение наиболее целесообразно специалистом, которого следует привлекать к работе по извлечению информации из обнаруженных компьютерно-технических устройств.

Однако представляется, что возможности использования помощи специалистов при расследовании рассматриваемых нами преступлений не ограничиваются применением указанного выше технического оборудования. По нашему мнению, следует активно использовать помощь специалистов при производстве следственных и процессуальных действий, осуществляемых в самих коллекторских агентствах или иных финансовых учреждениях, при работе с большим объемом документов, в том числе финансовых. Действительно, сложная система взаимоотношений, складывающаяся между должниками и сотрудниками коллекторских агентств, основанная на финансово-кредитных отношениях, обуславливает необходимость изучения не только отчетных документов, имеющихся у должника (по различным причинам их перечень и наличие может быть не полным), но и документов финансовых организаций, предоставивших кредит или заем, а также коллекторского агентства. В данном случае присутствие специалиста будет способствовать изъятию и изъятию необходимых документов, имеющих отношение именно к расследуемому событию.

Кроме этого, с учетом специфики совершения рассматриваемого вида преступлений и при проведении допроса руководителей финансовых учреждений, особенно в тех ситуациях, когда имеется информация о возможной их причастности к преступлениям, совершенным их подчиненными, или возможном противодействии ввиду желания сохранить свой авторитет и авторитет своего учреждения, целесообразно использование помощи специалиста. Участие лица, имеющего специальные знания в соответствующей области, будет являться фактором, оказывающим позитивное воздействие на лиц, участвующих в производстве данного следственного действия. В частности, желание противодействовать расследованию может быть нейтрализовано ввиду демонстрации специалистом знаний в области предмета допроса.

В этой связи Н. Н. Егоров отмечает, что «специалист приглашается к участию в допросе, когда известно, что допрашиваемый имеет большой практический опыт, отлично разбирается в специальных вопросах. В связи с этим он может охотно объяснять допрашивающему сложную схему объектов и связей между ними, запутанность отчетности, выясняя тем самым его способность воспринимать смысл терминов и степень осведомленности в конкретной отрасли знаний, имея целью вывести допрашиваемого из равновесия» [11, с. 197]. Участие специалиста в таких случаях может свести на нет подобные усилия допрашиваемого. Поэтому следователю (дознавателю) надлежит заблаговременно подготовиться к привлечению необходимого специалиста к участию

в производстве данного следственного действия. Вместе с тем, к сожалению, случаев участия специалистов при производстве допросов по рассматриваемой категории преступлений нами в ходе исследования выявлено не было.

Еще более специфическим вариантом взаимодействия следователя (дознателя) при расследовании преступлений является их взаимодействие с экспертами. Обусловлено это большим объемом проводимых по делам данной категории экспертиз, а также выбором учреждений, в которых они проводятся³. Учитывая ведомственный состав следователей (дознателей), которые осуществляли расследование преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств, выбор их не ограничивался учреждениями МВД. Следователи Следственного комитета достаточно часто использовали возможности федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации (58 % всех проведенных экспертиз).

Выбор учреждения, в котором может быть произведено исследование, является правом следователя (дознателя), которым он руководствуется по своему личному убеждению, что отражено в нормативных правовых актах. Однако, с тактической точки зрения, считаем целесообразным при вынесении постановления о назначении следователем (дознателем) конкретной экспертизы, перед ее производством проконсультироваться с экспертом, имеющим знания в сфере предполагаемого исследования. Совершенно понятно, что у следователя (дознателя), ввиду особенностей правового регулирования деятельности экспертных учреждений, может не быть возможности проконсультироваться с тем экспертом, который будет проводить назначенную им экспертизу. В таком случае следователь (дознатель) может получить консультацию специалиста, имеющего познания в области будущего исследования.

Отметим, что на назначение и производство экспертиз затрачивается значительный ресурс времени расследования преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников. Обусловлено это особенностями изъятых объектов, самого указанного процесса, а также их большим количеством. При этом анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что по делам о таких преступлениях назначается большой объем различного рода экспертиз. Обусловлено это еще и тем, что на сегодняшнее время этому предшествует возможность получения образцов для сравнительного исследования, которое так же, как и назначение и производство экспертиз, предусмотрено до возбуждения уголовного дела.

Следует отметить, что в ходе предварительной проверки следователь (дознатель) получает

большой объем объектов, исследование которых возможно только в условиях экспертного учреждения. Кроме этого, необходимость назначения и производства экспертиз диктуется поступлением указанных объектов в течение всего процесса расследования.

Характер преступной деятельности в полной мере влияет на выбор следователем (дознателем) видов необходимых экспертиз. Во всех изученных нами уголовных делах (100 %) были назначены экспертизы. Это является безусловным положением, так как понять отдельные моменты механизма образования тех или иных следов иным способом невозможно. В отдельных случаях назначение экспертизы является обязательным. Так, практически во всех делах, в которых должникам или их родственникам причинялись телесные повреждения, назначались судебно-медицинские экспертизы (100 % случаев по делам данной категории).

Достаточно большой объем уголовных дел, расследуемых по делам рассматриваемой категории, связан с исследованием речи человека. Обусловлено это характером взаимодействия сотрудника коллекторского агентства и должника или его родственников (общение потерпевших посредством телефонной связи или непосредственного общения). Объектами для фоноскопической экспертизы выступали записи переговоров, полученные при производстве следственных или иных процессуальных действий, а также предоставленные самими потерпевшими (47 % изученных уголовных дел).

Огромное значение для расследования преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств, имеет назначение и производство традиционных криминалистических экспертиз. Так, в 62 % случаев назначалась почерковедческая экспертиза, в 37 % – трасологическая, в 28 % – дактилоскопическая и в 26 % назначалась технико-криминалистическая экспертиза документов. В ходе расследования данных преступлений назначались и другие виды экспертиз, диктуемые необходимостью расследования, однако они носили не системный, эпизодический характер.

Таким образом, преступная деятельность сотрудников коллекторских агентств при взыскании просроченной задолженности в рамках ее познания осуществляющим производство по делу лицом представляет собой сложный процесс, включающий многообразие вовлеченных в эту систему объектов и предметов. При этом специфика ее реализации затрагивает значительную сферу общественных отношений, познание которой невозможно без использования специальных знаний, а также реализации значительного объема процессуальных действий, в ходе которых могут применяться и использоваться научно-технические средства, направленные на выявление и приобщение всех выявленных следов преступления к материалам уголовного дела и использования их в качестве доказательств.

³ При выборе экспертного учреждения во внимание принимается вид экспертизы, ведомственная принадлежность и административно-территориальный принцип организации экспертных подразделений.

Библиографический список

1. Галкина Е. А. Проблемы правового регулирования деятельности коллекторских агентств в банковской сфере // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 65–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2-8-problemy-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-kollektorskih-agentstv-v-bankovskoy-sfere/viewer>.
2. Зеничев Н. А. Использование незаконных тактик взыскания денежных средств коллекторскими агентствами и методы борьбы с ними в странах англо-саксонской правовой семьи // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 1. С. 19. DOI: [http://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(1\).19](http://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(1).19).
3. Осипова М. А. Противоправная деятельность коллекторов в гражданском обществе как угроза общественной безопасности // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 4. С. 36–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28984350>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ykgwox>.
4. Болдырев В. А., Шмаков В. Н. Коллекторская деятельность как современный экономико-правовой феномен // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 6 (165). С. 94–104. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23574606>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tvwyud>.
5. Сергеева О. С. Некоторые проблемные аспекты использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 110–115. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29334467>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrybvh>.
6. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 4-е издание, перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 576 с. URL: <http://dso.college-balabanovo.ru/Bibl/PD/Dop/SudExpert.pdf>.
7. Титов А. А. Некоторые вопросы обнаружения и исследования компьютерной информации при раскрытии и расследовании преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 3 (37). С. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.3.39-48>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntiqzq>.
8. Рогова И. А., Бурцева Е. В. Практика применения UFED – универсального устройства для криминалистического исследования мобильных устройств // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 7–5 (16). С. 97–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-ufed-universalnogo-ustroystva-dlya-kriminalisticheskogo-issledovaniya-mobilnyh-ustroystv/viewer>.
9. Грибунов О. П. Технично-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 59–62. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25580107>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vntztr>.
10. Стрельцов И. А. Технично-криминалистическое обеспечение предварительного следствия как функция Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации // Российский следователь. 2014. № 20. С. 15–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22455970>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sxkmxn>.
11. Егоров Н. Н. Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. Москва: Юрлитинформ, 2007. 304 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20078228>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxjrfj>.

References

1. Galkina E. A. *Problemy pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti kollektorskikh agentstv v bankovskoi sfere* [Problems of legal regulation of collection agencies activity in the banking sphere]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2010, no. 3, pp. 65–67. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2-8-problemy-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-kollektorskih-agentstv-v-bankovskoy-sfere/viewer> [in Russian].
2. Zenichev N. A. *Ispol'zovanie nezakonnykh taktik vzyiskaniya denezhnykh sredstv kollektorskimi agentstvami i metody bor'by s nimi v stranakh anglo-saksonskoi pravovoi sem'i* [Use of illegal tactics of collecting monetary items by collection agencies and methods of combating them in the countries of Anglo-Saxon legal families]. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 1, pp. 19. DOI: [http://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(1\).19](http://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(1).19) [in Russian].
3. Osipova M. A. *Protivopravnaya deyatel'nost' kollektorov v grazhdanskom obshchestve kak ugroza obshchestvennoi bezopasnosti* [Illegal activities of collectors in civil society as a threat to public security]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government], 2017, no. 4, pp. 36–40. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28984350>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ykgwox> [in Russian].
4. Boldyrev V. A., Shmakov V. N. *Kollektorskaya deyatel'nost' kak sovremennyy ekonomiko-pravovoi fenomen* [Collection activity as a modern economical and legal phenomenon]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2015, no. 6, pp. 94–104. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23574606>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tvwyud> [in Russian].
5. Sergeeva O. S. *Nekotorye problemnye aspekty ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve* [Some problematic aspects of the use of special knowledge in criminal proceedings]. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2017, no. 2 (16), pp. 110–115. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29334467>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrybvh> [in Russian].
6. Rossinskaya E. R. *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom protsesse. 4-e izdanie, pererab. i dop.* [Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. 4th edition, revised and enlarged]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2018, 576 p. Available at: <http://dso.college-balabanovo.ru/Bibl/PD/Dop/SudExpert.pdf> [in Russian].

7. Titov A. A. *Nekotorye voprosy obnaruzheniya i issledovaniya komp'yuterno informatsii pri raskrytii i rassledovanii prestuplenii* [Some questions of detecting and researching computer information in solving and investigating crimes]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2022, no. 3 (37), pp. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.3.39-48>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntiqzq> [in Russian].
8. Rogova I. A., Burtseva E. V. *Praktika primeneniya UFED – universal'nogo ustroystva dlya kriminalisticheskogo issledovaniya mobil'nykh ustroystv* [Practice of using UFED – a universal device for forensic examination of mobile devices]. *Evraziiskii Soyuz Uchenykh* [Eurasian Union Of Scientists], 2015, no. 7–5 (16), pp. 97–100. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-ufed-universalnogo-ustroystva-dlya-kriminalisticheskogo-issledovaniya-mobilnyh-ustroystv/viewer> [in Russian].
9. Gribunov O. P. *Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii: ot del'nye aspekty sovremennogo sostoyaniya* [Technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes: some aspects of the current state]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia], 2016, no. 1 (23), pp. 59–62. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25580107>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vntzyr> [in Russian].
10. Strel'tsov I. A. *Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie predvaritel'nogo sledstviya kak funktsiya Glavnogo upravleniya kriminalistiki Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii* [Technical-criminalistics provision of preliminary investigation as a function of the Main Office for Criminal Investigative Technique of the Investigative Committee of the Russian Federation]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2014, no. 20, pp. 15–18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22455970>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sxkmxn> [in Russian].
11. Egorov N. N. *Veshchestvennye dokazatel'stva: ugolovno-protsessual'nyi i kriminalisticheskie aspekty* [Physical evidence: criminal procedural and criminalistic aspects]. Moscow: Yurlitinform, 2007, 304 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20078228>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxjrfj> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-81-89



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.791

Дата поступления: 17.09.2023
рецензирования: 18.10.2023
принятия: 15.11.2023

Некоторые проблемы ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, по уголовному законодательству России и Китая: сравнительно-правовой анализ

А. Н. Мяханова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: alex27-m@mail.ru

Ж. П. Гунзынов

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: gzzrl@yandex.ru

Д. В. Синьков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: dvsv@list.ru

Аннотация: В настоящей работе исследуется уголовное законодательство Российской Федерации (далее – РФ) и Китайской Народной Республики (далее – КНР) в части «отмывания» денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем. Проанализирована судебная практика России и Китая с типичными примерами названной категории дел. Приведены распространенные схемы легализации (отмывания) денежных средств, приобретённых в результате совершения преступления. Рассмотрены международные нормы и акты в исследуемой области.

Ключевые слова: легализация преступных доходов; отмывание денежных средств; уголовное законодательство Китая; уголовное законодательство России; экономическая деятельность; уголовная ответственность.

Цитирование. Мяханова А. Н., Гунзынов Ж. П., Синьков Д. В. Некоторые проблемы ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, по уголовному законодательству России и Китая: сравнительно-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 81–89. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-81-89>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мяханова А. Н., Гунзынов Ж. П., Синьков Д. В., 2023

Александра Николаевна Мяханова – доцент кафедры уголовного права и криминологии, судья в отставке, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Жаргал Паламович Гунзынов – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Дмитрий Владимирович Синьков – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.09.2023
Revised: 18.10.2023
Accepted: 15.11.2023

Some problems of liability for the legalization (laundering) of money or other property obtained by criminal means under the criminal law of China and Russia: comparative legal analysis

A. N. Myakhanova

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: alex27-m@mail.ru

Zh. P. Gunzynov

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: gzzrl@yandex.ru

D. V. Sinkov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: dvsv@list.ru

Abstract: The study analyzes the criminal legislation of the Russian Federation (hereinafter – the Russian Federation) and the People’s Republic of China (hereinafter - the PRC) in terms of «laundering» money or other property acquired by criminal means. The judicial practice of Russia and China is analyzed with typical examples of the studied category of cases. Common schemes of legalization (laundering) of funds acquired as a result of a crime are given. The international norms and acts in the studied area are considered.

Key words: money laundering; money laundering; Chinese criminal law; criminal legislation of Russia; economic activity; criminal liability.

Citation. Myakhanova A. N., Gunzynov Zh. P., Sinkov D. V. *Nekotorye problemy otvetstvennosti za legalizatsiyu (otmyvanie) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, poluchennykh prestupnym putem, po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii i Kitaya: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Some problems of liability for the legalization (laundering) of money or other property obtained by criminal means under the criminal law of China and Russia: comparative legal analysis]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 81–89. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-81-89> [in Russian].

Information on the conflict of interest: authors declare no conflict of interest.

© Myakhanova A. N., Gunzynov Zh. P., Sinkov D. V., 2023

Alexandra N. Myakhanova – associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, retired judge, Banzarov Buryat State University, 24a, Smolin Street, Ulan-Ude, 670000, Republic of Buryatia, Russian Federation.

Zhargal P. Gunzynov – senior lecturer, Department of Theory and History of Law and State, Faculty of Law, Banzarov Buryat State University, 24a, Smolin Street, Ulan-Ude, 670000, Republic of Buryatia, Russian Federation.

Dmitry V. Sinkov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of Criminal Law, Saint Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

Введение

Легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем, остается актуальной проблемой для всего мирового сообщества. По разным оценкам специалистов, объем денежных средств, ежегодно подвергающихся отмыванию во всем мире, уже превышает 1,3 трлн долларов США¹. Этот факт, безусловно, говорит об огромном ущербе экономике разных стран, который наносит преступная деятельность. Поэтому представляется необходимым исследование в том числе сравнительно-правового характера, направленное на изучение опыта разных государств в сфере борьбы с отмыванием денег для выработки наиболее эффективной стратегии противодействия данному виду преступности. Особый интерес в данном контексте представляет опыт Китая как государства с одной из самых сильных экономик мира и страны с эффективной системой противодействия экономическим преступлениям.

Несмотря на то что количество преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) (ст. 174, 174-1 УК РФ) в современный период, по официальной статистике, достаточно невелико, следует признать их высокую общественную опасность. Актуальность исследования указанной проблемы обусловлена также их угрозой для стабильного развития России. Количество осужденных, для которых ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ являлись основным составом преступления, за пятилетний период (2018–2022 гг.) составило 110 человек².

¹ Понятие и сущность легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. URL: <https://omsk.sledcom.ru/folder/876919/item/1335367> (дата обращения: 04.07.2023).

² Отчеты Судебного департамента при ВС РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2018–2022 гг. URL: sdp.russia.gov.ru/?id=79 (дата обращения: 25.07.2023).

В свою очередь 30 января 2023 г. Народный банк Китая (НБК) выпустил «Отчет о борьбе с отмыванием денег в Китае за 2021 г.», в котором, в частности, отмечается, что в 2021 году Китайский центр мониторинга и анализа по борьбе с отмыванием денег получил отчеты о крупных транзакциях и отчеты о подозрительных транзакциях от 4,453 млн подотчетных учреждений, в том числе 3,816 млн отчетов о подозрительных транзакциях, что на 47,52% больше, чем в прошлом году, а китайские прокуратуры санкционировали арест 28,938 человека по 47,025 дела, подозреваемым в отмывании денег³.

В «Трехлетнем плане действий по борьбе с нарушениями и преступлениями, связанными с отмыванием денег (2022–2024 гг.)» отмечается, что в настоящее время необходимо активизировать усилия по наказанию за преступления, связанные с отмыванием денег, предусмотренные статьей 191 Уголовного кодекса КНР, решительно пресекать распространение отмывания денег и связанных с ним преступлений, содействовать источнику, систематическому и всестороннему управлению, создавать и совершенствовать национальную систему предупреждения и контроля риска отмывания денег, а также реально защищать национальную безопасность, социальную стабильность, экономическое развитие и интересы народа⁴.

³ Китай опубликовал последний отчет о борьбе с отмыванием денег, 401 организация наказана. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/china-releases-latest-anti-money-laundering-report-401-institutions-punished?ysclid=lo5s282p4z661030219> (дата обращения: 25.07.2023).

⁴中国人民银行、公安部等11部门联合开展打击治理洗钱违法犯罪三年行动. URL: www.pbc.gov.cn/fanxianqianju/135153/135155/135157/4458995/index.html (дата обращения: 25.07.2023).

Последствия легализации наносят вред экономике, отражаются на деловой среде, а также на репутации и привлекательности финансового сектора страны [1, с. 233–234]. То, что проблема отмывания преступных доходов в настоящее время актуальна, подтверждает факт появления в марте 2022 г. изменений в законе, согласно которым неподтвержденные средства чиновников возможно обращать в доход государства (ФЗ-44): в случаях превышения задекларированного дохода за предшествующие три года над суммой, поступившей за год на счета чиновника или членов семьи, при отсутствии доказанности их законности, средства могут быть изъяты.

Интеграция России в мировое сообщество ведет и к увеличению использования иностранных банков для легализации денежных средств, полученных в результате преступлений [2].

В целях усовершенствования отечественного законодательства о противодействии легализации (отмывания) преступных доходов следует изучать законодательство и судебную практику стран с положительным опытом в этой области.

Цель исследования – провести сравнительно-правовой анализ законодательства России и Китая, а также правоприменительной практики в сфере противодействия легализации (отмыванию) денег для выявления положительного опыта борьбы с данным видом преступности.

Методика проведения исследования

При проведении исследования использовались сравнительно-правовой (анализ законодательства и правоприменительной практики России и Китая), статистические методы, метод контент-анализа публикаций в СМИ, посвященных проблеме исследования.

Результаты исследования

Как следует из официальной статистической информации, предоставленной Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, предполагаемая теоретически рассчитанная сумма легализованных денежных средств в мире только за один год составляет пять процентов мирового ВВП, в денежном выражении это сумма от одного до двух триллионов долларов США. Указанные обстоятельства подтверждают серьезность и важность такой проблемы. Разработан ряд международных правовых актов, которые устанавливают обязательства стран-участников в вопросах криминализации непосредственно самой легализации преступных доходов, создания национальных инструментов по ее предупреждению, выявлению и расследованию выявленных преступлений данного направления, а также в вопросах организации всестороннего международного сотрудничества в указанной сфере [3, с. 95].

Термин «отмывание денег» (money laundering) появился в 80-х годах XX века в США. Он применяется к процессу придания нелегально полученным денежным средствам и имуществу видимости легального.

Одним из международных стандартов в борьбе с отмыванием преступных доходов выступает Конвенция Совета Европы (1990 г.). Данный акт «усиливает» национальное законодательство в этой сфере [4, с. 398].

К основным нормативным правовым актам, регулирующим противодействие легализации преступных доходов в России, относится Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ), основой которому послужили международные соглашения [5, с. 154].

В Уголовном кодексе РФ наряду с термином «отмывание» указан другой – «легализация», под которым, по мнению некоторых авторов, понимается совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными в результате совершения преступления, либо использование их для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности [6].

По мнению Б.В. Волженкина, легализация – это финансовые операции и другие сделки, цель которых состоит в извлечении доходов от имущества, незаконность которого сокрыта [7, с. 53].

Так, Железнодорожным районным судом Республики Бурятия в 2019 г. осуждена Н. по ч. 3 ст. 159, п. «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ. Она, будучи руководителем ДНТ, могла заключать сделки и открывать счета, являться представителем своего ДНТ. Н. признана виновной в том, что зимой 2017 г. легализовала 300 тыс. руб., полученные в результате преступления. Она совершила в том числе финансовую операцию для придания правомерного вида этой сумме⁵.

В части предикатных преступлений российский законодатель закрепил их по принципу «все, кроме...», что не вызывает возражений. Вместе с тем считаем корректным используемый как в законодательстве некоторых стран, так и в международном праве термин «отмывание». Полагаем возможным исключить термин «легализация» из Уголовного кодекса России.

Также отметим, что не совсем корректно говорить только о предпринимательской деятельности в связи с тем, что легализация (отмывание) совершается в разных областях.

Так, Железнодорожный районный суд г. Улан-Удэ вынес приговор в отношении С., обвиняемого по п. «а», ч. 4 ст. 228.1, ч. 5 ст. 228.1, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. Он систематически получал преступный доход, незаконно сбывая в течение длительного периода в составе организованной группы наркотические средства. Для придания видимости законного характера полученным средствам он разработал схему их отмывания путем совершения финансовых операций. А именно, С. решил получать вознаграждение в виде криптовалюты пиринговой электронной платежной системы и

⁵ Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) № 1-623/2019.

в дальнейшем, используя интернет-обменник, конвертировать их в рубли.

К факультативному объекту, которому вред наносится в определенных случаях, следует отнести интересы собственности [8]. Совершение ряда операций, характерных для отмывания, может повлечь прекращение права собственности и иных вещных прав [9, с. 72].

К примеру, Д. осужден по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ за то, что, когда на подконтрольный ему счет ООО «МПТТК» поступило 6,2 млн рублей, полученных в результате совершения им преступления – незаконного предпринимательства, он согласно заранее придуманной схеме придал им видимость законности. В дальнейшем он использовал указанные незаконно полученные и легализованные (отмытые) денежные средства по своему усмотрению. Так, Д. обратился к сотруднику банка с поручением о перечислении денежных средств, указав при этом мнимое основание. Сотрудник банка, выполняя свои служебные обязанности, не имея преступных намерений, сформировал платежное поручение, посредством которого из денежных средств в сумме 6 200 000 рублей, поступивших на счет ООО «МПТТК», перечислены денежные средства в сумме 6 000 000 рублей на счет подконтрольного Д. юридического лица – ООО «Байкалкомплект».

Данный приговор иллюстрирует, что объектом преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие законный имущественный оборот⁶.

Цель легализации – скрыть подлинный источник дохода от противоправной деятельности, выдав за легальную прибыль, придать им новый гражданско-правовой статус законно приобретенного имущества [10, с. 84]. Под денежными средствами в контексте предмета легализации в ст. 174, 174.1 УК РФ понимаются как наличные деньги, так и безналичные денежные средства [11]. Предметом легализации не могут являться ценности, полностью изъятые из гражданского оборота.

Так, заместитель прокурора Республики Бурятия утвердил обвинительное заключение, где руководителю сельскохозяйственного предприятия Н. вменяется совершение преступлений по ч. 3 ст. 159 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ. Ей предъявлено, что она, будучи директором этой фирмы, в 2016–2017 годах в целях получения субсидии по государственной программе неоднократно подавала ложные данные о понесенных расходах. В результате ею получены деньги в сумме свыше 700 тыс. рублей, и для придания им легальности она совершила с ними финансовые операции⁷. По другому уголовному делу В. предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 187 УК РФ, ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 272 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Женщина, введя в заблужде-

ние работников банка, попросила пополнить вклад ее матери за счет средств, находящихся на вкладе мужа. При этом злоумышленница убедила банковских служащих в осведомленности владельцев вкладов о производимых операциях и подписала вместо них платежные документы. В результате фиктивных кассовых операций обвиняемая получила возможность распоряжаться неправомерно полученными средствами в сумме 7,3 млн рублей. В дальнейшем она обналичила деньги, а также придала правомерный вид владению и распоряжению ими⁸.

Термин «финансовые операции» не имеет законодательного определения в уголовном праве. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ к ним отнесены действия с денежными средствами и иным имуществом, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей. Отметим, что отсутствие однозначного определения в судебной практике приводит к ошибкам. Некоторые авторы считают, что данный термин подлежит исключению из Уголовного кодекса ввиду отсутствия определения в законодательстве.

Также отметим, что в ст. 174 и 174.1 УК РФ указаны не все способы отмывания. К примеру, приобретение, владение и использование также не охвачено объективной стороной ст. 174 и 174.1 УК РФ, из-за чего суды не усматривают в действиях лиц этого противоправного деяния [12].

Пленум Верховного Суда России (2015 г.) отнес к предметам преступлений в ст. 174 и 174.1 УК РФ денежные средства и имущество, если их незаконное приобретение является признаком преступлений, либо полученные за преступление (например, за убийство по найму) или как плату за сбыт ограниченных в обороте предметов.

Некоторые авторы считают, что субъектом преступления по статьям 174, 174.1 УК РФ должно являться совершеннолетнее лицо. Однако существуют возможности для совершения финансовых операций и иных сделок лицом младше 16 лет. При достижении 14 лет лицо может заниматься предпринимательством, в процессе деятельности совершая ряд сделок. В то время как повышение возраста ответственности может привести к вовлечению несовершеннолетних лиц в процесс отмывания.

Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати лет также вправе самостоятельно: 1) распоряжаться своими доходами; 2) вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими; 3) совершать бытовые сделки. Отметим, что данные сделки могут быть использованы и для отмывания.

Таким образом, предлагаем возраст наступления уголовной ответственности по ст. 174 и 174.1 УК РФ оставить без изменения.

По мнению некоторых авторов, следует привлекать виновных к ответственности по ст. 174 и 316 УК РФ, если виновный знал о характере

⁶ Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ (Республика Бурятия).

⁷ URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_03/search?article=66339947.

⁸ URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_03/search?article=66339947.

преступления [8]. Вряд ли можно согласиться с такой позицией в связи с излишней репрессией.

Цель придания правомерного вида закреплена в обеих анализируемых статьях [13]. Неустановленность цели «придания правомерного вида...» является одной из распространенных причин отмены приговоров по отмыванию [14].

Так, У осужден по ч. 6 ст. 290, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ за то, что в целях придания видимости законности происхождения денежным средствам, полученным преступным путем, обратился к П. с просьбой перечислить их со счета ООО «А» от ООО ЧОА «Б» на счет его ИП с указанием платежа – «оплата за товар», что не соответствовало действительности⁹. П. не был осведомлен о незаконном происхождении этих средств. У. осознавал, что он вовлекает материальные ценности, приобретенные другим лицом в результате преступления, в экономический оборот.

В Китайской Народной Республике в области противодействия отмыванию преступных доходов основополагающим нормативным документом является Закон «О противодействии отмыванию денег», который вступил в силу 1 января 2007 г. [15, с. 77].

Согласно ст. 191 УК КНР, отмыванием признается совершение лицом таких действий, как: 1) предоставление расчетного счета; 2) содействие в обращении имущества в денежные средства; 3) содействие в переводе денежных средств путем перечисления на счет и др., если ему известно о преступном происхождении доходов. Кроме этого, цель действий – сокрытие источников и характера этой деятельности [16]. Если преступление совершено организацией, применяются штрафные санкции, а их руководители также подвергаются наказанию [1].

Китай также входит в «Азиатско-Тихоокеанскую группу по борьбе с отмыванием денег» [17]. Важная роль в борьбе с легализацией отведена службе финансовой разведки Китая (часть Национального Банка), состоящей из двух департаментов: Бюро по борьбе с отмыванием преступных доходов и Центра по анализу и мониторингу противодействия отмыванию денег [18].

Народный банк Китая и Верховная народная прокуратура Китая сообщает о резонансных делах по отмыванию. Также они систематически напоминают, что помощь при переводе незаконных доходов в результате незаконного сбора средств относится к преступлениям по отмыванию. При этом окончание предикатного преступления не принимается во внимание при решении вопроса о наличии признаков состава преступления – отмывания денежных средств.

Как в России, так и в Китае способы совершения преступлений по отмыванию денежных средств

достаточно разнообразны. Преступление «отмывания денег» может принимать формы, начиная от чрезвычайно сложных комбинаций, вплоть до самых простых действий [19]. Кроме этого, такие способы совершенствуются либо появляются новые. Вместе с тем суть остается прежней: сокрытие источника и характера незаконных доходов. Отмечены такие распространенные способы, как снятие больших сумм наличными; перевод крупных сумм между многими счетами; с целью воспрепятствования изобличению искусственно делят цепочку транзакций, используя банковские платежно-расчетные операции и др. Кроме этого, при отмывании преступных доходов используют обмен, векселя, аккредитивы, а также платежи третьей стороне. У организованных профессиональных групп методы отмывания преступных средств более изощренные. Вместе с тем, по мнению некоторых авторов, появление цифрового рубля будет содействовать раскрытию преступлений, являющихся предикатными к легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем [20].

Народный банк Китая и Верховная народная прокуратура также отмечают системную работу межведомственного сотрудничества по борьбе с отмыванием денег и наличие результатов¹⁰.

К примеру, отдел общественной безопасности г. Синьми изобличил мошенничество, где использованы цифровые юани для отмывания денег в целях избежать преследования. Это случай считается первым в привлечении цифрового юаня для отмывания преступных доходов в Китае. Цифровой юань за последние два года становится все более востребованным в стране, что вызывает обеспокоенность властей. В 2014 г. Народный банк Китая создал группу по исследованию сферы применения легальной цифровой валюты, а именно структуры, технологий, обращения и международного опыта. В 2016 г. учрежден научно-исследовательский институт цифровой валюты для завершения создания прототипа системы легальной цифровой валюты первого поколения.

«Белая книга о прогрессе исследований и разработок цифрового юаня в Китае» опубликована в середине 2021 г. В ней отражено, что к лету 2021 г. реализовано около полутора миллионов пилотных сценариев цифровых юаней: оплата, услуги общественного питания и транспорт. В сфере покупок и государственных услуг открыто около 21 млн личных кошельков и около 4 млн корпоративных кошельков, количество транзакций в целом превысило 70 млн, итоговая сумма составляет около 35 млрд юаней.

Параллельно с указанным увеличением кошельков новая валюта стала привлекать преступников. Случаи отмывания преступных доходов с использованием цифровых юаней, кроме указанного в г. Синьми, указаны в полицейских отчетах по всей стране.

⁹ Уголовное дело № 1-182/2019. «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: http://sovetsky.bur.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=744 (дата обращения: 01.01.2022).

¹⁰ Источник: China Financial News Network 作者: 记者曹勇通讯员景小龙阿兰·巴合提别克肖若哈发布日期 2022-03-15 14:40.

Так, в аккаунте WeChat Бюро общественной безопасности Тибетского автономного округа Ганзи (провинция Сычуань) Ping An Ganzhi указано, что в октябре 2021 г. жертвой мошенников стал гражданин Ван. Он загрузил приложение Digital RMB и перевел преступникам на цифровой счет 100 000 юаней.

В другом случае весной 2022 г. осуждена компания Guangdong Huika Business Service Co., Ltd. за пособничество киберпреступной деятельности, а именно трансграничной азартной игре. Виновными «отмыто» более четырех млрд юаней. Приговор вынесен в отношении четырнадцати человек¹¹. Этот случай стал показательным в борьбе полиции с отмыванием средств в области, связанной с азартными играми.

Следующим примером может служить дело Ли Моухуа, который с 2013 по 2020 г., будучи заместителем начальника центра информационного обеспечения управления гражданской ПВО, с соучастниками похитили около миллиарда юаней. Суд приговорил его к тюремному заключению со штрафом в полмиллиона юаней за взятки и мошенничество в государственных закупках. В 2015 г. с целью сокрытия взятки и придания видимости законности полученным средствам он подписал фиктивный договор об установке и послепродажном обслуживании оборудования с С.¹²

В апреле 2022 г. Бюро общественной безопасности автономного округа Вуфэн Туцзя провинции Хубэй информировало о расследовании уголовного дела в отношении 28 студентов колледжа, вовлеченных в мошенничество и отмывание денежных средств. Расследование начато в декабре 2021 г. после проверки сообщения в отношении Джи Бина, второкурсника колледжа в Цзинчжоу, на банковскую карту которого поступала и выводилась большая сумма денег. В ходе допроса он признался, что двое друзей предложили ему предоставить свою банковскую карту незнакомым людям, чтобы «отмывать деньги» за комиссию в размере 3 % от оборота. Позже были установлены остальные студенты, которые согласились участвовать в отмывании денежных средств. Отметим, что общая сумма легализованных средств достигает более 3 млн юаней, но в среднем один студент получил максимальную прибыль в размере не более 3000 юаней. Полиция предала этот случай широкой огласке в целях удержания других молодых людей от участия в подобных схемах. Такие случаи вовлечения молодежи в преступные схемы не редкость и в России.

При расследовании предикатных преступлений по отмыванию денежных средств органами прокуратуры Китая реализуется механизм, в котором оценка уголовных дел с обвинительными приговорами сочетается с исследованием фактических обстоятельств по отмыванию денег.

В середине марта 2021 г. Верховная народная прокуратура и Народный банк Китая сообщили о нескольких делах по преступлениям с отмыванием денег. При этом указали, что выбраны дела с пространственными методами отмывания денежных средств по разным предикатным преступлениям. В одном из указанных дел сообщается о привлечении к уголовной ответственности двух сотрудников за содействие своему начальнику в отмывании денег. Доходы, признанные незаконными, конфискованы. Примечательно, что на отделение банка, которое также содействовало преступному деянию, наложен штраф в несколько миллионов долларов¹³.

Директор Бюро по борьбе с отмыванием денег Народного банка Китая подчеркивает, что банк, используя информацию, передаваемую им судами, активно содействует борьбе с отмыванием денег. Проводятся проверки на предмет выполнения учрежденными своими обязанностями по борьбе с отмыванием денег, выявления рисков и наказания виновных учреждений и руководителей.

Основные результаты и выводы

И в России, и в Китае способы совершения преступлений по отмыванию преступных доходов разнообразны и постоянно меняются. Необходимо разрабатывать инновационные подходы в процессе противодействия теневому сегменту экономики страны в целом и механизмов противодействия легализации доходов, нажитых преступным путем, в частности. Китайский подход в этой области направлен на ужесточение борьбы с подобными преступлениями и системный принцип (усиление уголовной ответственности за данную категорию дел, принятие комплекса новых нормативных актов по противодействию легализации и пр.).

Со стороны Российской Федерации необходимо в сложившихся новых реальных экономических условиях проанализировать данные нормы УК РФ на предмет их соответствия положениям смежных нормативных актов, устранить имеющиеся противоречия.

Совершенствование действующего уголовного законодательства России в части ответственности за отмывание целесообразно также в следующих направлениях. Одно из них касается дуализма в наименовании соответствующей группы преступлений, который необходимо исключить. Основываясь на общепризнанных принципах и нормах международного права, рассматриваемую разновидность преступлений следует именовать только «отмыванием» криминальных доходов. Другое направление связано с уточнением признаков объективной стороны преступлений, предусмотренных в ст. 174 и 174.1 УК РФ, в том числе путем расширения круга способов отмывания, включая приобретение, владение и использование приобретенных преступным путем денежных средств или иного имущества.

¹¹ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1728157946275152302&wfr=spider&for=pc>.

¹² URL: <http://finance.sina.com.cn/money/fund/jjzl/2022-03-23/doc-imcwpii0120756.shtml>.

¹³ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1694716120911254367&wfr=spider&for=pc>.

Отмывание денег модифицируется, принимая новые криминальные формы и приспособляясь к изменяющимся банковским, финансовым и иным экономическим отношениям. Поэтому уголовно-правовая борьба с ним должна вестись на комплексной основе с использованием всего арсенала уголовно-правовых средств и возможностей современного права.

Библиографический список

1. Филатова И. В. Применение риск-ориентированного подхода в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 233–236. DOI: <http://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10055>.
2. Безверхов А. Г., Кривокапич Б. Противодействие легализации (отмыванию) криминальных доходов: комплексно-правовой подход // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 194–204. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.194-204>. EDN: <https://elibrary.ru/sbjaeef>.
3. Урядов Ю. Ю. Правовые основы международного взаимодействия при противодействии легализации доходов, полученных преступным путем // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 94–100. URL: https://www.eurasian-advocacy.ru/nomera/6_49_2020.pdf.
4. Макаров А. В., Жукова А. С., Макаренко Т. Д. Проблемы уголовно-правового противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 396–406. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(3\).396-406](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(3).396-406).
5. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 151–157. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10281>. EDN: <https://elibrary.ru/kchoue>.
6. Шмелева О. Г., Муксинова А. Ф. Понятие и правовая сущность легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59). С. 26–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42670341>. EDN: <https://elibrary.ru/wlxrro>.
7. Быстрова Ю. В. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: уголовно-правовая и криминологическая характеристики // Вестник ОрелГИЭТ. 2009. № 4 (10). С. 51–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17094048>. EDN: <https://elibrary.ru/okbunv>.
8. Филатова М. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 5. С. 84–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legalizatsiya-otmyvanie-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennyh-prestupnym-putem-nekotorye-aspekty-obo-znacheniya-v/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18272523>. EDN: <https://elibrary.ru/pjwhpl>.
9. Филатова М. А. Объект посягательства в легализации (отмывании) имущества, полученного преступным путем // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 2. С. 61–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-posyagatelstva-v-legalizatsii-otmyvanii-imuschestva-poluchennogo-prestupnym-putem/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21559048>. EDN: <https://elibrary.ru/sduevn>.
10. Жамбалов Д. Б. Особенности криминологической характеристики легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 83–88. URL: <https://slh-journal.isu.ru/ru/article?id=270>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=43090425>. EDN: <https://elibrary.ru/oektoc>.
11. Кривов А. В. Уголовно-правовая характеристика легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). С. 143–150. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29373144>. EDN: <https://elibrary.ru/ysubzb>.
12. Бояринцев А. Н. Специфика выявления и проведения предварительной проверки легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, совершенной в форме незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2018. № 2 (11). С. 51–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36969326>. EDN: <https://elibrary.ru/yxfefv>.
13. Тюнин В. И., Бадзардзе Т. А. Содержание понятия «цель легализации» в статье 174.1 Уголовного кодекса РФ и проблемы квалификации преступлений // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 4. С. 133–141. URL: <https://giefjournal.ru/node/1811>.
14. Емцева К. Э. Спорные вопросы квалификации преступлений в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30) С. 119–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-kvalifikatsii-prestupleniy-v-sfere-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennyh/viewer>.
15. Григорьева Н. Л. Опыт зарубежных стран в противодействии легализации денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем: проблемы и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 29 (283). С. 75–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-zarubezhnyh-stran-v-protivodeystvii-legalizatsii-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-poluchennyh-prestupnym-putem-problemy-i/viewer>.
16. Хуан Даосю. Террористические преступления в Китае и противодействие терроризму // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2014. Т. 16, № 1–2. С. 166–174. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22786338>. EDN: <https://elibrary.ru/teqmad>.

17. Морозов В. Г. Китайский опыт борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4–2. С. 136–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-opyt-borby-s-legalizatsiyey-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem/viewer>.
18. Филиппов Е. В. Сапрыкина О. А. Этапы формирования нормативной базы и опыт зарубежных стран в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма // Общество, экономика, менеджмент и право. 2018. С. 137–141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39820428>. EDN: <https://elibrary.ru/uhfuco>.
19. Харченко О. В. Криминологическое исследование преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 1. С. 26–38. EDN: <https://doi.org/10.26163/GIEF.2022.15.93.004>. EDN: <https://elibrary.ru/nzwxoh>.
20. Чуйков А. С., Кричевец Е. А. Влияние цифрового рубля на эффективность противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма // Друкеровский вестник. 2022. № 1 (45). С. 269–278. DOI: <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-1-269-278>. EDN: <https://elibrary.ru/gffbwh>.

References

1. Filatova I. V. *Primenenie risk-orientirovannogo podkhoda v tselyakh protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem* [Application of a risk-based approach to counteract the legalization (laundering) of proceeds from crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 1, pp. 233–236. DOI: <http://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10055> [in Russian].
2. Bezverkhov A. G., Krivokapich B. *Protivodeystvie legalizatsii (otmyvaniyu) kriminal'nykh dokhodov: kompleksno-pravovoy podkhod* [The counteraction to legalization (laundering) of criminal incomes: a comprehensive legal approach]. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2020, no. 10 (74), pp. 194–204. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.194-204>. EDN: <https://elibrary.ru/sbjaef> [in Russian].
3. Uryadov Yu. Yu. *Pravovye osnovy mezhdunarodnogo vzaimodeystviya pri protivodeystvii legalizatsii dokhodov, poluchennykh prestupnym putem* [International legal regulation of counteraction to the legalization of criminally obtained income]. *Evraziyskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2020, no. 6 (49), pp. 94–100. Available at: https://www.eurasian-advocacy.ru/nomera/6_49_2020.pdf [in Russian].
4. Makarov A. V., Zhukova A. S., Makarenko T. D. *Problemy ugolovno-pravovogo protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem* [Problems of criminal-law counteraction to the legalization (laundering) of proceeds from crime]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2018, vol. 12, no. 3, pp. 396–406. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(3\).396-406](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(3).396-406). (In Russ.)
5. Bogdanov A. V., Il'inskiy I. I., Khazov E. N. *Protivodeystvie legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh nezakonnym putem* [Counteraction to the legalization (laundering) of illegally obtained income]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 5, pp. 151–157. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10281>. EDN: <https://elibrary.ru/kchoue> [in Russian].
6. Shmeleva O. G., Muksinova A. F. *Ponyatie i pravovaya sushchnost' legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem* [Concept and legal essence of the money laundering and the illicit proceeds]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1 (59), pp. 26–30. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42670341>. EDN: <https://elibrary.ru/wlxrro> [in Russian].
7. Bystrova J. V. *Legalizatsiya denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristiki* [Cash assets or other property criminally obtained: penal and criminological characteristics]. *Vestnik OrelGIET* [OrelSIET bulletin], 2009, no. 4, pp. 51–58. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17094048>. EDN: <https://elibrary.ru/okbunv> [in Russian].
8. Filatova M. A. *Legalizatsiya (otmyvanie) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem: nekotorye aspekty oboznacheniya v rossiyskom i zarubezhnom prave* [Legalization of money (money laundering) or other property acquired by criminal means: some aspects of the notation in foreign and Russian law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11. Law], 2012, no. 5, pp. 84–94. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/legalizatsiya-otmyvanie-denezhnykh-sredstv-ili-inogo-imushchestva-priobretennykh-prestupnym-putem-nekotorye-aspekty-obo-znacheniya-v/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18272523>. EDN: <https://elibrary.ru/pjwhpl> [in Russian].
9. Filatova M. A. *Ob "ekt posyagatel'stva v legalizatsii (otmyvanii) imushchestva, poluchennogo prestupnym putem* [Object encroachment in the legalization (laundering) of property obtained by crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11. Law], 2014, no. 2, pp. 61–73. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-posyagatelstva-v-legalizatsii-otmyvanii-imushchestva-poluchennogo-prestupnym-putem/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21559048>. EDN: <https://elibrary.ru/sduevn> [in Russian].
10. Zhambalov D. B. *Osobennosti kriminalisticheskoy kharakteristiki legalizatsii (otmyvaniya) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem* [Peculiarities of criminalistic characteristics of legalization (laundering) of incomes received by criminal way]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* [Siberian Law Herald], 2020, no. 2 (89), pp. 83–88. Available at: <https://slh-journal.isu.ru/ru/article?id=270>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=43090425>. EDN: <https://elibrary.ru/oektoc> [in Russian].

11. Krivov A. V. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika legalizatsii denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem* [Criminal law description of legalization of illegally obtained money resources or other property]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule of Law State: Theory and Practice], 2017, no. 2 (48), pp. 143–150. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29373144>. EDN: <https://elibrary.ru/ysubzb> [in Russian].
12. Boyarintsev A. N. *Spetsifika vyyavleniya i provedeniya predvaritel'noy proverki legalizatsii (otmyvaniya) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, sovershennoy v forme nezakonnogo obrazovaniya (sozdaniya, reorganizatsii) yuridicheskogo litsa* [Specifics of identifying and conducting a preliminary check of the legalization (laundering) of proceeds from crime, committed in the form of illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity]. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii*, 2018, no. 2 (11), pp. 51–57. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36969326>. EDN: <https://elibrary.ru/yxfvfv> [in Russian].
13. Tyunin V. I., Badzgaradze T. A. *Soderzhanie ponyatiya «tsel' legalizatsii» v stat'e 174.1 Ugolovnogo kodeksa RF i problemy kvalifikatsii prestupleniy* [The Content of the Concept of «The Purpose of Legalization» in art. 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Problems of Qualification of Crimes]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* [Journal of Legal and Economic Studies], 2021, no. 4, pp. 133–141. Available at: <https://giefjournal.ru/node/1811> [in Russian].
14. Emtseva K. E. *Spornye voprosy kvalifikatsii prestupleniy v sfere legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem* [Controversial questions of qualification of crimes in the field of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA], 2015, no. 4 (30), pp. 119–121. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-kvalifikatsii-prestupleniy-v-sfere-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imushchestva-priobretennyh/viewer> [in Russian].
15. Grigoryeva N. L. *Opyt zarubezhnykh stran v protivodeystvii legalizatsii denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, poluchennykh prestupnym putem: problemy i perspektivy* [Experience of foreign countries in counteracting the legalization of funds or other property obtained by criminal means: problems and prospects]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 29 (283), pp. 75–80. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-zarubezhnyh-stran-v-protivodeystvii-legalizatsii-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imushchestva-poluchennyh-prestupnym-putem-problemy-i/viewer> [in Russian].
16. Huang Daoxiu. *Terroristicheskie prestupleniya v Kitae i protivodeystvie terrorizmu* [Terrorist crime in China and struggle against terrorism]. *Aziatsko-tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law], 2014, vol. 16, no. 1–2, pp. 166–174. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22786338>. EDN: <https://elibrary.ru/teqmad> [in Russian].
17. Morozov V. G. *Kitayskiy opyt bor'by s legalizatsiey dokhodov, poluchennykh prestupnym putem* [Chinese experience of struggle against legalization of criminal incomes]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and business: theory and practice], 2019, no. 4–2, pp. 136–140. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-opyt-borby-s-legalizatsiey-dokhodov-poluchennyh-prestupnym-putem/viewer> [in Russian].
18. Filippov E. V., Saprykina O. A. *Etapy formirovaniya normativnoy bazy i opyt zarubezhnykh stran v oblasti protivodeystviya legalizatsii dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniya terrorizma* [Stages of formation of the regulatory framework and the experience of foreign countries in the field of combating the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism]. *Obshchestvo, ekonomika, menedzhment i pravo* [Society, Economics, Management and Law], 2018, pp. 137–141. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39820428>. EDN: <https://elibrary.ru/uhfuco> [in Russian].
19. Kharchenko O. V. *Kriminologicheskoe issledovanie prestupleniy, svyazannykh s legalizatsiey (otmyvaniem) denezhnykh sredstv* [Criminological study of crimes related to money laundering]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* [Journal of Legal and Economic Studies], 2022, no. 1, pp. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.26163/GIEF.2022.15.93.004>. EDN: <https://elibrary.ru/nzwxoh> [in Russian].
20. Chuikov A. S., Krichevets E. Al. *Vliyaniye tsifrovogo rublya na effektivnost' protivodeystviya otmyvaniyu dokhodov i finansirovaniyu terrorizma* [Impact of the digital ruble on the efficiency of anti-money laundering and terrorism financing]. *Drukerovskiy vestnik* [Drukerovskiy vestnik], 2022, no. 1 (45), pp. 269–278. DOI: <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-1-269-278>. EDN: <https://elibrary.ru/gfbwh> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-90-94



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.62

Дата поступления: 06.09.2023
рецензирования: 08.10.2023
принятия: 15.11.2023

Вопрос о совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка по-прежнему актуален

Т. Н. Нуркаева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

Аннотация: В статье показано, что хотя с момента введения в УК РФ 1996 г. привилегированного состава – убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106) – прошло более 25 лет, по-прежнему актуальными остаются взаимосвязанные вопросы законодательной регламентации данного состава преступления и квалификации этих преступлений; изложена авторская позиция по ряду моментов, касающихся совершенствования законодательной конструкции рассматриваемого состава преступления. В частности, отстаивается мнение, что ключевым условием для вменения ст. 106 УК РФ являются изменения (отклонения) в психике женщины, которые происходят под влиянием особенностей протекания ее беременности и родов либо под влиянием иных внешних обстоятельств, способных травмировать психику женщины (психотравмирующих обстоятельств), когда она сохраняет контроль над своим поведением; утверждается, что ст. 106 УК РФ не должна распространяться на тех женщин, умысел которых на убийство своего будущего ребенка сформировался еще в период беременности, последнее противоречит сути привилегированного состава преступления; предлагается из диспозиции ст. 106 УК РФ исключить термин «новорожденный», поскольку его буквальное толкование необоснованно ограничивает применение данного состава преступления.

Ключевые слова: законодательная техника; состав преступления; привилегированный состав преступления; основания понижения степени общественной опасности преступления; убийство матерью новорожденного ребенка; заранее обдуманый умысел; убийство двух или более новорожденных.

Цитирование. Нуркаева Т. Н. Вопрос о совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка по-прежнему актуален // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 90–94. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-90-94>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нуркаева Т. Н., 2023

Татьяна Николаевна Нуркаева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.09.2023
Revised: 08.10.2023
Accepted: 15.11.2023

Question of improving the legislative structure of the composition of the murder of a newborn child by a mother is still relevant

T. N. Nurkaeva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

Abstract: The article shows that although more than 25 years have passed since the introduction of the privileged composition into the Criminal Code of the Russian Federation in 1996 – the murder of a newborn child by a mother (Article 106), interrelated issues of legislative regulation of this corpus delicti and the qualification of these crimes remain relevant; the author's position on a number of points concerning the improvement of the legislative structure of the considered the composition of the crime. In particular, the opinion is defended that the key condition for imputation of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation are changes (deviations) in the psyche of a woman that occur under the influence of the peculiarities of the course of her pregnancy and childbirth, or under the influence of other external circumstances that can injure the psyche of a woman (traumatic circumstances) when she retains control over her behavior, That Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation should not apply to those women whose intent to kill their unborn child was formed during pregnancy, the latter contradicts the essence of the privileged corpus delicti; it is proposed to exclude the term «newborn» from the disposition of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation, since its literal interpretation unreasonably restricts the use of this corpus delicti.

Key words: legislative technique; corpus delicti; privileged corpus delicti; grounds for lowering the degree of public danger of a crime; murder of a newborn child by a mother; premeditated intent; murder of two or more newborns.

Citation. Nurkaeva T. N. *Vopros o sovershenstvovanii zakonodatel'noy konstruktсии sostava ubiystva mater'yu novorozhdenного rebenka po-prezhnemu aktualen* [Question of improving the legislative structure of the composition of the murder of a newborn child by a mother is still relevant]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 90–94. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-90-94> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Nurkaeva T. N., 2023

Tatyana N. Nurkaeva – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

С момента введения в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) привилегированного состава – убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), субъектом которого являются только женщины, прошло более 25 лет. За это время защищено немало диссертаций, предметом критического рассмотрения которых прямо или косвенно являлась данная статья уголовного закона. Однако на законодательном уровне ничего не изменилось. По-прежнему актуальными, вызывающими споры в теории и судебной практике, остаются взаимосвязанные вопросы законодательной регламентации данного состава преступления и квалификации этих преступлений. Эти преступления, относясь к привилегированным видам убийства, обладают достаточно высокой степенью общественной опасности, являются резонансными. Хотя согласно официальной статистике их показатели невелики, можно предположить, что они в определенной мере занижены в силу латентности данных преступлений [1, с. 4]. Эти и другие моменты объясняют, почему интерес к данному составу преступления в теории уголовного права не ослабевает и в настоящее время.

Остановимся подробнее на некоторых проблемах, связанных с применением данной статьи уголовного закона.

Для вменения любого привилегированного состава преступления принципиальное значение имеет законодательное определение оснований, которые существенным образом понижают степень общественной опасности содеянного. Исходя из буквального толкования ст. 106 УК РФ, к такому относятся: 1) временной период совершения роженицей убийства новорожденного (во время родов или сразу после родов), 2) наличие психотравмирующей ситуации или 3) состояние психического расстройства женщины, не исключающего ее вменяемости; причем каждое из этих оснований имеет самостоятельное значение.

Однако в теории уголовного права эта формулировка закона давно и справедливо критикуется [2, с. 67; 3, с. 136; 4, с. 111–115]. Выскажем авторскую позицию по этим и другим моментам, касающимся законодательной конструкции рассматриваемого состава преступления.

Для целей ст. 106 УК РФ нельзя признавать основаниями, существенным образом понижающими степень общественной опасности содеянного, обстоятельства, которые не уменьшают степень вины женщины и не сопровождаются отклонениями в ее психике.

Так, по поводу первого обстоятельства (во время или сразу после родов) полагаем, что роды женщины сами по себе не являются универсальным основанием для вменения привилегированного состава преступления (ст. 106 УК РФ). Ведь состояние беременности и родов обычно не вызывает такого рода изменения (отклонения) психики, под влиянием которых женщина совершает убийство своего новорожденного ребенка. По этому поводу Л. А. Кудаева, основываясь на проведенном ею социологическом опросе женщин, предлагает учитывать, что болевой порог у всех людей разный и некоторые женщины во время родов могут не испытывать сильных болевых ощущений и психофизических страданий [5, с. 135–136]. Следовательно, при отсутствии явно выраженных изменений в психике роженицы, непосредственно влияющих на совершенное ею убийство новорожденного, содеянное не может квалифицироваться по ст. 106 УК РФ.

Небесспорным является и положение закона, устанавливающего в качестве самостоятельной причины для вменения ст. 106 УК РФ наличие психотравмирующей ситуации. Справедливости ради отметим, что большинство указанных выше авторов разделяют позицию закона. Между тем, на наш взгляд, не сама психотравмирующая ситуация как факт объективной действительности обуславливает вменение ст. 106 УК РФ (ведь многие женщины в аналогичной ситуации не совершают подобные преступления), а те отклонения в психике женщины (вплоть до психического расстройства, не исключающего ее вменяемости), которые возникают под влиянием этой ситуации.

Среди существующего многообразия мнений нам наиболее импонирует позиция К. В. Дядюн, которая связывает применение ст. 106 УК РФ только с состоянием психического расстройства женщины, не исключающего ее вменяемости, вызванного влиянием родового процесса и связанных с ним обстоятельств [6, с. 14–19]. *Состояние психического расстройства роженицы, не исключающего ее вменяемости, действительно является наиболее общим понятием, охватывающим собой все возможные варианты отклонений в психике женщины, степень и глубина которых может быть разной, главное, чтобы она (женщина) сохраняла контроль над своим поведением.* Вместе с тем, по справедливому замечанию Л. А. Кудаевой, предложенная К. В. Дядюн формулировка нуждается в уточнении, поскольку психотравмирующую ситуацию могут спровоцировать не только роды,

но и обстоятельства, не связанные с беременностью и родами (например, смерть близкого человека) [5, с. 136].

Исходя из сказанного выше, считаем, что ключевым условием вменения ст. 106 УК РФ являются изменения (отклонения) в психике женщины, которые происходят под влиянием особенностей протекания ее беременности и родов либо под влиянием иных внешних обстоятельств, способных травмировать психику женщины (психотравмирующих обстоятельств) при условии, что она (женщина) сохраняет контроль над своим поведением.

Если таких данных нет, а умысел на убийство своего будущего ребенка у роженицы сформировался еще в период ее беременности, то есть заранее, то закономерно возникает практически важный вопрос: как момент возникновения умысла влияет на понимание степени вины и, соответственно, на квалификацию при совершении матерью убийства новорожденного ребенка?

Уголовный закон не содержит прямого ответа на этот вопрос, а в теории он решается по-разному. Так, С. В. Тасаков, Л. А. Кудаева предлагают убийство с заранее обдуманым умыслом относить к привилегированному убийству, предусмотрев за него более строгое наказание [1, с. 12; 7, с. 13].

Противоположного мнения придерживаются Н. А. Лопашенко, А. П. Штанькова и др. В частности, по мнению Н. А. Лопашенко, норма, предусмотренная ст. 106 УК РФ, является несправедливой, поскольку заранее обдуманное и спланированное убийство матерью своего новорожденного ребенка нельзя относить к привилегированному составу [8, с. 451].

Развивая эту мысль, А. П. Штанькова предлагает ввести в диспозицию ст. 106 УК РФ термин «непредумышленное убийство» [9, с. 13].

Разделяя последнюю точку зрения, считаем, что ст. 106 УК РФ не может распространяться на тех женщин, у которых умысел на убийство своего будущего ребенка сформировался еще в период беременности, что противоречит сути привилегированного состава преступления. Особенно наглядно это проявляется в случаях убийства новорожденного женщинами, ведущими аморальный образ жизни, которым ребенок изначально был не нужен, они хладнокровно готовились к лишению его жизни, что и совершили сразу после родов.

Не менее важным является вопрос определения начального момента жизни человека и его соотношения с термином «новорожденный ребенок». Начальный момент жизни связан с моментом рождения ребенка и на законодательном уровне определен как момент отделения плода от организма матери посредством родов (ст. 53 ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Однако эта формулировка закона нуждается в уточнении. Очевидно, что пока ребенок не подал признаков жизни, свидетельствующих о возможности его самостоятельного существования вне утробы матери, нель-

зя однозначно утверждать, что всегда рождается живой ребенок. С января 1993 г. в соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения отечественная медицина перешла на новые критерии живорождения и мертворождения. Поэтому начальный момент жизни связан с понятием живорождения, под которым понимается момент отделения плода от организма матери посредством родов... при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента) [10].

В отечественной медицине период новорожденности (или неонатальный период) определяется с момента рождения ребенка до 28 суток. Этот период считается кризисным для ребенка, поскольку связан с переходом от внутриутробного развития к адаптации в новых условиях.

Таким образом, начальный момент жизни человека практически совпадает с начальным моментом периода новорожденности (неонатального периода). Поэтому в литературе поднимается вопрос о неточностях законодательной конструкции состава, предусмотренного ст. 106 УК РФ, когда речь идет об убийстве матерью новорожденного ребенка во время родов. Считается, что мать своими действиями (бездействием) может причинить смерть во время родов только плоду, который становится новорожденным ребенком уже после родов. В связи с этим Л. А. Кудаева предлагает из текста ст. 106 УК РФ исключить слова «новорожденного ребенка во время родов», предусмотрев одновременно на уровне самостоятельной статьи ответственность за умышленное повреждение или уничтожение матерью жизнеспособного плода на поздних сроках беременности (ст. 106¹), изложив ее в следующей редакции: «Умышленное существенное повреждение или уничтожение матерью одного, двух или более жизнеспособных плодов, находящихся в ее утробе и превышающих возраст 22 и более недели, в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, – наказывается...» [1, с. 12–14]. Подход этого автора, с одной стороны, выглядит логичным, но с другой – редакции предлагаемых ею статей 106 и 106¹ вызывают вопросы: в частности, как квалифицировать случаи, когда роженица в процессе родов совершает убийство ребенка, который не полностью вышел из организма матери? Иначе говоря, он еще не является новорожденным в смысле ст. 106 УК РФ, но уже не находится в утробе матери, как того требует предельная ст. 106¹. То есть возникает определенный пробел.

Более удачным видится решение этой проблемы путем исключения из диспозиции ст. 106 УК РФ термина «новорожденный» [4, с. 115; 11, с. 77].

По-прежнему пробелом на законодательном уровне остаются вопросы квалификации убийства двух или более новорожденных. Повышенная общественная опасность содеянного в этом случае очевидна, поскольку речь идет о посягательстве на две или более человеческие жизни. При отражении этого момента в составе детоубийства в качестве отягчающего обстоятельства за основу можно взять конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 107 (Убийство, совершенное в состоянии аффекта).

Резюмируя сказанное выше, предлагаем ст. 106 УК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Убийство матерью рождающегося ребенка во время родов или родившегося ребенка сразу после родов, сопровождавшихся отклонениями в психике женщины, не исключаяющими ее вменяемости, возникшими под влиянием родов или иных, связанных или не связанных с родами психотравмирующих обстоятельств, – наказывается...

2. То же деяние, совершенное в отношении двух или более новорожденных, – наказывается...»

Библиографический список

1. Кудяева Л. А. Проблемы реализации уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами: теория, законодательство и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. URL: <https://www.dissercat.com/content/problemy-realizatsii-ugolovnoi-politiki-v-otnoshenii-prestuplenii-sovershaemykh-isklyuchitel'ysclid=lpuzetlvy23652694/read/read/read/pdf>.
2. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 465 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000726663/?ysclid=lpuzlnu6386066453.
3. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. 348 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26123651>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vzrgob>.
4. Нуркаева Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. URL: <https://books-all.ru/read/385351-lichnye-grazhdanskie-prava-i-svobody-cheloveka-i-ih-ohrana-ugolovno-pravovymi-sredstvami.html>.
5. Кудяева Л. А. Проблемы реализации уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами: теория, законодательство и правоприменительная практика: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 328 с. URL: <http://test.ssa.ru/dissertation/dissert/17-03-2023-2d.pdf>.
6. Дядюн К. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы объективной стороны состава // Адвокат. 2013. №. 11. С. 14–19. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65029-ubijstvo-materyu-novorozhdenno-go-rebenka-voprosy-obektivnoj-storony-ysclid=lpv28n73ah571404198>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20722063>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rllzfk>.
7. Тасаков С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 52 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005082748.pdf?ysclid=lpv2jxt27s300632962.
8. Лопашенко Н. А. Убийства. Москва, 2013. 544 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22544875>. EDN: <https://www.elibrary.ru/szjcbt>.
9. Штанькова А. П. Привилегированные составы преступлений: понятие, основания криминализации, виды, особенности квалификации и наказания: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 35 с. URL: https://naukaprava.ru/catalog/411/418/a59918/privilegированные_sostavy_prestupleniy_ponyatie_osnovaniya_kriminalizatsii_vidy_osobennosti_kvalifik2023-03-2317/?ysclid=lpv2saki3n14749355.
10. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (с изм. и доп. от 13.10.2021, № 987н) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // Российская газета. 2012. 23 марта. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902320615?ysclid=lpv2z57bi428209411>.
11. Шарапов Р. Д. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка // Уголовное право. 2012. №. 3. С. 75–78. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/61433-ugolovno-pravovoe-znachenie-yuridicheskogo-opredeleniya-momenta-rozheniya-ysclid=lpv355mui9500890921>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17749116>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oykmbx>.

References

1. Kudaeva L. A. *Problemy realizatsii ugolovnoy politiki v otnoshenii prestupleniy, sovershaemykh iskluchitel'no zhenshchinami: teoriya, zakonodatel'stvo i pravoprimeritel'naya praktika: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk* [Problems of the implementation of criminal policy in relation to crimes committed exclusively by women: theory, legislation and law enforcement practice: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2023. Available at: <https://www.dissercat.com/content/problemy-realizatsii-ugolovnoi-politiki-v-otnoshenii-prestuplenii-sovershaemykh-isklyuchi-tel?ysclid=lpuzetlvy23652694/read/read/read/pdf> [in Russian].
2. Popov A. N. *Prestupleniya protiv lichnosti pri smyagchayushchikh obstoyatel'stvakh* [Crimes against the person under mitigating circumstances]. Saint Petersburg: Izd-vo «Yuridicheskii tsentr Press», 2001, 456 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000726663/?ysclid=lpuzlnu6386066453 [in Russian].

3. Kondrashova T. V. *Problemy ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni, zdorov'ya, polovoy svobody i polovoy neprikosnovennosti* [Problems of criminal responsibility for crimes against life, health, sexual freedom and sexual integrity]. Yekaterinburg, 2000, 348 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26123651>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vzrgob> [in Russian].
4. Nurkaeva T. N. *Lichnye (grazhdanskie) prava i svobody cheloveka i ikh okhrana ugolovno-pravovymi sredstvami: voprosy teorii i praktiki* [Personal (civil) rights and freedoms of man and their protection by criminal law means: Issues of Theory and Practice]. Saint Petersburg: Izd-vo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2003. Available at: <https://books-all.ru/read/385351-lichnye-grazhdanskie-prava-i-svobody-cheloveka-i-ih-okhrana-ugolovno-pravovymi-sredstvami.html> [in Russian].
5. Kudaeva L. A. *Problemy realizatsii ugolovnoy politiki v otnoshenii prestupleniy, sovershaemykh isklyuchitel'no zhenshchinami: teoriya, zakonodatel'stvo i pravoprimeritel'naya praktika: dis. ...kand. yurid. nauk* [Problems of the implementation of criminal policy in relation to crimes committed exclusively by women: theory, legislation and law enforcement practice: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2023, 328 p. Available at: <http://test.ssa.ru/dissertation/dissert/17-03-2023-2d.pdf> [in Russian].
6. Dyadyun K. V. *Ubiystvo mater'yu novorozhdennogo rebenka: voprosy ob"ektivnoy storony sostava* [Murder by mother of the newborn child: questions of the objective party of structure]. *Advokat*, 2013, no. 11, pp. 14–19. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65029-ubijstvo-materyu-novorozhdennogo-rebenka-voprosy-obektivnoy-storony?ysclid=lpv28n73ah571404198>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20722063>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rllzfk> [in Russian].
7. Tasakov S. V. *Nravstvennye osnovy ugolovno-pravovykh norm, napravlennykh na okhranu lichnosti, ee prav, svobod i zakonnykh interesov: avtoref. dis. ...dokt. yurid. nauk* [Moral foundations of criminal law norms aimed at protecting the individual, his rights, freedoms and legitimate interests: author's abstract of Doctoral of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2010, 52 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005082748.pdf?ysclid=lpv2jxt27s300632962 [in Russian].
8. Lopashenko N. A. *Ubiystva* [Murders]. Moscow, 2013, 544 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22544875>. EDN: <https://www.elibrary.ru/szjcbt> [in Russian].
9. Shtankova A. P. *Privilegirovannye sostavy prestupleniy: ponyatie, osnovaniya kriminalizatsii, vidy, osobennosti kvalifikatsii i nakazaniya: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk* [Privileged elements of crimes: concept, grounds for criminalization, types, features of qualification and punishment: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2022, 35 p. Available at: https://naukaprava.ru/catalog/411/418/a59918/privilegirovannye_sostavy_prestupleniy_ponyatie_osnovaniya_kriminalizatsii_vidy_osobennosti_kvalifik2023-03-2317?ysclid=lpv2saki3n14749355 [in Russian].
10. *Prikaz Minzdravsotsrazvitiya Rossii ot 27.12.2011 № 1687n (s izm. i dop. ot 13.10.2021, № 987n) «O meditsinskikh kriteriyakh rozhdeniya, forme dokumenta o rozhdenii i poryadke ego vydachi»* [Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia dated 27.12.2011 № 1687n (as amended on 13.10.2021, № 987n) «On the medical criteria of birth, the form of the birth certificate and the procedure for its issuance»]. *Rossiyskaya gazeta*, 2012, March 23. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902320615?ysclid=lpv2z57bi428209411> [in Russian].
11. Sharapov R. D. *Ugolovno-pravovoe znachenie yuridicheskogo opredeleniya momenta rozhdeniya rebenka* [Legal definition of the moment of birth of the child and its criminal-legal value]. *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 3, pp. 75–78. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/61433-ugolovno-pravovoe-znachenie-yuridicheskogo-opredeleniya-momenta-rozhdeniya?ysclid=lpv355mui9500890921>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17749116>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oykmb> [in Russian].

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-95-101



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.48

Дата поступления: 04.08.2023

рецензирования: 06.09.2023

принятия: 15.11.2023

Социально-правовая природа наркопреступлений в современном международном и российском праве

А. Г. БезверховСамарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru**И. Ю. Беляев**Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ivanbeliaef@yandex.ru

Аннотация: Высокий уровень наркотизации современного социума требует от Российской Федерации и международного сообщества координации мер, направленных на противодействие незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ, для чего важна разработка единых подходов к определению социально-правовой природы наркопреступлений. Установлено, что для уяснения социально-правовой сущности наркопреступлений необходим системный анализ характера и степени их общественной опасности, который прежде всего связан с объектом (в том числе предметом) и объективной стороной составов наркопреступлений. Показано, что в отличие от национальной уголовно-правовой системы в международном праве нет специального указания на объект преступных деяний; кроме того, международное антинаркотическое право не предусматривает деление объектов преступлений «по вертикали». О содержании объекта названных посягательств в международном праве можно сделать вывод, исходя из текста преамбул соответствующих международно-правовых источников. Доказано, что основным объектом наркопреступлений по международному праву следует признать «здоровье человечества». Установлено, что российское уголовное законодательство предусматривает гораздо более широкий перечень предметов наркопреступлений, чем в международном праве, как по числу наркотических средств, так и по количеству психотропных веществ. Для эффективного противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ представляется целесообразным предусмотреть в международном праве составы хищения и вымогательства наркотических средств и психотропных веществ, а также нарушения правил оборота наркотических средств и сходных с ними веществ, поскольку конвенции не содержат в перечне наказуемых действий аналогов данному составу преступления, что приводит к пробелам в международно-правовом регулировании. Делается вывод, что для эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ необходимо всемерно гармонизировать подходы международного права и отечественного уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: международное право; международное уголовное право; соотношение международного и российского права; международные наркопреступления; социально-правовая природа преступлений; состав преступлений международного характера; преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ.

Цитирование. Безверхов А. Г., Беляев И. Ю. Социально-правовая природа наркопреступлений в современном международном и российском праве // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 95–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-95-101>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Безверхов А. Г., Беляев И. Ю., 2023

Артур Геннадьевич Безверхов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Иван Юрьевич Беляев – ассистент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 04.08.2023
Revised: 06.09.2023
Accepted: 15.11.2023

Socio-legal nature of drug-related crimes in modern international and Russian law

A. G. Bezverkhov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

I. Yu. Belyaev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: ivanbeliaef@yandex.ru

Abstract: The high level of drug addiction in modern society requires the Russian Federation and the international community to coordinate measures aimed at countering the illicit trafficking of narcotic drugs and similar substances, for which it is important to develop unified approaches to determining the socio-legal nature of drug crimes. It has been established that in order to understand the social and legal essence of drug crimes, a systematic analysis of the nature and degree of their social danger is necessary, which, first of all, is associated with the object (including the subject) and the objective side of drug crimes. It is shown that, unlike the national criminal legal system, in international law there is no special indication of the object of criminal acts. In addition, international anti-drug law does not provide for the division of objects of crimes «vertically». It is possible to draw a conclusion about the content of the object of these encroachments in international law based on the text of the preambles of the relevant international legal sources. It has been proven that the main object of drug crimes under international law should be recognized as «human health». It has been established that Russian criminal legislation provides for a much wider list of subjects of drug crimes than in international law, both in terms of the number of narcotic drugs and the number of psychotropic substances. To effectively combat illicit trafficking in narcotic drugs and similar substances, it seems advisable to provide in international law for the offenses of theft and extortion of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as violations of the rules for the circulation of narcotic drugs and similar substances, since the conventions do not contain analogues in the list of punishable acts this crime, which leads to gaps in international legal regulation. It is concluded that in order to effectively combat illicit trafficking in narcotic drugs and similar substances, it is necessary to fully harmonize the approaches of international law and domestic criminal legislation in this area.

Key words: international drug crimes; social and legal nature of crimes; corpus delicti of an international nature; crimes in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs and similar substances.

Citation. Bezverkhov A. G., Belyaev I. Yu. *Sotsial'no-pravovaya priroda narkoprestupleniy v sovremennom mezhdunarodnom i rossiyskom prave* [Socio-legal nature of drug-related crimes in modern international and Russian law]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 95–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-95-101> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Bezverkhov A. G., Belyaev I. Yu., 2023

Artur G. Bezverkhov – Doctor of Laws, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, head of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Ivan Yu. Belyaev – assistant lecturer of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Проблема наркотизации современного общества остается весьма злободневной. Достаточно привести число выявляемых преступлений, предусмотренных ст.ст. 228–230 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ или УК). Начиная с 2020 г. в России регистрируется ежегодно около 180 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, что свидетельствует о сохранении повышенной угрозы национальной безопасности Российской Федерации в виде наркотизации социума [1]. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности за последние десять лет (2011–2021 гг.) число наркопотребителей в мире увеличилось на 22 % и составило рекордные 275 миллионов человек [2]. Данные обстоятельства требуют от Российской Федерации

и международного сообщества координации мер, направленных на противодействие незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ, для чего необходимо выработать единые подходы прежде всего к определению социально-правовой природы наркопреступлений.

Теоретико-прикладную проблематику социально-правовой природы преступлений вообще принято считать глубоко исследованной [3, с. 132]. Между тем подходы ученых-юристов к определению содержания рассматриваемой категории до сих пор разнятся. Ряд исследователей определяют социально-правовую природу преступлений путем исторического истолкования их общественной опасности. Так, А. В. Наумов утверждает, что «в современном мире преступление не носит классового характера, а понятие о преступном

отражает представление о необходимости уголовно-правовой защиты всех признанных общечеловеческих ценностей от преступных посягательств» [4, с. 123–124]. А. О. Курбанов говорит о социально-правовой природе преступления как совокупности поведенческого акта причинителя вреда и его негативного воздействия на окружающую действительность [5, с. 13]. А. М. Герасимов толкует категорию социальной природы преступления семантически, обосновывая позицию о социально-правовом понимании преступления как «переступления» виновным лицом собственных общественных обязательств [6, с. 133].

На наш взгляд, для уяснения социально-правовой сущности преступления необходим системный анализ характера и степени его общественной опасности. Как известно, соответствующие качественные и количественные параметры используются для отграничения криминального от некриминального, а также для разграничения преступлений между собой в целях обеспечения строгой дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. С учетом вышеизложенного полагаем, что социально-правовая природа преступления отражена в объективных и субъективных признаках *corpus delicti*, где прежде всего связана с объектом (в том числе предметом) и объективной стороной состава преступления. Вышесказанное требует установления содержания всех признаков состава преступления, начиная с его объекта, а также обращение внимания на особенности описания преступного поведения в уголовно-правовых источниках.

Наркопреступления представляют собой общественно опасные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ. В отечественном законодательстве наркопреступления предусмотрены в ст.ст. 228–230 и 234.1 УК РФ и включают в себя как умышленные, так и неосторожные преступления против общественной безопасности. При этом родовым объектом наркопреступлений являются согласно положениям Особенной части УК РФ общественная безопасность и общественный порядок; видовым – здоровье населения; непосредственным – установленные правила оборота в сфере обеспечения безопасности здоровья населения.

Основными международными нормативными правовыми актами в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ являются Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 года (далее – Конвенция 1961 г.) [7], Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 года (далее – Конвенция 1971 г.) [8], Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [9]. Указанными международно-правовыми источниками выстроена стройная система юридического контроля за оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, на основании которых отдельными государствами заключаются реги-

ональные и двусторонние соглашения в сфере борьбы с незаконным оборотом соответствующих средств и веществ.

Однако в отличие от национальной уголовно-правовой системы международное антинаркотическое право не предусматривает деление объектов преступлений «по вертикали». Более того, в международном праве мы вообще не находим специального указания на объект преступных деяний. В то же время о содержании объекта названных посягательств можно сделать вывод, исходя из текста преамбул соответствующих правовых источников. Согласно преамбуле Конвенции 1961 г., в круг охраняемых объектов входят следующие категории: «благополучие человечества», «здоровье человечества», «экономическая и социальная безопасность человечества», а равно различные блага и ценности, касающиеся отдельных лиц – жертв наркопреступлений. Конвенции 1971 и 1988 гг. воспроизводят подход к определению круга правоохраняемых объектов, предложенный Конвенцией 1961 г., дополняя их перечень такими объектами, как «экономические, культурные и политические основы общества», «стабильность, безопасность и суверенитет государств». Безусловно, такой широкий перечень объектов международно-правовой защиты является недостатком юридической техники, поскольку невозможно установить особенности наркопреступлений в общей системе преступлений международного характера.

Любое преступление причиняет вред, как правило, множеству объектов правовой охраны. В то же время для эффективного противодействия преступлениям необходимо определить их специфику, которая прежде всего проявляется в основном объекте.

Принятый ООН подход может свидетельствовать, на наш взгляд, о специфической социально-правовой природе наркопреступлений. Если в список правоохраняемых объектов в международном праве вносится настолько широкий перечень благ, то это указывает на высокую опасность наркопреступлений, наносящих системный вред социальной структуре. Более того, на данное обстоятельство дополнительно указывает наименование подразделения ООН, в сферу ведения которого входит противодействие наркопреступлениям, – Управление ООН по наркотикам и преступности. Получается, что ООН не включает незаконный оборот наркотиков в категорию «преступность», а выносит его «за скобки». Это означает, что незаконный оборот наркотиков и сходных с ними веществ охватывает собой как преступное, так и непроступное поведение, как уголовные, так и неуголовные правонарушения.

Итак, основным объектом наркопреступлений по международному праву следует признать «здоровье человечества». В силу отсутствия в антинаркотических конвенциях аутентичного толкования такой категории предлагаем понимать под указанным правовым благом состояние полного социально-экономического, физического, психического благополучия населения Земли или континента

мира, группы государств. Это сложносоставной объект, который, наряду с политико-географическими критериями, может в контексте общественно-исторического процесса вбирать в себя как настоящее, так и будущее здоровье человеческой цивилизации.

Предмет наркопреступлений в международном и отечественном уголовном праве включает в себя несколько категорий специфических веществ и средств. Прежде всего – это наркотические средства и психотропные вещества. В соответствии с международным правом наркотическое средство представляет собой любое из природных или синтетических веществ, включенных в Списки I, II, III и IV Конвенции о наркотических средствах 1961 г. Психотропным веществом признается природное или синтетическое вещество или любой природный материал, включенные в Списки I, II, III и IV Конвенции 1971 г. (пп. «m», «r» ст. 1 Конвенции 1988 г.). Данные списки контроля предусматривают 118 наркотических средств и 86 психотропных веществ. В круг предмета наркопреступлений в международных конвенциях также включены прекурсоры, легальное определение которых не приводится. Данные вещества включены в списки контроля. Например, в Списке I Конвенции 1961 г. закреплено такое вещество, как «метадона промежуточный продукт».

Отечественное уголовное законодательство предусматривает гораздо более широкий перечень предметов наркопреступлений, нежели международное право: 405 наркотических средств и 123 психотропных вещества. Абсолютно все средства и вещества, предусмотренные Конвенциями 1961 г. и 1971 г., включены в российские списки контроля. В то же время отечественному антинаркотическому законодательству известны сотни наркотических средств и десятки психотропных веществ, которые отсутствуют в списках международных конвенций. Более того, российский законодатель предусмотрел определение общего понятия прекурсоров наркотических средств и сходных с ними веществ. Это «вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года».

В российском антинаркотическом законодательстве предусмотрена также категория «аналоги наркотических средств и психотропных веществ». Этот предмет наркопреступлений представляет собой запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных

веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят.

Таким образом, перечень предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, шире, чем в международном праве, как по числу наркотических средств, так и по количеству психотропных веществ. Более того, в отечественном уголовном праве (в отличие от международного) предметом названных преступлений признаются аналоги наркотических средств и психотропных веществ. В этой связи заметно противоречие в положениях международного антинаркотического законодательства. При описании в последнем весьма широкого перечня объектов правовой охраны круг предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, явно заужен по сравнению с перечнями таких веществ, закрепленными в российском законодательстве. У международного антинаркотического права существует явный потенциал для расширения предметов наркопреступлений.

Объективная сторона наркопреступлений с точки зрения международного права выражается в совершении следующих активных форм поведения (действий): 1) производство, 2) изготовление, 3) экстрагирование, 4) приготовление, 5) предложение, 6) предложение с целью продажи, 7) распространение, 8) продажа, 9) поставка на любых условиях, 10) посредничество, 11) переправка, 12) транзитная переправка, 13) транспортировка, 14) импорт или экспорт любого наркотического средства и психотропного вещества, а также 15) культивирование наркосодержащих растений, 16) хранение или 17) приобретение любого наркотического средства или психотропного вещества в нарушение существующего порядка их оборота, 18) изготовление, 19) транспортировка или 20) распространение оборудования или материалов, используемых при производстве соответствующих средств и веществ.

Все составы наркопреступлений, сформулированные в международном праве, являются формальными, поскольку в тексте соответствующих конвенций не встречается указание на наступление определенных последствий в результате совершения описанных действий как обязательного условия наступления уголовной ответственности.

Российский законодатель включает в объективную сторону наркопреступлений следующие незаконные действия: 1) приобретение, 2) хранение, 3) перевозка, 4) изготовление, 5) переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а равно наркосодержащих растений, 6) производство, 7) сбыт или пересылка, 8) хищение, 9) вымогательство, 10) контрабанда, 11) склонение к употреблению указанных выше средств и

веществ, 12) нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, инструментов, используемых для производства данных средств и веществ (что может быть совершено как путем действия, так и бездействия), а также 13) незаконное культивирование наркосодержащих растений.

Как видно из вышеприведенных перечней, объективная сторона наркопреступлений по российскому уголовному законодательству в части совпадает с международным антинаркотическим правом. К примеру, «производство», «хранение», «приобретение» соответствующих средств или веществ.

С другой стороны, в международном праве называются преступные действия, не включенные российским законодателем в круг наркопреступлений. В частности, это предложение с целью продажи и экстрагирование наркотических средств и психотропных веществ¹.

В свою очередь, в российском УК запрещены наркодействия, не известные международному праву: хищение и вымогательство наркотических средств и психотропных веществ, нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Криминализация приготвления к наркопреступлению и покушения на совершение наркопреступления международным правом специально не оговариваются. Однако в силу положений п. 11 ст. 3 Конвенции 1988 г. «ничто в настоящей статье не затрагивает тот принцип, что описание правонарушений, о которых в ней говорится, входит в компетенцию национального законодательства каждой Стороны и что преследование и наказание за такие правонарушения осуществляются в соответствии с этим законодательством». Соответственно, международное право прямо предусмотрело возможность достаточно широкого подхода к установлению и реализации уголовной ответственности за совершение наркопреступлений на внутригосударственном уровне.

Для эффективного противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ представляется целесообразным предусмотреть в международном праве составы хищения и вымогательства наркотических средств и психотропных веществ, а также нарушения правил оборота наркотических средств и сходных с ними веществ.

¹ Под экстрагированием понимается массообменный процесс избирательного извлечения одного или нескольких компонентов из твердых пористых материалов с помощью жидких реагентов – экстрагентов (вода, органические растворители, растворы кислот, щелочей и др.). См.: Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. Москва: 2017. Т. 33. С. 581. Как следует из приведенного определения, экстрагирование является частной формой изготовления наркотического средства или психотропного вещества, однако в российском праве мы не встречаем законодательного указания на данное обстоятельство.

Говоря о субъективной стороне наркопреступлений, необходимо отметить, что международное право не предусматривает каких-либо особенностей на этот счет. Так, в п. 3 ст. 3 Конвенции 1988 г. указывается следующее: «Осознание, намерение или цель как составные элементы правонарушения, указанного в пункте 1 настоящей статьи, могут быть установлены из объективных фактических обстоятельств дела». Данная норма лишь указывает на то, что субъективная сторона соответствующих составов преступления учитывается при квалификации, но какие-либо конкретные нормативные положения на этот счет в конвенциях отсутствуют при описании субъективной стороны наркопреступлений. Из текста конвенций следует, что последние совершаются с прямым умыслом (производство, предложение с целью продажи, импорт и экспорт и т. д.).

В конвенциях встречается указание на цель совершения наркопреступлений – «с целью продажи» (подп. «i» п. «a» ч. 1 ст. 3 Конвенции 1988 г.).

Примечательно, что международное право не регламентирует ответственность за неосторожные наркопреступления. Исходя из системного анализа положений Конвенции 1988 г., можно сделать вывод о том, что в международно-правовых документах нормы о неосторожных наркопреступлениях отсутствуют как таковые.

Субъективная сторона наркопреступлений с точки зрения российского права характеризуется умышленной формой вины, которая заключается в том, что субъект преступления осознает, что совершает незаконное деяние в виде приобретения, хранения, перевозки, изготовления либо переработки именно наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и т. д., и желает совершения такого правонарушения. Цели и мотивы наркопреступлений влияют на квалификацию содеянного. Обязательным конструктивным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, является его совершение «без цели сбыта». Квалифицирующим признаком преступления, описанного в ч. 2 ст. 228.2, признается особая мотивация, состоящая в корыстных побуждениях. Под последними согласно п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» понимается стремление виновного к получению материальной выгоды (денег, имущества или прав на их получение и т. п.) для себя или других лиц либо избавиться от материальных затрат (например, возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств) в результате умышленного нарушения правил оборота наркотических средств или психотропных веществ.

Кстати, нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228.2 УК РФ) может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

В целях совершенствования юридической техники антинаркотических международных конвенций (в частности, Конвенции 1988 г.) представляется возможным включить в текст соответствующих источников указание на субъективную сторону наркопреступлений (совершается ли последнее умышленно либо же наркопреступление совершается по неосторожности).

Международное право не содержит указаний на субъекта наркопреступлений. Если в российском уголовном праве существуют концепции общего и специального субъекта, то в антинаркотических конвенциях мы не находим соответствующих нормативных положений на этот счет.

По общему правилу, субъект наркопреступлений с точки зрения российского права является общим – физическим вменяемым лицом, достигшим возраста 16 лет. Однако есть отдельные исключения. К примеру, преступлению, предусмотренному ст. 228.2 УК РФ, свойственен специальный субъект – лицо, в обязанности которого входит соблюдение специальных правил оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Учитывая особенность составов наркопреступлений, связанную с особым состоянием психики наркопотребителей, для привлечения таких лиц к уголовной ответственности важно установление факта вменяемости субъекта на момент совершения наркопреступления.

Представляется, что отсутствие в международном антинаркотическом праве норм о субъекте наркопреступлений является серьезным пробелом. Поскольку международное право устанавливает универсальный подход к правовому регулированию, в соответствующих международно-правовых источниках целесообразно указать признаки субъекта наркопреступлений, прежде всего возраст, с которого начинается ответственность за то или иное преступное деяние в сфере незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ. Установление субъективных критериев ответственности будет отвечать требованиям международной антинаркотической политики.

Квалифицирующие признаки наркопреступлений конвенционально предусмотрены. Однако, в отличие от отечественного уголовного закона, располагающего такие признаки в каждой конкретной статье о наркопреступлении, в Конвенции 1988 г. они сгруппированы в отдельном нормативном положении. В пункте 5 ст. 3 этого документа предусматриваются следующие отягчающие наркoправонарушения обстоятельства, которые могут приниматься во внимание судами и другими имеющими юрисдикцию компетентными органами:

а) участие в правонарушении организованной преступной группы, в состав которой входит правонарушитель;

б) участие правонарушителя в других видах международной организованной преступной деятельности;

с) участие правонарушителя в других незаконных видах деятельности, которым содействовало совершение данного правонарушения;

д) применение правонарушителем насилия или оружия;

е) тот факт, что правонарушитель является должностным лицом и данное правонарушение связано с его должностью;

ф) вовлечение или использование несовершеннолетних;

г) тот факт, что правонарушение совершено в исправительном учреждении или в учебном заведении, или общественном учреждении или в непосредственной близости от них, или в других местах, которые используются школьниками и студентами для проведения учебных, спортивных и общественных мероприятий;

h) предыдущее осуждение, особенно за аналогичные правонарушения, за рубежом или в своей стране, насколько это допустимо в соответствии с национальным законодательством соответствующей Стороны.

Как ранее подчеркивалось, отечественный законодатель предусматривает квалифицирующие признаки в каждой отдельно взятой статье о наркопреступлении, выделяя следующие отягчающие обстоятельства: 1) значительный размер, 2) крупный размер, 3) особо крупный размер, 4) использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), 5) использование своего служебного положения, 6) причинение по неосторожности вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия, 7) применение насилия, не опасного или опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия, 8) группа лиц по предварительному сговору, 9) организованная группа, 10) лицо, достигшее 18-летнего возраста, в отношении несовершеннолетнего, 11) корыстные побуждения, 12) совершение наркопреступления в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательной организации, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, на территории воинской части, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга, и др.

Квалифицирующие признаки наркопреступлений в международном праве и российском законодательстве сопоставимы, однако в международном праве отсутствует ряд признаков, к примеру, совершение наркопреступления с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). В условиях бурного развития современного цифрового общества отсутствие такого отягчающего обстоятельства в универсальных нормативных правовых актах является существенным пробелом правового регулирования, который требует своего оперативного устранения.

В то же время международное антинаркотическое право включает в себя такой квалифициру-

ющий признак, как совершение правонарушения в учебном заведении, или общественном учреждении или в непосредственной близости от них, или в других местах, которые используются школьниками и студентами для проведения учебных, спортивных и общественных мероприятий, который отсутствует в российском уголовном законодательстве.

Для достижения целей борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ необходимо всемерно гармонизировать подходы международного права и отечественного уголовного законодательства в рассматриваемой области обеспечения безопасности здоровья населения и человечества.

Библиографический список

1. Состояние преступности (архивные данные). URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762> (дата обращения: 25.07.2023).
2. Всемирный доклад о наркотиках–2021. URL: https://www.unodc.org/res/wdr2021/field/V2104297_russian.pdf (дата обращения: 25.07.2023).
3. Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. Москва: БЕК, 2000. 256 с.
5. Курбанов А. О. Социально-правовая сущность преступления и категории преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 42 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-pravovaya-sushchnost-prestupleniya-i-kategorii-prestuplenii-po-ugolovnomu-pravu-ro/read>.
6. Герасимов А. М. Социально-правовая природа преступления и ее отражение в содержании уголовного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 131–139. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-2-131-139>. EDN: <https://elibrary.ru/prgfqo>.
7. Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf (дата обращения: 26.07.2023).
8. Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 года. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_ru.pdf (дата обращения: 26.07.2023).
9. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года // URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (дата обращения: 26.07.2023).
10. Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. Москва, 2017. Т. 33. 825 с.

References

1. *Sostoyanie prestupnosti (arkhivnye dannye)* [State of crime (archival data)]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762> (accessed: 25.07.2023) [in Russian].
2. *Vsemirnyy doklad o narkotikakh–2021* [World Drug Report–2021]. Available at: https://www.unodc.org/res/wdr2021/field/V2104297_russian.pdf (accessed: 25.07.2023) [in Russian].
3. Gerasimov A. M. *Teoriya ugolovnogo pravonarusheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theory of criminal offense: Thesis of Doctor of Law. sciences]. Saratov, 2022 [in Russian].
4. Naumov A. V. *Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lektsiy* [Russian criminal law. General part: course of lectures]. Moscow: BEK, 2000, 256 p. [in Russian].
5. Kurbanov A. O. *Sotsial'no-pravovaya sushchnost' prestupleniya i kategorii prestupleniy po ugolovnomu pravu Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Social and legal essence of crime and categories of crimes according to the criminal law of Russia: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2006, 42 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-pravovaya-sushchnost-prestupleniya-i-kategorii-prestuplenii-po-ugolovnomu-pravu-ro/read> [in Russian].
6. Gerasimov A. M. *Sotsial'no-pravovaya priroda prestupleniya i ee otrazhenie v sodержanii ugolovnogo zakonodatel'stva* [The socio-legal nature of the crime and its incorporation into criminal legislation]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2021, no. 2 (139), pp. 131–139. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-2-131-139>. EDN: <https://elibrary.ru/prgfqo> [in Russian].
7. *Edinaya konventsia OON o narkoticheskikh sredstvakh 1961 goda* [UN Single Convention on Narcotic Drugs, 1961]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf (accessed: 26.07.2023) [in Russian].
8. *Konventsia OON o psikhotropnykh veshchestvakh 1971 goda* [UN Convention on Psychotropic Substances 1971]. Available at: https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_ru.pdf (accessed: 26.07.2023) [in Russian].
9. *Konventsia OON o bor'be protiv nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv 1988 goda* [UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988]. Available at: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (accessed: 26.07.2023) [in Russian].
10. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: v 35 t. Gl. red. Yu. S. Osipov* [Osipov Yu. S. (Ed.) Great Russian Encyclopedia: [in 35 vols.]]. Moscow, 2017, vol. 33, 825 p. [in Russian].

Трибуна Молодого Ученого
TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-102-107



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/7

Дата поступления: 06.08.2023
рецензирования: 09.09.2023
принятия: 15.11.2023

Классификация преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), по уголовному законодательству Российской Федерации и Туркменистана

А. Г. Корпеев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: atakor@mail.ru

Аннотация: В уголовно-правовых доктринах Российской Федерации и Туркменистана, а также в нормативных правовых актах и иных официальных документах, принятых в этих государствах, существуют разные подходы к классификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий). Данные различия приводят к снижению результативности уголовно-правового противодействия соответствующей разновидности противоправных деяний. В связи с этим автором анализируются альтернативные подходы к классификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий). Делается вывод, что, исходя из структурных особенностей Уголовных кодексов Российской Федерации и Туркменистана, данные разновидности общественно опасных деяний следует классифицировать в зависимости от особенностей объекта и субъекта этих противоправных посягательств, характера и степени общественной опасности деяния, формы вины, а также способов и средств совершения названных преступлений. Сделанные в настоящей статье выводы и рекомендации имеют определенную теоретическую значимость и могут использоваться для дальнейшего исследования классификации и типологии преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий) по уголовному законодательству Российской Федерации и Туркменистана.

Ключевые слова: классификация преступлений; основания классификации преступлений; виды преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий); объект преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий); способы и средства преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий).

Цитирование. Корпеев А. Г. Классификация преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), по уголовному законодательству Российской Федерации и Туркменистана // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 102–107. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-102-107>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Корпеев А. Г., 2023

Ата Гельдыевич Корпеев – помощник ректора, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.08.2023
Revised: 09.09.2023
Accepted: 15.11.2023

Classification of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies) under the criminal legislation of the Russian Federation and Turkmenistan

A. G. Korpeev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: atakor@mail.ru

Abstract: In the criminal law doctrines of the Russian Federation and Turkmenistan, as well as in the legal acts and official documents adopted in these states, there are different approaches to the classification of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies). These differences lead to a decrease in the effectiveness of criminal law counteraction of the corresponding type of illegal acts. In this regard, the author analyzes alternative approaches to the classification of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies). It is concluded that based on the structural features of the Criminal Codes of the Russian Federation and Turkmenistan these types of socially dangerous acts should be classified depending on the characteristics of the object and subject of these unlawful attacks, the nature and degree of public danger of the act, the form of guilt, as well as the methods and means of committing these crimes. The conclusions and recommendations made in this article have a certain theoretical significance and can be used to further study of the classification of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies) under the criminal legislation of the Russian Federation and Turkmenistan.

Key words: classification of crimes; grounds for classifying crimes; types of crimes committed with the use of information and telecommunication networks (technologies); object of crimes committed with the use of information and telecommunication networks (technologies); methods and means of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies).

Citation. Korpeev A. G. *Klassifikatsiya prestupleniy, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey (tekhnologiy), po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii i Turkmenistana* [Classification of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies) under the criminal legislation of the Russian Federation and Turkmenistan]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 102–107. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-102-107> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Korpeev A. G., 2023

Ata G. Korpeev – assistant rector, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

По данным Международного Союза Электросвязи, являющегося учреждением в структуре деятельности ООН, в настоящее время в мире пользуются глобальными сетями телекоммуникации 3,2 миллиарда человек, из них 2 миллиарда человек – жители развивающихся стран [1]. Аудиторией информационно-телекоммуникационных сетей в основном являются молодые люди в возрасте от 15 до 28 лет. Столь быстрое развитие информационно-телекоммуникационных сетей (технологий) имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Последние связаны с негативными последствиями от использования высоких технологий в преступных и иных противоправных целях.

В настоящее время во всем мире наблюдается рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий). Согласно статистическим данным МВД РФ, в 2021 году только в Российской Федерации совершено около 520 тысяч преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий) [2]. В 2022 году в Российской Федерации было зарегистрировано уже 1.5 млрд кибератак [3]. Связано это, конечно, с высоким технологическим развитием общества и проводимой политикой цифровизации, направленной на внедрение различных информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы жизни современного человека.

Использование информационно-телекоммуникационных сетей в противоправных целях может привести к необратимым последствиям ввиду следующих обстоятельств. Во-первых, функциональная составляющая таких сетей расширяет возможности для злоумышленников использовать их при совершении самых разных преступлений, начиная от умышленного причинения вреда личности и до

различных деяний против общества, государства, мира и безопасности человечества. Во-вторых, различные информационно-телекоммуникационные сети имеют функциональную возможность для их конспиративного использования злоумышленниками при осуществлении деяния, что приводит к значительному повышению уровня латентности преступности. В-третьих, использование информационно-телекоммуникационных сетей в противоправных целях может носить транснациональный характер, что приводит к затруднению в расследовании и привлечении к ответственности виновных лиц.

В научной сфере такие преступления определяются как общественно опасные деяния, посягающие на безопасность компьютерных систем, на иные правоохраняемые объекты, к первоочередным из которых относятся: личная безопасность, собственность, имущественные права, национальная и мировая безопасность (кибертерроризм) [4, с. 18–21].

В связи с большой значимостью обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Одним из ее принципов является обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной среде [5]. В свою очередь, в Туркменистане разработана и утверждена Государственная программа по обеспечению кибербезопасности на 2022–2025 годы.

В уголовном законодательстве России и Туркменистана установлена ответственность за ряд преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий) и посягающих на общественные отношения, возникающие в различных сферах человеческой жизни.

В современной уголовно-правовой науке остро стоит вопрос о классификации этих преступлений с целью приведения более глубокой систематизации действующего уголовного законодательства Российской Федерации и Туркменистана в части данных разновидностей преступлений, а также решения вопросов дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. В свою очередь, вопрос о классификации киберпреступлений упирается в проблематику социально-правовой сущности данных разновидностей преступлений, определения содержания объективных и субъективных признаков «цифровых» посягательств, уточнения категорий этих общественно опасных деяний, а также установления за их совершение меры уголовной ответственности.

Процесс появления таких составов преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовном кодексе Туркменистана (далее – УК Туркменистана) напрямую связан со многими международными нормативными правовыми актами. Одним из таких является Европейская конвенция о киберпреступлениях, принятая в Будапеште 23 ноября 2001 года [6]. В данном документе определяется понятие информационно-телекоммуникационных сетей и содержится классификация указанных преступлений на две группы. Первая группа включает в себя преступления, предметом которых является компьютерная информация, например, незаконный перехват компьютерных данных. Вторая группа включает в себя преступления, где информационно-телекоммуникационные сети выступают в качестве средства совершения преступления, например, совершение умышленного причинения материального ущерба другому человеку путем удаления информации.

Таким образом, в рамках Совета Европы преступления с применением информационно-телекоммуникационных технологий можно условно классифицировать на две группы деяний, в которых данные технологии являются: 1) предметом деяния; 2) средством совершения деяния.

Российская Федерация оставила за собой право ратификации данной Конвенции, но по настоящее время так ее и не ратифицировала. Между тем часть правил Конвенции имплементированы в отечественное уголовное законодательство в виде составов преступлений, расположенных в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ. Такому примеру последовал и Туркменистан, закрепив в своем уголовном законодательстве главу 33 «Преступления в сфере компьютерной информации».

Весомый вклад в противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), внесло Содружество Независимых Государств (далее – СНГ), участниками которого являются Российская Федерация и Туркменистан. На площадке СНГ было принято соглашение в области обеспечения информационной безопасности

от 20 ноября 2013 года (далее – Соглашение), которое заложило методологические принципы борьбы с киберпреступлениями в рамках СНГ [7].

В данном Соглашении закреплено понятие вышеуказанных преступлений. Согласно ст. 2 Соглашения под преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), понимаются использование информационных ресурсов и/или воздействие на них в информационном пространстве в противоправных целях [7].

В Соглашении приведена следующая классификация таких преступлений: в первую группу входят противоправные деяния, направленные на компьютерную информацию (несанкционированный доступ к информации, воздействие на информацию), во вторую группу входят деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий) (незаконная трансграничная передача информации, информационный терроризм) [7].

Исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет», данные деяния классифицируются на совершаемые: 1) в сфере компьютерной информации; 2) с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет [8].

Этому есть обоснование. Как уже отмечалось, законодатели Российской Федерации и Туркменистана при закреплении составов преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), руководствовались международным опытом классификации таких деяний. В связи с этим уголовное законодательство России и Туркменистана схоже на сегодняшний день в части системы расположения таких составов преступлений, а именно это так называемая «специальная» группа составов, закрепленных в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ, главе 33 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК Туркменистана, а также квалифицированные составы общеуголовных преступлений с признаком «использование информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет)», которые рассредоточены по разным разделам и главам Особенной части УК РФ и УК Туркменистана.

Такого рода классификация деяний является логичной и обоснованной с точки зрения структурных особенностей уголовного законодательства Российской Федерации и Туркменистана. В первом случае закреплены специальные составы, объектом которых является компьютерная информация и различные компьютерные средства

(ст. 272–274² УК РФ, ст. 333–335 УК Туркменистана). Тем самым законодатель реализует охранительную функцию важной для личности, общества и государства компьютерной информации. Во втором случае законодатели двух стран, понимая всю опасность противоправного использования информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), дифференцируют уголовную ответственность в имеющихся составах преступлений, объектами которых могут являться жизнь и здоровье личности (пп. «д» ч. 2 ст. 110, пп. «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ, пп. «б» ч. 3 ст. 133, ч. 2 ст. 110², ч. 1 ст. 106 УК Туркменистана), общественная безопасность (ч. 2 ст. 205² УК РФ, пп. «в» ч. 3 ст. 222 УК РФ, пп. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, пп. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, пп. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ, ч. 2 ст. 175 УК Туркменистана), порядок в сфере экономической деятельности (ч. 1 ст. 171² УК РФ, ч. 1 ст. 185³, ст. 254 УК Туркменистана), собственность (ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ).

Опираясь на сложившуюся структурную особенность уголовного законодательства России и Туркменистана, представляется возможным условно классифицировать данные деяния на две группы. Первая группа деяний характеризуется тем, что совершается в отношении компьютерного устройства либо информации, содержащейся на этом устройстве. Вторая группа деяний – преступления, в которых соответствующие технические средства, включая сеть Интернет, являются средством совершения преступления. Как видно, основанием деления киберпреступлений выступают прежде всего объективные признаки их составов. Это объект, предмет, способ и средство совершения киберпреступлений.

Необходимо также отметить, что в уголовно-правовой доктрине посвящено много научных работ проблеме классификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий). Так, А. А. Ходусов предлагает следующим образом классифицировать данные деяния, основываясь на объекте: 1) преступления против конституционных прав и свобод гражданина, 2) преступления против жизни и здоровья населения, 3) преступления против чести и достоинства, 4) преступления против собственности, 5) преступления в сфере компьютерной информации, 6) преступления против общественной нравственности, 7) преступления против безопасности государства. При этом, как отмечает сам А. А. Ходусов, эта классификация не является идеальной, так как не характеризует данные общественно опасные деяния, а лишь дает им уголовно-правовую оценку [9, с. 90–91].

Классификация преступлений по родовому объекту посягательства является устоявшейся разновидностью дифференциации преступлений не только в рамках российского уголовного законодательства, но и в рамках уголовного законодательства Туркменистана. Объекты данных посягательств делятся по категориям общественной ценности на небольшой ценности (компьютерная

информация, общественная нравственность, личные права и свободы человека и гражданина), средней ценности (интересы семьи и несовершеннолетних, собственность, экономическая деятельность, интересы государственной власти), ценные (общественная безопасность) и особо ценные (жизнь человека, мир и безопасность человека, основы конституционного строя и безопасности государства), что позволяет с практической точки зрения верно квалифицировать совершенное противоправное деяние.

С. С. Витвицкая предлагает квалифицировать вышеуказанные деяния в зависимости от субъекта преступления. Это преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), общим или специальным субъектом [10, с. 19–21].

Вместе с тем в уголовном законодательстве России и Туркменистана выделяются следующие категории субъектов рассматриваемых преступлений: лица, осуществляющие неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ч. 1 ст. 272 УК РФ, 333 УК Туркменистана); лица, осуществляющие неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации в группе по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 272 УК РФ, 335 УК Туркменистана); лица, осуществляющие неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 272 УК РФ); лица, имеющие доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети и осуществляющие неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ч. 2 ст. 272 УК РФ) или нарушающие правила эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274 УК РФ); лица, создающие, внесшие изменения в существующие вредоносные программы, использующие, распространяющие такие программы или машинные носители с такими программами (ч. 1 ст. 273 УК РФ). В рамках этих категорий выделяются как общие, так и специальные субъекты.

Однако в ч. 2 ст. 272 УК РФ, ч. 2 ст. 334 УК Туркменистана законодатели определяют дополнительный признак субъекта преступления, указывая на лицо, которое имеет доступ к электронно-вычислительной машине, к ее системе или их сети, что говорит о наличии специального субъекта в составах рассматриваемых преступлений.

Исходя из вышесказанного, следует констатировать, что исследуемые преступления могут совершать лица, имеющие доступ к электронно-вычислительной машине, а также лица, не имеющие доступа к электронно-вычислительной машине, но при этом осуществляющие неправомерный доступ к охраняемому законом объекту.

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), также можно классифицировать исходя из преследуемых виновными целей:

1) преступления, в которых различные средства компьютерных технологий являются конеч-

ной целью преступника, например, противоправное действие направлено на уничтожение такой технологии (ст.ст. 272–273 УК РФ, ст. 334 УК Туркменистана);

2) преступления, при совершении которых компьютерные технологии являются промежуточной целью преступника, т. е. воздействуя на данные технологии, преступник достигает главную цель (например, корыстную - пп. «д» ч. 2 ст. 110, пп. «д» ч. 3 ст. 110¹, пп. «б» ч. 3 ст. 133, ч. 2 ст. 110², ч. 2 ст. 205², пп. «в» ч. 3 ст. 222, пп. «б» ч. 2 ст. 228¹, пп. «г» ч. 2 ст. 245, пп. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ, а равно ч. 1 ст. 106 и ч. 2 ст. 175 УК Туркменистана);

3) преступления, где высокие технологии являются автоматизированным средством соответствующих общественно опасных деяний (например, ст.ст. 274¹–274² УК РФ, ст. 333 и 335 УК Туркменистана).

Согласно ст. 15 УК РФ и ст. 11 УК Туркменистана основанием деления преступлений является общественная опасность преступных деяний. Исходя из этого преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), можно классифицировать по характеру и степени общественной опасности (категориям) на тяжкие (например, ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, пп. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ, п. 1.1 ст. 238¹ УК РФ, ст. 107 УК Туркменистана) и особо тяжкие преступления (например, ч. 2 ст. 205² УК РФ, ч. 3 ст. 271 УК Туркменистана).

Данная классификация имеет важное значение для решения ряда вопросов уголовно-правового характера: определения опасного и особо опасного рецидива, назначения соответствующего вида наказания, освобождения от уголовной ответственности, определения наличия смягчающих и отягчающих обстоятельств и иных вопросов в рамках уголовно-правовой науки.

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что классификация преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), по различным основаниям имеет весьма разнообразное прикладное значение. Классификация таких преступлений на основании объекта преступного

деяния способствует правильной систематизации таких деяний в рамках Особой части действующего уголовного законодательства Российской Федерации и Туркменистана. Классификация, основанная на способе и средстве совершения киберпреступлений, имеет не только уголовно-правовое (к примеру, повышение уровня общественной опасности), но и криминалистическое значение. В свою очередь, классификация в зависимости от субъекта криминального деяния способствует определению как основания, так и дифференциации уголовной ответственности в рамках действующего законодательства Российской Федерации и Туркменистана.

В заключение следует отметить, что на сегодняшний день в уголовно-правовой науке сложился комплекс теоретико-прикладного знания о классификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий). Действующее уголовное законодательство Российской Федерации и Туркменистана схожи в системе описания и расположения конструкций преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), что позволяет обеспечить их классификацию в зависимости от характера и степени общественной опасности, объекта, субъекта противоправного посягательства, а также способа и средства совершения киберпреступлений. Проблематику классификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), трудно считать исчерпанной. В связи с высоким ростом преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), и их постоянным видообразованием уголовное право России и Туркменистана должно симметрично отражать соответствующие криминогенные тенденции в сфере высоких технологий путем усовершенствования правовых средств противодействия данной разновидности деяний и практики их применения, а также дальнейшей научной проработки путей оптимизации уголовно-правовой материи в киберпространстве.

Библиографический список

1. Официальный сайт Международного союза электросвязи. URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/itu/> (дата обращения: 03.08.2023).
2. Официальный сайт МВД России: состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 03.08.2023).
3. Игнатова О., Куликов В. Кто кого обманывает // Российская газета. 2022. 14 июля.
4. Мирончик А. С., Сулопаров А. В. Хищение в электронной среде как разновидность информационных преступлений: проблемы разграничения и квалификации // Юридические исследования. 2019. № 9. С. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.9.30745>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oniejg>.
5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 03.08.2023).
6. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 года ETS № 185 // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/4089723/#ixzz5WwK9w8it> (дата обращения: 03.08.2023).

7. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности от 20.11.2013 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420278452> (дата обращения: 03.08.2023).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://vsrf.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 03.08.2023).
9. Безручко Е. В., Ходусов А. А. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных средств: философско-правовое конструирование эффективных классификаций // *Философия права*. 2020. № 3. С. 89–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-sovershaemye-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-sredstv-filosofsko-pravovoe-konstruirovaniye/viewer>.
10. Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие // *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023. Т. 1, № 1. С. 126–136. DOI: <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136>.

References

1. *Ofitsial'nyy sayt Mezhdunarodnogo soyuza elektrosvyazi* [Official website of the International Telecommunication Union]. Available at: <https://www.un.org/ru/ecosoc/itu/> (accessed: 03.08.2023) [in Russian].
2. *Ofitsial'nyy sayt MVD Rossii: sostoyanie prestupnosti* [Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia: the state of crime]. Available at: <https://mvd.rf/reports> (accessed: 03.08.2023) [in Russian].
3. Ignatova O., Kulikov V. *Kto kogo obmanyvaet* [Who is deceiving whom]. *Rossiyskaya gazeta*, 2022, July 14 [in Russian].
4. Mironchik A. S., Susloparov A. V. *Khishchenie v elektronnoy srede kak raznovidnost' informatsionnykh prestupleniy: problemy razgranicheniya i kvalifikatsii* [Electronic theft as a kind of computer crime: problems that arise during differentiation and qualification of this kind of crime]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Studies], 2019, no. 9, pp. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.9.30745>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oniejg> [in Russian].
5. *Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017-2030 gody»* [Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 № 203 «On the strategy for the development of the information society in the Russian Federation for the period 2017–2030»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed: 03.08.2023) [in Russian].
6. *Konventsiya o prestupnosti v sfere komp'yuternoy informatsii ot 23 noyabrya 2001 goda ETS № 185* [Convention on Cybercrime as of November 23, 2001 ETS № 185]. Retrieved from legal reference system «Sistema GARANT». Available at: <https://base.garant.ru/4089723/> (accessed: 03.08.2023) [in Russian].
7. *Soglasenie o sotrudnichestve gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv v oblasti obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti ot 20.11.2013* [Agreement on cooperation between the member states of the Commonwealth of Independent States in the field of information security as of 20.11.2013]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420278452> (accessed: 03.08.2023) [in Russian].
8. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.12.2022 № 37 «O nekotorykh voprosakh sudebnoy praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyakh v sfere komp'yuternoy informatsii, a takzhe inyykh prestupleniyakh, sovershennykh s ispol'zovaniem elektronnykh ili informatsionno-telekommunikatsionnykh setey, vklyuchaya set' «Internet»* [Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of 15.12.2022 № 37 «On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://vsrf.ru/documents/own/31913/> (accessed: 03.08.2023) [in Russian].
9. Bezruchko E. V., Khodusov A. A. *Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh sredstv: filosofsko-pravovye konstruirovaniye effektivnykh klassifikatsiy* [Crimes committed using information and telecommunication means: philosophical and legal formation of effective classifications]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2020, no. 3, pp. 89–95. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-sovershaemye-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-sredstv-filosofsko-pravovoe-konstruirovaniye/viewer> [in Russian].
10. Vitvitskaya S. S., Vitvitsky A. A., Isakova Yu. I. *Kiberprestupleniya: ponyatie, klassifikatsiya, mezhdunarodnoye protivodeystvie* [Cybercrimes: Concept, Classification, International Countering]. *Pravovoy poriyadok i pravovyye tsennosti* [Legal Order and Legal Values], 2023, vol. 1, no. 1, pp. 126–136. DOI: <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-108-113



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.11

Дата поступления: 11.08.2023
рецензирования: 15.09.2023
принятия: 15.11.2023

Юридическое согласование: ценностно-правовой аспект

Е. А. Шабашов

Самарский государственный экономический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: shabashov777@gmail.com

Аннотация: В статье раскрывается ценностное и правовое содержание юридического согласования как общеправовой категории, включающей в себя совокупность методов по урегулированию правоотношений на основе солидарности и наличия взаимного интереса. Приводятся предпосылки формирования современного представления о сущности юридического согласования, раскрываются классические философские позиции о ценностных характеристиках согласительных процедур. Характеризуются особенности соотношения природы консенсуса как результата юридического согласования и находящихся в тесной взаимосвязи с ним правовых категорий. Определяются ценностные свойства согласования в праве, влияющие на представления общества об искомой категории. Обосновывается невозможность применения в качестве основы для достижения общественного согласия национальных и религиозных ценностей. Выявляется взаимозависимость обеспечения общественного правопорядка, повышения уровня правовой культуры как вторичного результата длительного процесса применения устойчивых форм согласительных процедур.

Ключевые слова: юридическое согласование; правовые ценности; правовое государство; правовая культура; правосознание; правовое поведение; гражданское общество; права и свободы личности.

Цитирование. Шабашов Е. А. Юридическое согласование: ценностно-правовой аспект // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 108–113 DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-102-107>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шабашов Е. А., 2023

Евгений Александрович Шабашов – аспирант (3 год обучения), Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141; помощник судьи, Арбитражный суд Самарской области, 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Самарская, 203 б.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.08.2023
Revised: 15.09.2023
Accepted: 15.11.2023

Legal coordination: value and legal aspect

E. A. Shabashov

Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
E-mail: shabashov777@gmail.com

Abstract: The article reveals the value and legal content of legal agreement as a general legal category, which includes a set of methods for regulating legal relations on the basis of solidarity and the presence of mutual interest. The prerequisites for the formation of a modern understanding of the essence of legal agreement are given, and classical philosophical positions on the value characteristics of conciliation procedures are revealed. The features of the relationship between the nature of consensus as a result of legal agreement and the legal categories that are closely related to it are characterized. The value properties of coordination in law are determined, influencing society's ideas about the sought category. The impossibility of using national and religious values as a basis for achieving public consent is substantiated. The interdependence of ensuring public law and order and increasing the level of legal culture as a secondary result of a long process of applying sustainable forms of conciliation procedures is revealed.

Key words: legal coordination; legal values; legal state; legality; legal culture; legal awareness; legal behavior; civil society; individual rights and freedoms; legal order; legal values; legal state; legal culture; legal awareness; legal behavior; civil society; rights and freedoms of personality.

Citation. Shabashov E. A. *Yuridicheskoe soglasovanie: tsennostno-pravovoy aspekt* [Legal coordination: value and legal aspect]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 108–113. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-108-113> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Shabashov E. A., 2023

Evgeny A. Shabashov – postgraduate student of the 3rd year of study, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation; assistant judge, Arbitration Court of the Samara region, 203 b, Samarskaya Street, Samara, 443001, Russian Federation.

Распространение гуманистических начал и укрепление в общественном сознании таких ценностей, как формирование законности, обеспечение стабильности правовой действительности, защиты правовых принципов, предопределяет необходимость в совершенствовании подходов к формированию общественного консенсуса по наиболее значимым вопросам обеспечения правопорядка. Обеспечение гармоничного функционирования, единства в правовой политике государства и, как следствие, логичное и поступательное развитие законодательства для получения необходимых экономических результатов достигается при оптимальном соотношении общественных интересов различных субъектов правоотношений с учетом объективно складывающейся реальности.

Достижение институционально-нормативной основы общественной системы, которая позволит обеспечить баланс интересов между индивидуальными интересами членов гражданского общества и направленными на коллективное развитие целями государства, находится в плоскости дискреционных согласительных действий, направленных на достижение взаимной солидарности по дискуссионным положениям юридически значимых мероприятий.

Юридическое согласование, представляя собой общеправовую категорию, пронизывающую ту часть правовой материи, которая направлена на диспозитивное урегулирование правоотношений, имеет продолжительную историю существования, достаточную для укоренения в правовой действительности, тем не менее не получила необходимого общетеоретического осмысления, при том, что иллюстрирующие ее элементы являлись предметом множества научных работ.

Возникновение процесса согласования в достаточной степени представляется возможным отождествить со становлением классической греческой демократии в античное время. Так, афинские механизмы участия граждан в осуществлении наиболее значимых политических вопросов, получавших юридическое закрепление, имели под собой наиболее простую форму согласительных процедур для достижения общественного консенсуса по основным актуальным вопросам полиса.

Определив направление философской мысли в познании существующего сложившегося правопорядка, его основополагающих ценностей: свободы, справедливости, равенства (в ограниченном ее значении, с учетом рабовладельческого строя античных полисов); общественная структура правоотношений – социальное бытие, стала основным предметом исследования таких философов, как Платон и Аристотель.

Платон, основываясь на структуре первого организованного сообщества – Афинского полиса, определил модель «идеального государства», в котором отграничивал его от естественного природного общественного состояния через отсутствие в первом культа силы и борьбы всех против всех, определяя его основной чертой гармонию право-

отношений равных и свободных граждан, достижение согласия через открытое и рациональное обсуждение и решение проблем [1]. Он считал, что нерушимое единство норм и ценностей детерминирует формирование стабильности и консенсуса в обществе.

Аристотель же, развивая мысль своего предшественника, исходил из того, что «цель человеческого общежития не в том, чтобы жить, а в том, чтобы жить счастливо, приумножая добродетель, красоту и мудрость», для чего необходимо достижение общественного счастья через солидарное благополучие его частей – достижение согласия между гражданами [2].

Безусловно, труды античных философов наполнены общесоциальным, религиозным, нравственно-духовным контекстом. Однако именно на единстве этих основополагающих направлений общественной мысли возникла и развивалась юриспруденция.

Тем не менее следует разграничивать процесс согласования как общую категорию, имеющую в том числе философское осмысление, как одну из целей изучения науки конфликтологии, и ее юридическое наполнение, которое содержит в себе правовую значимость, востребованность для правового регулирования.

Достижение общественного консенсуса по большинству спорных правоотношений в настоящее время опосредует необходимость надлежащего юридического закрепления условий его достижения, обеспечения правовой стабильности общественных отношений посредством установления требований для ее сохранения, не допуская ограничений в ее совершенствовании. Указанные предпосылки обуславливают укрепление и развитие правопорядка в обществе.

Включающая в себя систему правовых норм, правоприменительные средства, относящиеся к средствам реализации индивидуально определенных ценностей, существующая система права в должной степени определяет основные направления формирования и развития системы ценностей, которые способствуют интеграции новых общественных процессов. Необходимо при этом учесть взаимосвязь между отражением ценностных в законодательстве государства через закрепление издаваемых государством совокупности правовых норм, которые не могут быть не согласованы с существующим в общественном сознании отношением к такому явлению – правовой культурой.

Наличие объективированного волеизъявления субъекта права, действия которого направлены на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, является обязательным условием совершения юридически значимых действий. Однако собственно юридическую значимость оно приобретает только при условии существования фактического или потенциального спорного правоотношения, например, по вопросу принадлежности собственности, его правовой статус может быть оспорен в установленном порядке, даже при

наличии достоверных оснований. В ином случае существование юридической значимости таких действий с точки зрения правового осмысления является сомнительным, поскольку теряется основная практическая необходимость, фактическая ценность существования такой категории отсутствует.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в силу объективной невозможности урегулирования нормами права всей совокупности общественных отношений, существование споров, конфликтов по различным вопросам урегулирования правоотношений является неизбежным свойством современного общества, что обуславливается социальной структурой, ее разграничением на правящих и управляемых в «императивно координированных ассоциациях», к которым относятся любые формы асимметричного распределения власти: государство, предприятие, религия, политическая партия и др [3]. Между тем вопрос о том, каким образом достигается соглашение об урегулировании спорных правоотношений, возможно разграничить на две наиболее укрупненные категории: урегулирование непосредственно до вступления в необходимые правоотношения (до принятия юридического акта, совершения юридически значимого действия, до возникновения последствий, ими порожаемых) и после их возникновения.

Юридическое согласование, как процессуальная составляющая достижения консенсуса, направлено на совершенствование праворегламентационной деятельности первой категории посредством утверждения необходимости дополнения волеизъявления субъекта права соответствующего волеизъявления иных субъектов права [4].

Обладая социально-философским, политико-правовым содержанием, юридическое согласование позволяет обеспечить более высокий уровень правового регулирования, поскольку предопределяет активное использование интеллектуальной деятельности субъектов права, направленных на предвидение и оценку последствий юридически значимых действий.

Практическая реализация мероприятий по юридическому согласованию позволяет обеспечить больший уровень правопорядка в соответствующих сферах общественных отношений, поскольку позволяет сформировать такую норму, которая сочетает в себе мировоззренческие установки различных экономических, культурных, политических групп на способ урегулирования тех или иных правоотношений.

Сущность правопорядка имеет своей основой объективную необходимость урегулирования социальных правоотношений, обеспечивающих гарантированность соблюдения законности, равно как и обеспечение субъективных прав и выполнение юридических обязанностей всеми субъектами правоотношений [5]. Осуществление правопорядка в определенных взаимоотношениях отражает согласованность норм права и правоотношений, актов реализации прав и обязанностей.

В юридически согласованном принятии соответствующих регулятивных норм отражается динамическая сущность правопорядка, которая раскрывается в своевременном выявлении пробелов в материи правового регулирования и адекватной реакции на них посредством внесения изменений с учетом изменившихся обстоятельств.

Ценностные характеристики юридического согласования находятся во взаимозависимости с правопорядком как основной целью согласования в праве, поскольку последнее является детерминантой обеспечения правовых основ обеспечения и поддержания законодательной властью государства нормативного закрепления его основ. Достижение консенсуса по определенным категориям правопорядка предполагает достижение определенного согласия общества о государственно-правовом устройстве, системе ценностей и норм, являющихся системообразующими для общества.

Между тем ценностные характеристики юридического согласования следует разграничивать с общедемократическими ценностями, поскольку последние могут приводить к установлению ситуации подчинения меньшинства большинству, предполагая лишь императивные альтернативы по вопросам правового регулирования.

Данное обстоятельство обуславливает невозможность применения в качестве основы для достижения общественного согласия национальных и религиозных ценностей, поскольку оно будет иметь своим основанием абстрактные духовные воззрения, которые не могут быть сведены к общему логическому основанию, которое бы могло стать разумным началом согласительных процедур.

Поскольку Российская Федерация является многонациональным государством, федеративное устройство которого основано на национально-территориальном принципе [6], указанные ценности могут являться дезинтегрирующими, нарушающими целостность государственного устройства. Обеспечение правовой защиты, предоставление правовых преимуществ для конкретных субъектов по обозначенным основаниям не может являться консолидирующим, тогда как основой общенационального консенсуса могут стать только юридически согласованные гарантированные государством права и свободы человека, а также меры их защиты, солидарность и диалог [7].

Установление таких ценностей как основополагающих требует от общества высокого уровня правовой культуры, которая складывается из совокупности взаимозависимых элементов, в том числе индивидуальных устойчивых образов поведения конкретного индивида, формирования его личности, ценностных ориентиров. Социальная конструкция, определяющая свободу и достоинство личности в качестве приоритетной ценности государства, может быть сформирована только в условиях длительного процесса развития и совершенствования правовой системы государства,

построенной на основе согласительных, а не конфронтационных процедур.

Правовая культура, правовое сознание общества, которые складываются на основе связанных между собой компонентов, таких как индивидуальные устойчивые образцы поведения, взаимозависимые по отношению к правопорядку, определяют направление развития правовой культуры каждого конкретного индивида, формирования его личности, ценностных ориентиров и активно влияют на повышение уровня правосознания и правовой культуры членов общества [8].

Говоря о правовой культуре как необходимой составляющей детерминации юридического согласования, следует учесть, что последнее является правовой ценностью, а правовая культура, в свою очередь, приобретает очертания, в немалой степени при условии предоставления широкому перечню субъектов возможности оказывать влияние на принятие решений по наиболее значимым правовым конструкциям. Идейное содержание правовой культуры определяет содержательные характеристики правопорядка – гибкость (способность к своевременной адекватной интеграции) и социальную направленность.

Согласительные процедуры являются необходимой частью механизма государственного управления, вне зависимости от сущности демократической процедуры, которая основана на ценности свободы и равенства, возможности реализации указанных прав [9], поскольку основное назначение указанной процедуры предполагает исключение безальтернативного выбора для субъектов согласования, предполагая нахождение единого взаимного приемлемого решения, которое будет сводиться к консенсусу между интересами большинства и меньшинства.

Эффективность организации управления государством, являясь одной из наиболее значимых характеристик концепции правового государства, может быть осуществлена только при условии существования сформированного правового механизма, обеспечивающего возможность взаимодействия граждан и государства, ориентирования их на достижение единой цели.

Дальнейшее развитие и внедрение согласительных мероприятий в формах государственного управления для преодоления разногласий на уровне общества и государства будет способствовать развитию общегосударственного консенсуса, совершенствованию существующих демократических институтов: выборности исполнительной власти, системы местного самоуправления, характера процесса принятия управленческих решений.

Являясь окончательным выражением юридического согласования по спорному вопросу в государственном управлении, консенсус выступает в двух формах, отражающих политическую и юридическую сторону, в которых имеются определенные различия:

а) характер урегулированных правоотношений: социально-политические, правовые, которые, од-

нако, зачастую проявляются в виде единого результата;

б) по правовым и политическим институтам, нормам;

в) по специфике процедур и используемой методологии разрешения конфликта, разногласий.

Совершенствование правовой системы общества с учетом ориентации его на юридическое согласование невозможно в обществе, в котором преобладает конфронтационный менталитет, отсутствует прочная взаимосвязь между доверием общества по отношению к процедурам согласования и результатам его деятельности.

Следует также учесть ценностную характеристику результата процедуры юридического согласования, которая заключается в особой, наиболее совершенной системе формирования механизмов разрешения политических противоречий, получивших материальное воплощение в государственно-правовых институтах посредством демократических инструментов, устанавливающих приоритет прав и свобод человека, единство, достигающееся посредством установления баланса между интересами индивидуума, общества, государства. Солидарность, достигнутая посредством применения согласительных процедур, в большей степени легитимизирует политическую власть и благоприятствует установлению устойчивого развития государства.

Согласительные процедуры предполагают изменение вектора конфликтных правоотношений, отказываясь от состязательности, присущей судебному рассмотрению спора, которому свойственно в большей степени поляризовать мнения тяжущихся в сторону мирного урегулирования конфликтной ситуации на основе сотрудничества, а не конфронтации сторон. Юридическое согласование, являясь конструктивным продолжением регулятивных мероприятий, может применяться как в гражданско-правовой сфере, так и в публичной, поскольку ориентирует участников правоотношений на преодоление разногласий на взаимоприемлемых условиях, вне зависимости от статуса субъекта.

Исходя из вышеизложенного следует, что ценностные характеристики юридического согласования находят свое выражение не только в виде конечного результата согласования. Процедурный аспект согласительных мероприятий имеет самостоятельное значение, позволяя обеспечить выполнение таких функций права, как воспитательную и оценочную, в долгосрочной перспективе указанная категория позволяет обеспечить большую вовлеченность субъектов в участие в формировании системы права государства.

Между тем, несмотря на отмеченные ценностные характеристики указанного подхода, следует также отметить наличие недостатков в повсеместном применении юридического согласования. В частности:

1) юридическое согласование требует значительного количества времени для определения

круга субъектов, которым надлежит осуществить согласование, направления инициатором согласования первоначального варианта, предоставления времени для субъектов согласования для проведения оценки, принятия решения, направления ответа инициатору;

2) потенциальная возможность применения права вето в отношении адекватной и логичной инициативы по причинам, не связанным с сущностью подлежащего регламентации вопроса;

3) «Парадокс Абилина» [10], содержание которого состоит в ограниченности результата согласования решить проблемы участников согласительных мероприятий, поскольку противоречит возможному выбору каждого из участников согласования независимо друг от друга.

Необходимо отметить, что указанные недостатки могут быть нивелированы при условии соблюдения ряда условий:

– единая цель участников юридического согласования;

– целесообразность процедуры согласования, полезность решения для участников юридического согласования (во властных правоотношениях, несмотря на ограничительный характер обязательности согласования для конкретного государственного органа, его полезность определяется через призму публичного интереса в укреплении доверительного отношения к государственным институтам, вовлечению широких слоев населения в регламентационную деятельность);

– отсутствие возможности одного из участников согласования принятия решения на основе императивно-властных начал, игнорируя мнение иных участников согласования;

– доверительное отношение участников согласования к процессуальной стороне согласования.

Подводя итог, необходимо отметить, что категория юридического согласования представляет собой закономерный этап эволюционного процесса регулирования общественных отношений, определяющий его функциональные особенности в совокупности, формируемый посредством государственного регулирования, отражающий необходимость в обеспечении упорядоченного состояния общества посредством согласованных действий.

Юридическое согласование, обладая набором определенных ценностных характеристик, позволяет субъектам достичь взаимоприемлемого сочетания прав и обязанностей, способствует повышению правовой культуры общества, а также свидетельствует о достаточно высоком уровне самосознания общества, готовности применять демократические способы разрешения споров, направленность на мирное урегулирование противоречий и конфликтов. Проведенный анализ юридического согласования как самостоятельной юридической категории позволяет рассматривать ее на различных стадиях правового регулирования, а также применять во всем многообразии правоотношений. Реализующее себя через различные демократические институты юридическое согласование представляется наиболее прогрессивной формой управления общественными процессами, однако требует корректировки определенных правовых категорий при правотворческой и право-реализационной деятельности для нивелирования возможности злоупотребления согласительными процедурами.

Библиографический список

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи. Москва: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с. URL: <https://scicenter.online/filosofiya-drevnegrecheskaya-scicenter/platon-sobranie-sochineniy-per-drevnegrech.html>.
2. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. 830 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_antichnaja/aristotel_sochinenija_v_chetyrekh_tomakh_tom_4_perev_i_red_a_i_dovatura/7-1-0-392.
3. Степаненкова В. М. Понятие социального конфликта в теории Р. Дарендорфа // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 141–142. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43163957>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ljdkmv>.
4. Штыков Д. В. Категория «согласие» среди основных понятий в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 35 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004802259.pdf.
5. Ланг П. П. Правопорядок: ценностно-правовой аспект // Российская юстиция. 2022. № 10. С. 9–13. DOI: https://doi.org/10.52433/01316761_2022_10_09. EDN: <https://www.elibrary.ru/yvwqhq>.
6. Нодари Дарчоевич Эриашвили. О соотношении федеративного устройства и административно-территориального деления в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 104–106. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2022-1-104-106>.
7. Ломкина О. В., Горлов Д. М., Саакян А. Г. Особенности национальной организации системы публичного управления в контексте демократических институтов // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 34 (2). С. 131–138. DOI: <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-10967>. EDN: <https://www.elibrary.ru/csqlicm>.
8. Працко Геннадий Святославович. Право и законность как основа правопорядка // Философия права. 2018. № 2 (85). С. 164–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-zakonnost-kak-osnova-pravoporyadka/viewer;https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35215823>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xsnbhv>.

9. Сычев А. А., Зайцева Е. В., Толкачев П. С. Демократия и принципы социально-экономического развития // Вестник университета. 2022. № 5. С. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-29-36>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kqmdvf>.
10. Раенко Е. А., Санукова А. М. Парадоксы теории вероятностей // Информация и образование: границы коммуникаций. 2018. № 10 (18). С. 279–281. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35411233>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xvxxzvz>.

References

1. Plato. *Sobranie sochineniy: v 4 t. Pod obshch. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Takho-Godi; primech. A. F. Losev i A. A. Takho-Godi* [Collected works: in 4 vols.; Losev A. F., Asmus V. F., Takho-Godi A. A. (Eds.); notes by Losev A. F. and Takho-Godi A. A.]. Moscow: Mysl', 1994, vol. 3, 654 p. Available at: <https://scicenter.online/filosofiya-drevnegrecheskaya-scicenter/platon-sobranie-sochineniy-per-drevnegrech.html> [in Russian].
2. Aristotle. *Sobranie sochineniy v 4 t. T 4* [Collected works in 4 vols. Vol. 4]. Moscow: Mysl', 1983, 830 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_antichnaja/aristotel_sochineniya_v_chetyrekh_tomakh_tom_4_perev_i_red_a_i_dovatura/7-1-0-392 [in Russian].
3. Stepanenkova V. M. *Ponyatie sotsial'nogo konflikta v teorii R. Darendorfa* [The notion of social conflict in the theory of R. Darendorf]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 1994, no. 5, pp. 141–142. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43163957>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ljdkmv> [in Russian].
4. Shtykov D. V. *Kategoriya «soglasie» sredi osnovnykh ponyatiy v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The category «consent» among the basic concepts in family law of the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2010, 35 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004802259.pdf [in Russian].
5. Lang P. P. *Pravoporyadok: tsennostno-pravovoy aspekt* [Rule of law: value and legal aspect]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2022, no. 10, pp. 9–13. DOI: https://doi.org/10.52433/01316761_2022_10_09. EDN: <https://www.elibrary.ru/yvwqhq> [in Russian].
6. Nodari Darchoevich Eriashvili. *O sootnoshenii federativnogo ustroystva i administrativno-territorial'nogo deleniya v Rossiyskoy Federatsii* [On the correlation of the federal structure and administrative-territorial division in the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [State service and personnel], 2022, no. 1, pp. 104–106. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2022-1-104-106> [in Russian].
7. Lomakina O. V., Gorlov D. M., Sahakyan A. G. *Osobennosti natsional'noy organizatsii sistemy publichnogo upravleniya v kontekste demokraticheskikh institutov* [Features of the national organization of the system public administration in the context of democratic institutions]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural-Humanitarian Studies], 2021, no. 34 (2), pp. 131–138. DOI: <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-10967>. EDN: <https://www.elibrary.ru/csqlem> [in Russian].
8. Pratsko Gennadiy Svyatoslavovich. *Pravo i zakonnost' kak osnova pravoporyadka* [Law and legality as the basis of law]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2018, no. 2 (85), pp. 164–169. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-zakonnost-kak-osnova-pravoporyadka/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35215823>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xsnbhv> [in Russian].
9. Sychev A. A., Zaytseva E. V., Tolkachev P. S. *Demokratiya i printsipy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Democracy and principles of socio-economic development]. *Vestnik Universiteta*, 2022, no. 5, pp. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-29-36>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kqmdvf> [in Russian].
10. Raenko E. A., Sanukova A. M. *Paradoksy teorii veroyatnostey* [Paradoxes of probability theory]. *Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsiy* [Information and education: borders of communications], 2018, no. 10 (18), pp. 279–281. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35411233>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xvxxzvz> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета *Juridical Journal of Samara University*» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX

**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2023
рецензирования: XX.XX.2024
принятия: XX.XX.2024

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. ИвановСамарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Иванов В. В., 2024

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: XX.XX.2023
Revised: XX.XX.2024
Accepted: XX.XX.2024

ARTICLE TITLES

V. V. IvanovSamara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2024, Vol. 10, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Иванов В. В., 2024

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)